

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

В. Н. Бараков
Н. В. Возжаева
В. В. Гончарова
В. Г. Захарченко
Е. А. Золотова
Н. А. Ивеншев
В. В. Касьянов
Д. А. Ковальчук
Ю. В. Козлов
В. Ю. Лапина
Ю. М. Лощиц
Ю. В. Лучинский
С. Н. Макарова
А. В. Пиценко
Н. Г. Пугачёва
Л. А. Сычёва
А. В. Татаринцов
А. А. Фокин
Е. В. Хомутов
В. И. Шульженко

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Юрий Михайлович Павлов

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Н. И. Крижановский

РЕДАКТОР ОТДЕЛА

Д. К. Диденко

ДИЗАЙН

И КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЁРСТКА

Е. А. Быковченко

КОРРЕКТОР

Л. А. Мирошникова

РОДНАЯ КУБАНЬ

Литературно-исторический журнал
№ 1 (110) 2026 г.

Адрес редакции:
350000, г. Краснодар, ул. Пашковская, 2.
Тел./факс 259-60-27; e-mail: r-kuban@inbox.ru
Подписной индекс: 31899.

СОУЧРЕДИТЕЛИ: администрация Краснодарского края,
ООО «Газетно-информационный комплекс
«Кубанские новости».

ИЗДАТЕЛЬ: ООО «Газетно-информационный
комплекс «Кубанские новости».
350000, г. Краснодар, ул. Пашковская, 2.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции не всегда совпадает с мнением
автора публикации.

Заказ № 251

Тираж номера 710 экз.

Свободная цена.

Подписано в печать .03.2026 г. Формат 84x106/16.

Дата выхода .03.2026 г.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 15, 12.

Отпечатано АО «Издательство «Советская Кубань».
Адрес типографии:

350000, г. Краснодар, ул. Рашпилевская, 106

Журнал зарегистрирован в Управлении Федераль-
ной службы по надзору в сфере связи, информаци-
онных технологий и массовых коммуникаций
по Южному федеральному округу ПИ № ТУ23-01250
от 29 января 2014 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

НИКОЛАЙ РУБЦОВ

«...ЗА ВСЮ ЛЮБОВЬ РАСПЛАТИМСЯ ЛЮБОВЬЮ...» 6

ВИКТОРИЯ МОЖАЕВА

«СМЕРТИ НЕТ, ТОЛЬКО СМЕРТНОЕ ВРЕМЯ...» 16

ВИКТОР БОГДАНОВ

«ПОМЕДЛИТЬ, ПОМОЛЧАТЬ И ОГЛЯНУТЬСЯ...» 22

ВИКТОРИЯ КУРГАНСКАЯ

«ПРИСЛУШАЙСЯ, ТАК УСКОЛЬЗАЕТ ЖИЗНЬ...» 28

СЕРГЕЙ ЗУБАРЕВ

«ГЛЯДЬ, А ВРЕМЕНИ И НЕТ...» 34

ПРОЗА

АЛЕКСЕЙ ШОРОХОВ

АТЕИСТ 42

АНДРЕЙ ПИЦЕНКО

ПОРЯДОК В ТАНКОВЫХ ВОЙСКАХ! 48

ВЛАДИМИР ВЕЩУНОВ

ЧИКИСТ..... 52

ДМИТРИЙ ЧУРКИН

БАБУШКА ПРОЕХАЛА 60

НА СТЫКЕ ЖАНРОВ

НИКОЛАЙ УСТЮЖАНИН

О ВОЙНЕ И МЕДСЕСТРЕ ЛИДЕ 74

КАВКАЗЯНКА: УНИКАЛЬНАЯ И ВЕЛИКОЛЕПНАЯ 76

ПРЕДЧУВСТВИЕ 77

ИНТЕЛЛЕКТ С ИСКУССТВЕННЫМ ДУШКОМ 78

ГОСТЬ НОМЕРА

«...НЕ ЗНАЮ, ЧТО ОСТАНЕТСЯ ОТ МЕНЯ, НО Я УВЕКОВЕЧИЛ ПОДВИГ И ИМЯ БРАТА»

Беседа Андрея Нейжмака с Александром Бобровым 82

НА ПЕРЕКРЁСТКАХ ИСТОРИИ

ЮРИЙ АРТЮХИН

КРЫМСКАЯ ВОЙНА. БОИ РУССКИХ КРЕПОСТЕЙ И КОРАБЛЕЙ

С АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИМИ АГРЕССОРАМИ В НАЧАЛЕ 1855 г. 94

РОДИНОВЕДЕНИЕ

ОЛЕГ МАТВЕЕВ

ЛЕРМОНТОВСКИЙ ЯНКО И ЕСАУЛ ЯКОВ БАРАХОВИЧ:

КОММЕНТАРИЙ ИСТОРИКА 102

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА

ДМИТРИЙ КОВАЛЬЧУК

НИКОЛАЙ РУБЦОВ: ПУТЬ СКВОЗЬ ВЕКА 108

ЮРИЙ МАКСИН

СУДЬБА ЛЮБИТЬ И БЫТЬ УБИТЫМ:

К 55-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ГИБЕЛИ Н. М. РУБЦОВА 116

СОФЬЯ АЛЬ-БОШИ

АРАБСКИЙ МИР В ВОСПРИЯТИИ ДИНЫ РУБИНОЙ 122

ДАРИНА ИГНАТЕНКО

ВИКТОРИЯ ГОРЯЙНОВА

ФИЛЬМ «ПРЕДАТЕЛЬСТВО» А. МЕДВЕДЕВА:

О НЕДОЧЕЛОВЕКАХ БЕЗ ЧУВСТВА РОДИНЫ 128

АНДРЕЙ НЕЙЖМАК

КАЗАЧЬЯ ЯВЬ. О РОМАНЕ А. МОЖАЕВА «ЗА ЧЕРТОЙ» 134

КУБАНЬ В ФОТООБЪЕКТИВЕ 140

Поружены в толмительный мороз,

Вокруг меня снега оцепенели!

Оцепенели маленькие ели,

И было небо темное, без звезд.

Какая мушь! Я был один живой

Один живой в бескрайнем мертвом поле!

Вдруг тихий свет – прирезившийся, что ли?

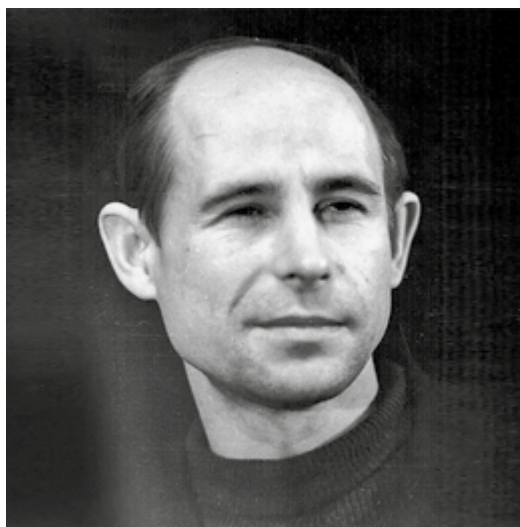
Мелькнул в пустыне, как сторожевой...

Я был совсем как слепой человек,

Входя в избу, – последняя надежда!

ПОЭЗИЯ

НИКОЛАЙ РУБЦОВ

(1936-1971)

Великий русский поэт, чье творчество стало продолжением лучших традиций русской классики. Родился в селе Емецк. Рано остался без родителей и попал в детдом. Начал публиковаться с 1957 г. Автор сборников «Звезда полей» (1967), «Душа хранит» (1969), «Сосен шум» (1970). Похоронен в Вологде.

«...ЗА ВСЮ ЛЮБОВЬ РАСПЛАТИМСЯ ЛЮБОВЬЮ...»

ВИДЕНИЯ НА ХОЛМЕ

*Взбегу на холм и упаду в траву.
И древностью повеет вдруг из дола!
И вдруг картины грозного раздора
Я в этот миг увижу наяву.
Пустынный свет на звездных берегах
И вереницы птиц твоих, Россия,
Затмит на миг
В крови и в жемчугах
Тупой башимак скуластого Батые...*

*Россия, Русь – куда я ни взгляну...
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы,
Люблю твои избушки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шепот из у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя...
Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы.
Они несут на флагах черный крест,
Они крестами небо закрестили,
И не леса мне видятся окрест,*

*А лес крестов
В окрестностях
России.
Кресты, кресты...*

*Я больше не могу!
Я резко отниму от глаз ладони
И вдруг увижу: смирно на лугу
Траву жуют стреноженные кони.
Заржут они – и где-то у осин
Подхватит эхо медленное ржанье,
И надо мной –
бессмертных звезд Руси,
Спокойных звезд безбрежное мерцанье...*

*Стихи на волю гонят нас,
Как будто ветер воеет, воеет
На отопленье паровое,
На электричество и газ!
Скажите, знаете ли вы
О вьюгах что-нибудь такое:
Кто может их заставить выть?
Кто может их остановить,
Когда захочется покоя?
А утром солнышко взойдет –*

*Кто может средство отыскать,
Чтоб задержать его восход?
Остановить его закат?
Вот так поэзия, она
Звенит – ее не остановишь!
А замолчит – напрасно стонешь!
Она незрима и вольна...
Прославит нас или унизит,
Но все равно возьмет свое.
И не она от нас зависит,
А мы зависим от нее...*

*В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды...*

*Красные цветы мои
В садике завяли все.
Лодка на речной мели
Скоро догниет совсем.*

*Дремлет на стене моей
Ивы кружевная тень.
Завтра у меня под ней
Будет хлопотливый день!*

*Буду поливать цветы,
Думать о своей судьбе,
Буду до ночной звезды
Лодку мастерить себе...*

РУССКИЙ ОГОНЁК

*Погружены в томительный мороз,
Вокруг меня снега оцепенели!
Оцепенели маленькие ели,
И было небо темное, без звезд.
Какая глушь! Я был один живой
Один живой в бескрайнем мертвом поле!
Вдруг тихий свет – пригрезившийся, что ли? –
Мелькнул в пустыне, как сторожевой...*

*Я был совсем как снежный человек,
Входя в избу, – последняя надежда! –
И услышал, отряхивая снег:
– Вот печь для вас... И теплая одежда...*

*Потом хозяйка слушала меня,
Но в тусклом взгляде жизни было мало,
И, неподвижно сидя у огня,
Она совсем, казалось, задремала...*

*Как много желтых снимков на Руси
В такой простой и бережной оправе!
И вдруг открылся мне и поразил
Сиротский смысл семейных фотографий!
Огнем, враждой земля полным-полна,
И близких всех душа не позабудет...
– Скажи, родимый,
Будет ли война? –
И я сказал: – Наверное, не будет.
– Дай Бог, дай Бог... ведь всем не угодишь,
А от раздора пользы не прибудет...
– И вдруг опять: – Не будет, говоришь?
Нет, – говорю, – наверное, не будет! –*

Дай Бог, дай Бог...
И долго на меня
Она смотрела, как глухонемая,
И, головы седой не поднимая,
Опять сидела тихо у огня.
Что снилось ей? Весь этот белый свет,
Быть может, встал пред нею
в то мгновенье?

Но я глухим бречением монет
Прервал ее старинные виденья.
– Господь с тобой! Мы денег не берем.
– Что ж, – говорю, – желаю вам здоровья!
За все добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью...

Спасибо, скромный русский огонек,
За то, что ты в предчувствии тревожном
Горишь для тех, кто в поле бездорожном
От всех друзей отчаянно далек,
За то, что, с доброй верою дружа,
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь, как добрая душа,
Горишь во мгле и нет тебе покоя...

ПАМЯТИ МАТЕРИ

Вот он и кончился, покой!
Взметая снег, завывала вьюга.
Завыли волки за рекой
Во мраке луга.

Сижу среди своих стихов,
Бумаг и хлама.

А где-то есть во мгле снегов
Могила мамы.

Там поле, небо и стога,
Хочу туда – о, километры!
Меня ведь свалят с ног снега,
Сведут с ума ночные ветры!

Но я смогу, но я смогу
По доброй воле
Пробить дорогу сквозь пургу
В зверином поле!..

Кто там стучит? Уйдите прочь!
Я завтра жду гостей заветных...
А может, мама? Может, ночь –
Ночные ветры?

Я буду скакать по холмам
задремавшей отчизны,
Неведомый сын удивительных
вольных племен!
Как прежде скакали на голос удачи
капризный,
Я буду скакать по следам
миновавших времен...

Давно ли, гуляя, гармонь
оглашала окрестность,
И сам председатель плясал,
выбиваясь из сил,

И требовал выпить за доблесть,
за труд и за честность,
И лучшую жницу, как зная,
в руках проносил!

И быстро, как ласточки,
мчался я в майском костюме
На звуки гармошки, на пенье
и смех на лужке,
А мимо неслись в торопливом
немолкнувшем шуме
Весенние воды, и бревна неслись
по реке...

Россия! Как грустно!
Как странно поникли и грустно
Во мгле над обрывом безвестные ивы мои!
Пустынно мерцает померкшая
звездная люстра,
И лодка моя на речной догнивает мели.

*И храм старины, удивительный,
белоколонный,
Пропал, как виденье,
меж этих померкших полей, –
Не жаль мне, не жаль мне растоптан-
ной царской короны,
Но жаль мне, но жаль мне разрушенных
белых церквей!..*

О, сельские виды!
О, дивное счастье родиться
В лугах, словно ангел,
под куполом синих небес!

Боюсь я, боюсь я, как вольная сильная птица,
Разбить свои крылья и больше
не видеть чудес!

Боюсь, что над нами
не будет таинственной силы,
Что, выплыв на лодке,
повсюду достану шестом,
Что, все понимая, без грусти пойду
до могилы...

Отчизна и воля – останься, мое божество!

Останьтесь, останьтесь,
небесные синие своды!

Останься, как сказка,
веселье воскресных ночей!
Пусть солнце на пашнях венчает
обильные всходы
Старинной короной своих
восходящих лучей!..

Я буду скакать, не нарушив ночное дыханье
И тайные сны неподвижных
больших деревень.
Никто меж полей не услышит
глухое скаканье,
Никто не окликнет мелькнувшую
легкую тень.

И только, страдая, израненный
бывший десантник
Расскажет в бреду удивленной
старухе своей,

Что ночью промчался какой-то
 таинственный всадник,
Неведомый отрок, и скрылся
 в тумане полей...

ЖУРАВЛИ

Меж болотных стволов красовался
 восток огнеликий...
Вот наступит октябрь –
 и покажутся вдруг журавли!
И разбудят меня, позовут
 журавлиные крики
Над моим чердаком, над болотом,
 забытым вдали...
Широко по Руси предназначенный
 срок увяданья
Возвещают они, как сказание
 древних страниц.
Все, что есть на душе, до конца
 выражает рыданье
И высокий полет этих гордых
 прославленных птиц.
Широко на Руси машут птицам
 согласные руки.
И забытость болот, и утраты
 знобящих полей –
Это выразят все, как сказанье,
 небесные звуки,
Далеко разгласит улетающий
 плач журавлей...
Вот летят, вот летят...
 Отворите скорее ворота!

Выходите скорей, чтоб взглянуть
 на любимцев своих!
Вот замолкли – и вновь сиротеет
 душа и природа
Оттого, что – молчи! – так никто
 уж не выразит их...

УЛЕТЕЛИ ЛИСТЬЯ

Улетели листья с тополей –
Повторилась в мире неизбежность...
Не жалея ты листья, не жалея,
А жалея любовь мою и нежность!
Пусть деревья голые стоят,
Не кляни ты шумные метели!
Разве в этом кто-то виноват,
Что с деревьев листья улетели?

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Я уеду из этой деревни,
Будет льдом покрываться река,
Будут ночью поскрипывать двери,
Будет грязь на дворе глубока.
Мать придет и уснет без улыбки...
И в затерянном сером краю
В эту ночь у берестяной зыбки
Ты оплачешь измену мою.
Так зачем же, прищурив ресницы,
У глухого болотного пня

*Спелой клюквой, как добрую птицу,
Ты с ладони кормила меня?*

*Слышишь, ветер шумит по сараю?
Слышишь, дочка смеется во сне?
Может, ангелы с нею играют
И под небо уносятся с ней.*

*Не грусти! На зноблящем причале
Парохода весною не жди!
Лучше выпьем давай на прощанье
За недолгую нежность в груди.*

*Мы с тобою как разные птицы!
Что ж нам ждать на одном берегу?
Может быть, я смогу возвратиться,
Может быть, никогда не смогу.*

*Ты не знаешь, как ночью по тропам
За спиною, куда ни пойду,
Чей-то злой, наступающий топот
Все мне слышится, словно в бреду.*

*Но однажды я вспомню про клюкву,
Про любовь твою в сером краю
И пошлю вам чудесную куклу,
Как последнюю сказку свою.*

*Чтобы девочка, куклу качая,
Никогда не сидела одна.
– Мама, мамочка! Кукла какая!
И мигает, и плачет она...*

НАД ВЕЧНЫМ ПОКОЕМ

*Рукой раздвинув темные кусты,
Я не нашел и запаха малины,
Но я нашел могильные кресты,
Когда ушел в малинник за овины...*

*Там фантастично тихо в темноте,
Там одиноко, боязно и сыро,
Там и ромашки будто бы не те –
Как существа уже иного мира.*

*И так в тумане омутной воды
Стояло тихо кладбище глухое,
Таким все было смертным и святым,
Что до конца не будет мне покоя.*

*И эту грусть, и святость прежних лет
Я так любил во мгле родного края,
Что я хотел упасть и умереть
И обнимать ромашки, умирая...*

*Пускай меня за тысячу земель
Уносит жизнь! Пускай меня пронесит
По всей земле надежда и метель,
Какую кто-то больше не выносит!*

*Когда ж почую близость похорон,
Приду сюда, где белые ромашки,
Где каждый смертный свято погребен
В такой же белой горестной рубашке...*

ДУША ХРАНИТ

Вода недвижимее стекла.

И в глубине ее светло.

И только щука, как стрела,

Пронзает водное стекло.

О, вид, смиренный и родной!

Березы, избы по буграм

И, отраженный глубиной,

Как сон столетий, Божий храм.

О, Русь – великий звездочет!

Как звезд не свергнуть с высоты,

Так век неслышно протечет,

Не тронув этой красоты,

Как будто древний этот вид

Раз навсегда запечатлен

В душе, которая хранит

Всю красоту былых времен...

ЦВЕТЫ

Владимиру Максимову

По утрам умываясь росой,

Как цвели они! Как красовались!

Но упали они под косой,

И спросил я: – А как назывались? –

И мерещилось многие дни

Что-то тайное в этой развязке:

Слишком грустно и нежно они

Назывались – «анютины глазки».

**АЛЕНЬКИЙ
ЦВЕТОК**

Домик моих родителей

Часто лишал я сна.

– Где он опять, не видели?

Мать без того больна. –

В зарослях сада нашего

Прятался я, как мог.

Там я тайком выращивал

Аленький свой цветок.

Этот цветочек аленький

Как я любил и прятал!

Нежил его, – вот маменька

Будет подарку рада!

Кстати его, нехстати ли,

Вырастить все же смог...

Нес я за гробом матери

Аленький свой цветок.

**В МИНУТЫ
МУЗЫКИ**

В минуты музыки печальной

Я представляю желтый плес,

И голос женщины прощальный,

И шум порывистых берез,

И первый снег под небом серым

Среди погаснувших полей,

И путь без солнца, путь без веры

Гонимых снегом журавлей...

Давно душа блуждать устала
В былой любви, в былом хмелю,
Давно понять пора настала,
Что слишком призраки люблю.

Но все равно в жилищах зыбких –
Попробуй их останови! –
Перекликаясь, плачут скрипки
О желтом плесе, о любви.

И все равно под небом низким
Я вижу явственно, до слез,
И желтый плес, и голос близкий,
И шум порывистых берез.

Как будто вечен час прощальный,
Как будто время ни при чем...
В минуты музыки печальной
Не говорите ни о чем.

ЗЕЛЕННЫЕ ЦВЕТЫ

Светлеет грусть, когда цветут цветы,
Когда брожу я многоцветным лугом
Один или с хорошим давним другом,
Который сам не терпит суеты.

За нами шум и пыльные хвосты –
Все улеглось! Одно осталось ясно –
Что мир устроен грозно и прекрасно,
Что легче там, где поле и цветы.

Остановившись в медленном пути,
Смотрю, как день, играя, расцветает.
Но даже здесь... чего-то не хватает...
Недостает того, что не найти.

Как не найти погаснувшей звезды,
Как никогда, бродя цветущей степью,
Меж белых листьев и на белых стеблях
Мне не найти зеленые цветы...

ЗИМНЯЯ ПЕСНЯ

В этой деревне огни не погашены.
Ты мне тоску не пророчь!
Светлыми звездами нежно украшена
Тихая зимняя ночь.
Светятся, тихие, светятся, чудные,
Слышится шум полыньи...
Были пути мои трудные, трудные.
Где ж вы, печали мои?
Скромная девушка мне улыбается,
Сам я улыбчив и рад!
Трудное, трудное – все забывается,
Светлые звезды горят!
Кто мне сказал, что во мгле заметленной
Глохнет покинутый луг?
Кто мне сказал, что надежды потеряны?
Кто это выдумал, друг?
В этой деревне огни не погашены.
Ты мне тоску не пророчь!
Светлыми звездами нежно украшена
Тихая зимняя ночь...

ДО КОНЦА

До конца,
До тихого креста
Пусть душа
Останется чиста!
Перед этой
Желтой, захолустной
Стороной березовой моей,
Перед жнивой
Пасмурной и грустной
В дни осенних
Горестных дождей,
Перед этим
Строгим сельсоветом,
Перед этим
Стадом у моста,
Перед всем
Старинным белым светом
Я клянусь:

Душа моя чиста.
Пусть она
Останется чиста
До конца,
До смертного креста!

Я умру в крещенские морозы
Я умру, когда трещат березы
А весной ужас будет полный:
На погост речные хлынут волны!
Из моей затопленной могилы
Гроб всплывет, забытый и унылый
Разобьется с треском,
и в потемки
Уплывут ужасные обломки!
Сам не знаю, что это такое...
Я не верю вечности покоя! ■

ВИКТОРИЯ МОЖАЕВА

Родилась в посёлке Пospелиха
Алтайского края.

В 1989 году окончила Литинститут,
семинар Анатолия Жигулина.

Член СП России. Публиковалась в журналах
«Дон», «Родная Кубань», «Молодая
гвардия», «Подъём» и многих других.

Лауреат премии имени М. А. Шолохова.

Проживает в хуторе Можаяевка
Ростовской области.

«СМЕРТИ НЕТ, ТОЛЬКО СМЕРТНОЕ ВРЕМЯ...»

*Не по злой, а по ласковой воле
Кроме теплого дома и хлеба,
Все мне хочется в чистое поле,
Все мне хочется в ясное небо.
У реки, где, как свадебный венчик,
На воде отраженье кувшинки,
Все мне кажется я – одуванчик,
Только дунь – и по ветру пушинки...*

* * *

*...И все-таки будет весна,
Опять зацветут абрикосы.
Какая же это война,
Когда соловьи и стрекозы?
В летящем, дрожащем снегу
Не видно бескрайнего поля...
И все-таки я добегу
До цели скорее, чем пуля.
Взорвется хрусталь голубой,
Рассыплется сердце каплейю,
Тебя укрывая собой,
Я буду лежать под метелью,
И мама из детского сна
Придет, постойт над рекою,
И скажет, что завтра – весна...
И свечку прикроет рукою.*

* * *

*Возьму этот день на ладони,
Как камушек серого цвета,
Вода дождевая в бидоне,
Последние капельки лета...
За окнами дождик канючит,
Опять у него аритмия...
Никак меня жизнь не научит
Ухватистой хитрости змия...
Все больше и больше немею
Под тяжестью скорбных открытий,
Все меньше и меньше умею
Распутывать смыслы событий...
Пусть каждый по сердцу получит,
Засохнут опавшие листья...
Никак меня Бог не научит
Святой простоте бескорыстия...
И нужно подумать о многом,
И к новым обвыкнуться ирамам,
Всегда между змием и Богом,
Всегда между миром и Храмом...*

* * *

*На ветках ивы золотая пряжа,
Уже подсохла топкая дорога.
Опять живем! И неземная стража
Еще хранит, не наказуя строго.*

Опять весна так много обещает,
Сквозит и рвется тонкий полог дыма...
И дождь весенний плачет и прощает,
Целует землю и проходит мимо.
В который раз утихнут птичьи крики,
В который раз прольется кровь заката...
Луна восходит, и на лунном лице,
Как прежде, Каин убивает брата.

* * *

По ушедшему лету поминки –
Все иное, лишь в небо взгляни.
Голубые цветут сентябринки,
Свет последний, последние дни...
Видя лист, облетающий с древа,
Так же к смерти себя приготовь.
Удержись от унынья и гнева:
Здесь еще не погибла любовь.
Здесь мальчишки крестов не снимают,
Даже если и бьют, и убьют.
Здесь и странных еще принимают,
И несчастным защиту дают.
Городки, хутора, терриконы –
В тьме российской живые огни.
Плачут в храмах святые иконы...
Свет последний, последние дни.

* * *

Думаю нотами,
Плачу стихами,
Все перепуталось
В доме моем...

Сумка с блокнотами,
Ларчик с духами,
Счастье с отчаяньем
Бродят вдвоем.
Сон неприкаянный,
Зов безответный,
Сердце премудрое
С глупой душой...
Не выдавай меня,
Сумрак рассветный,
Я еще может быть
Стану большой...

СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА

Если веру и крепость утрачу,
Если света не станет в лице,
Я пойду в Божий храм и заплачу
Перед ликом в терновом венце.
К этой муке приблизиться трудно,
Час шестой. Надвигается тьма.
Тихо в церкви и немногочисленно,
Как тогда у подножья холма.
Отче наш, разделю Твое бремя,
Унижение, страданье и страх.
Смерти нет, только смертное время
Перед вечностью падает в прах.
Дай мне, Господи, веру и слово,
Утешение в тяжкие дни,
И меня, как разбойника злого,
В светлом Царстве Твоем помяни.

* * *

**«На реках Вавилонских,
тамо седохом и плакахом...»**

(Пс. Давида)

Из-под ног убивающих конских
Не спою я уже, не скажу.
Это я на реках вавилонских
В сокрушении пленном сижусь.
Звук органов, на вербах, невнятен...
Не проси наших песен, палач!
Отчего мне так горько понятен
Этот смертный поверженный плач?
Лишь прикрою опухшие веки –
И рыданий в груди не сберечь.
Снова вижу незнакомые реки,
Снова слышу незнакомую речь.
И баяю музыку эту,
И плыву на горячей волне...
Поздно, Господи. Родины нету.
Вся на жертвенном пала огне.
Не расслышать напевов афонских
В иноземном постыдном плену.
Сколько нас на реках вавилонских!
Ночь покрыла родную страну...

* * *

Прожив беспечно много лет,
Вертя привычно круг недельный,
Вдруг осознать себя как свет,
С небесным светом нераздельный.
Вдруг ощутить с каких-то пор,
Что возле нас, не в мире сказок,
Так много связей и опор,

И подтверждений, и подсказок!
Полжизни бросив, как пятак,
Увидеть нищими глазами,
Что даже снег не просто так
Сияет звездными слезами.
Была крива, была пряма
Тропинка – долгое раздумье.
Я, может быть, сойду с ума,
Уйдя в безбрежное безумье,
Но где-то там, где будет Суд,
Где всем заблудшим есть поруки,
Меня согреют и спасут
Ко мне протянутые руки.

* * *

**«Крещенский снег...»
иерей О. Скобля**

Остановись, намокивших век
Не отирая:
Так тих и чист крещенский снег
У двери рая.
Как будто в море молока
Весь свет купали,
Как будто ночью облака
На землю пали.
Смешалась с белым синева,
Став парусами.
Кружатся нити, кружева
Под небесами.
Промчится жизнь, продлится век,
И, умирая,
Я вспомню снег,
Крещенский снег
У двери рая.

* * *

Ничего не хочу отныне я,
Жизнь несчастна и хороша.
Это бесу тоски-уныния
Приглянулась моя душа.
Рождество. Мокрый ветер кружится.
Ночью тучи и стук колес.
По утрам вытираю лужицы
Набежавших оконных слез.
Выбираю во всем наследии
Плохо кончивших до меня
Самый тихий исход трагедии –
Утро следующего дня.

СОН

Мне в глубокую полночь не спится,
Я стою на высоком холме.
Из души моей белая птица
Улетела и скрылась во тьме.
Только тяжесть смежает ресницы –
Вниз с обрыва, лишь бездны свистят.
Из души моей черные птицы
Темной стаей летят и летят.
Вот мгновенье – и оземь с размаха,
И руки не поднять для креста...
Где же ты, белокрылая птаха?
Растерзала тебя чернота.
Со словами молитвы проснулась –
То ли плачу я, то ли пою...
Словно белая птица вернулась
В опустевшую душу мою.

* * *

Проснутся древние пророчества,
И над землею высоко
Повеет ветер одиночества,
И станет горько и легко.
И в этот час, когда смыкаются
С началом – ночь, с концом – рассвет,
Душа уйдет прощать и каяться
Своей дорогой в белый свет.
Она уйдет в поток мелеющий
Воспоминаний и теней.
И Млечный Путь, как пепел тлеющий,
Прощально ляжет перед ней.

* * *

Весной вечера
Светлы, словно детская вера,
В закатных лучах
Пылинки кружатся живеи.
Стихает земля,
Встает золотая Венера,
И в белых кустах
Поет до утра соловей.
И сердце мое
На каждом ударе вбирает
Короткий мотив,
Который постигнуть невмочь...
Ах, как он поет!
Как будто, донев, умирает,
Как будто ему
Осталась последняя ночь.
Я думаю так,
Что музыка будет вначале,

Когда отойдут
Все страсти и боли мои.
Но в горных садах
Уже не бывает печали,
И, видимо, там
Другие поют соловьи.
А этот поет
С такой безутешной любовью,
Как флейтой Орфей
Холодную трогает тьму...
И тихий рассвет,
Плывя к моему изголовью,
Отраду несет
Короткому сну моему.

* * *

Лето мое, ну куда ты?
Листья уже закружились...
Все мои тихие даты
В памяти тихо сложились,
Все расставанья и встречи,
Все мои розы и раны,
Все поминальные свечи,
Все мои новые страны...
Даже когда побелею
Не опрошусь до укора,
Я не скажу, что жалею,
Не удивлюсь: что так скоро?!

Вот он и рядом, и ближе
Шорох дождя золотого,
Осень моя, заходи же,
Осень моя, я готова...

* * *

Осталось рассказывать сны –
Мы все друг о друге узнали.
Саднящее чувство вины
Последним аккордом в финале.
Последний вопрос не реша,
Уйдем мы за шторы тумана:
Зачем так бездонна душа,
Рожденная в мире обмана?
И если разгадывать сны –
Вот все, чем мудры люди,
Зачем мы друг другу верны,
В обнимку со словом «навсегда»?

* * *

Мы с душой моею помирились,
Пробродив полночи в карауле,
Мы с душой моей договорились,
И под утро наконец уснули.
Пусть несутся кони и пожары
Затухают тихо вдалеке...
И в окне моем горят Стожары,
Словно ожерелье на руке... ■

Архив Виктора Богданова

ВИКТОР БОГДАНОВ

Родился 11 февраля 1941 года
в Чечено-Ингушетии.

Окончил историко-филологический
факультет пединститута в городе Грозном.

Поэт, прозаик, сценарист, публицист.

Член Союза писателей России.

Публиковался во многих СМИ.

Живёт в Краснодаре.

«ПОМЕДЛИТЬ, ПОМОЛЧАТЬ И ОГЛЯНУТЬСЯ...»

ВСЕ НАПИСАНО РАНЬШЕ И ЛУЧШЕ

*Я не видел четыре года,
Я невежда из всех невежд,
Этот край моего восхода,
Край зеленых моих надежд.*

*Как же так могло получиться?
Как такое страстись могло?
И кружит надо мною птицей
На вершине горы село.*

*Здесь все те же речушки скачут
И на той же скупой земле
И смеются, и тут же плачут
Под гармонь, что смеялась мне.*

*И манила звонкоголоса.
Уводила за перевал.
И мальчишкой простоволосым
Я опять себя увидал.*

*Увидал и наполнился прежней
Верой в жизнь, в ожиданье любви...
И мои возвращались надежды.
И гремели мои соловьи.*

*Остановить немыслимый свой бег.
Куда нас всех несут стальные кони?
И вдруг услышать: в поле тает снег
И в глубине ворочаются корни.*

*И вдруг понять: вся радость бытия
Не там, не где-то в призрачном тумане,
А здесь, на белой маленькой поляне,
Где к родам вновь готовится земля.*

*Мы позабыли мерный шум лесов.
Торопимся и в праздники, и в будни.
Куда мы с вами разогнались, люди,
Под этот сумасшедший звон часов?*

*Быть может время самое сейчас
Помедлить, помолчать и оглянуться,
Что б ненароком вдруг не разминуться
С природою – праматерью всех нас.*

ЗАТЕРЕЧНАЯ СТЕПЬ

*А мне к тебе лететь не долететь.
Не доползти, душой не прилепиться.
Так что же ты, Затеречная степь,
Который год не устаетшь мне сниться.*

С полынною окраиной села,
Где журавли скрипучие в дозоре,
Твои во мне звенят перепела,
И кони бьют копытами о зори.

Ах, мне бы... Мне бы на крутой заре
Вскочить в седло и, ни о чем не помня,
Скакать, как в той мальчишеской поре,
Что б из-под ног коня лишь глины комья.

Лишь жаворонок в небе, да песок,
Да Терек так без усталости стремится.
И прошлое не серебрят висок,
И все, о чем мечтаю, совершится.

По-над Тереком рекой
Тучи ходят хмурые.
Казачина молодой,
Помни: пуля – дура.

Не спеши ей подставлять
Голову лихую.
Береги родную мать,
Женку молодую.

Что ты, ворон вороной,
Каркаешь, стена.
Пахнет кровью и войной
Сторона родная.

Позабыв закон добра,
Ворог точит шашку.
На земле беда стара.
Лишь добро в натяжку.

По-над Тереком рекой
Тучи разойдутся.
Казачина молодой,
Чтоб тебе вернуться.

ИГРАЙ, ГАРМОНЬ

Играй, гармонь, твоя игра по мне.
Играй, гармонь, звени светло и чисто.
Я снова в той российской стороне,
Где все еще в почете гармонисты.

Где все еще естественно звучат
Придуманные на ходу припевки.
И ивы, как солдаты на поверке,
Построившись, у тихих рек стоят.

Гуляй, гармонь, живи себе в глуши,
Как родники живут под облаками,
Обласканные солнцем и цветами.
Живи, гармонь, сдвигай пласты с души.

Пусть она, как ты, переживет
Незащищенной славу и бесславье.
Пусть в себя, как некогда, вберет
И свет берез, и запах разнотравья...

СВЕРСТНИКАМ

Рожденные при пламени войны,
Под свист снарядов, а не пенье птичье,
Мы постигали азбуку страны
В ее суровом воинском обличье.

*Мы впитывали вместе с молоком
(И так тогда, наверно, было надо)
Слова: земля родная, отчий дом
И рядом: похоронка, враг, блокада.*

*Сыны страны, закованной в броню,
Одною душой со страной жили.
И если мы играли, то в войну.
И в той войне всегда фашистов били.*

*Когда же грянул тот счастливый миг,
Когда Победы залпы отзвучали,
Мы стали постигать другой язык –
Тот вечный, материнский,
изначальный.*

*Где было место солнцу и траве,
Голубизне небес, букашке малой.
Всему, о чем забыли на войне.
Всему, чего так раньше не хватало.*

*Дороже злата и затертых слов
Магнолий роскошь.
Сдержанность дубов.*

*Свирепый рык
Нахлынувшей волны.
Печальный звук
Оборванной струны...*

ДЯДЯ КОЛЯ

*Дядя Коля крепкого замеса,
Каменщик и ярый гармонист.
Он играл, и становилось тесно.
И вздыхали женщины: «Артист!»*

*И казалась маленькой планета.
И сходились парни за версту.
И звучали песни до рассвета
Под гармонь залиvistую ту.*

*И особой выправкой отмечен.
Хоть и не особенно речист.
В пыль стирал подметки он за вечер.
Дядя Коля – лучший гармонист.*

*Он плясал – и облака звенели.
Он плясал – и шли деревья в пляс.
И девчата в сумраке немели,
Золотых не поднимая глаз.*

*Он прошел путем военным строгим.
На судьбу лихую не роптал.
– Дядя Коля, где же ваши ноги?
– Где-то по дороге потерял.*

*...Я приду к нему в субботний вечер.
Я бутылку красного возьму.
Дядю Колю обниму за плечи:
– Дядя Коля, спой мне про войну.*

*Он начнет, я подхвачу несмело.
Незаметно люди подойдут:*

– Знаешь, парень, это ведь не дело.
Так у нас в деревне не поют.

Ты давай спляши для дяди Коли.
Ты спляши. И пусть нам брат не черт.
Ты спляши. – И с затаенной болью
Он гармонь заветную возьмет.

Я спляшу, дядь Коля, как умею.
Я спляшу, как можно веселей.
Я себя, дядь Коля, не жалею.
Ты себя сегодня пожалей.

А потом по улице нескоро
Мы пойдем меж мертвых и живых.
Будут нам надежною опорой
Две ноги, дядь Коля, на двоих.

СТАРШИНА

А он и вправду мал, наш шар земной.
Я встретился вчера со стариной.

Я помню нас, худющих салажат,
К нему в казарму привели когда-то.
Он, показалось мне, был строговат.
И все-таки берег нас, как цыплят,
И все смотрел с прищуром хитроватым.

Как будто примерялся без конца:
– А ну-ка, что из вас позднее будет?
Он был нам и за мать, и за отца.
И, помню, понапрасну не обидит.

...Я торопился. Дня мне не хватало.
Я ночью при потушенном огне,
Когда одна луна в окне стояла,
Писал, и нелегко писалось мне.

Спала казарма, всхрапывая тяжело:
Сто молодых, здоровых, крепких тел,
И только старишина, не сняв фуражки,
Чинил белье и потихоньку пел.

И видя, как мечусь я ошалелый,
Как рву бумагу, яростен и хмур,
Он подходил на цыпочках к постели
И говорил: «Да брось ты эту дурь».

Нет, чтобы я себя вот так калечил...
Послушай, ты ведь парень не дурак».
Я слушал, не ругаясь, не переча.
И терся лбом о стиснутый кулак.

Он уходил обиженно и прямо.
И все шептал: «Какого бы рожна...»
Я засыпал. И снились мне казарма
И штопавший белье наш старишина.

Уставшие ребята после «боя».
Мой друг Смычок с улыбкою жреца.
Мне снился мир, затопленный весною,
Которому и вправду нет конца.

...Прекрасно все-таки,
что мал наш шар земной.
Я встретился вчера со стариной.

Мои леса заиндевели.
И занедужили леса.
Уже который день недели
Река не входит в берега.

Как будто перед зимней стужей
Всех убедить она должна,
Что без ее кому-то нужен
И что сама она нужна.

Как эта озимь у дороги
И присмирившая ольха.
И предрассветный, бестревожный
Крик горлопана-петуха.

ОКРАИНА

Опять в лицо мое повеяло
Росистым воздухом полей.
Опять от радости потерянно
Поет за речкой соловей.

И в нежном сумраке топорищится,
И до смущенья дорог мне
Угор с ольховой робкой рощицей
И жеребенком в стороне.

Как мне приятны узнавания
Забывших, кажется, примет.
Где изначальные названия
Не затерялись в шуме лет.

Где речки тонкая излучина
Напомнит снова мне о том,
Что все надежды наши лучшие –
На отчий край, на отчий дом.

Что навсегда со мной непрошено –
И от себя я не сбегу,
Все тот же дол с травой некошеной.
Все тот же лес на берегу.

И солнца красная окалина
Весенней веет синевой.
Благослови меня, окраина,
На встречу долгую с тобой. ■

Виктора Карповича Богданова, автора «Родной Кубани»,
редакция журнала поздравляет с 85-летием!
Желаем жизненного и творческого долголетия.

Архив Виктории Курганской

ВИКТОРИЯ КУРГАНСКАЯ

Родилась 11 апреля 1967 года
в Новороссийске.

Окончила педучилище, а затем
Ленинградский педуниверситет
имени Герцена. Преподавала
в школе. Публиковалась в журнале
«Аврора», «Литературной газете»
и других СМИ.

Живёт в Новороссийске.

«ПРИСЛУШАЙСЯ, ТАК УСКОЛЬЗАЕТ ЖИЗНЬ...»

ПЛАТОК

*Канун весны – белила и сурьма.
Речушки серебристая тесьма.
Графичной зарисовкой дальний лес.
Сень утра ясноглазого окрест.*

*Пунктирной строчкой птичьей
письмена,*

*Сквозного ветра хлесткая волна.
Веревки обрывая тетиву,
Белье трепещет, рвется в синеву.*

*Стою, зажав прищепки в кулаке,
Слежу за резким взлетом и пике.
Поймав шальной неистовый поток,
Скользнул на волю газовый платок*

*И закружил над заспанной землей –
Расхристанной, по-вешнему хмельной.
Парил над лесом, пустошью полей,
Щемящей безнадегой февралей,
Взмывая к солнцу, в утреннюю высь.
Я вслед шепнула: «Пропадешь. Вернись».*

РОСТОК НАДЕЖДЫ

*До весны всего-ничего – полисага.
Поутру капли живая влага.
На припеке врановое сословье
Битый час отчаянно сквернословит.*

*Потускневший лед, вод сердцебиенье,
Синевы Господне благословенье.
На полях – размытая плешь проталин.
Март плаксив, обманчив, сентиментален.*

*Занесет метелью, хлестнет, поземкой,
Пропоеет синичьей веснянкой звонкой.
Распахнет гардины, сердца, одежды...
Отогреет робким ростком надежды.*

КОКТЕБЕЛЬ

*Коктебель пахнет хвоей,
Согретой в ладонях скал.
Дразнит ветром, несущим прохладу
морских глубин.
В Тихой бухте – сварливые чайки,
с утра – скандал.
Катерами исчерканный гладкий аквамарин.*

Новый Свет осыпается тысячей лепестков,
Исчезает в рассветном тумане,
парит в садах.
Оригами беспечных, метущихся облаков,
Брызги церциса –
Кисти Господней неловкий взмах.

Сон-трава – неприметная радость
На склонах гор,
Россыпь диких тюльпанов –
Нетканый ковер степи.
В Балаклаве – дельфины, нестройный
кошащий хор,
Заржавелые лодки,
У пристани на цепи.

Расцветает апрель,
Прибавляя мне ровно год.
Пусть взгрустнулось немного,
Но все же светла печаль.
Ловит солнце в ведерко с нехитрым уловом кот,
Небо топит в заливе
Лазоревую эмаль.

ПОЧУЯВ ЛЕТО

Почуяв лето – собрать котомку,
Купить плацкарту на скорый поезд.
О дне грядущем не беспокоясь,
Мотив насвистывая негромко,

Петляя тропкой, спуститься к пляжу.
Ватага волн голыши катает,
И рыбка плещется золотая –
Такую невод принес однажды.

Под сенью неба – лазурь и охра.
Глотнуть микстуру прогретой хвои,
Язык высокой травы освоить,
Под хор цикад на момент оглохнуть.

Сидеть, скалу подперев спиной –
Брутальным тоже нужна опора.
И слушать долгие разговоры
Луны с беспечностью голубою.

Смотреть маяк, сочинять сонеты,
Дивиться облачным плавным танцам.
На край земли – чтоб навек остаться –
Собрать котомку, почуяв лето.

ДОМ ПОСАПЫВАЛ ВО СНЕ

Дом посапывал во сне.
Душно, окна нараспашку.
В круглой рамке на стене
Гладью вышиты ромашки.

Крался дождь, июньский гром
Дребезжал впотьмах посудой.
Ночь прошла, свершилось чудо –
Тучи сдуло ветерком.

Утро. Лепет сонных лип,
Ссора пары голубиной,
Мелодичных ставней скрип,
Гомон в зарослях калины.

Грянет солнце на луга
Оркестровой жаркой медью.
Зарумянятся стога.
Погоди, июнь, помедли.

*Пусть колышет на реке
Зной сомлевающие пятнашки,
Промелькнет на большаке
Белый лен его рубашки.*

*Сбросишь платье у воды –
Волны кожу поцелуют.
Тропкой, напрямки к июлю,
По песку бегут следы.*

ПРИВОРОЖИ

*Найди меня в краю медовых лун,
Матерых сосен, равнодушных дюн.
Там сыплет искры в заводи латунь.
Там царь – июнь.*

*Узнай меня в далеком далеке,
Где вечер утопает в молоке,
Пылятся звезды в старом сундуке,
На чердаке.*

*Я пыль стираю с граней, берегу
Поверженных, похожих на фольгу.
Слетевших с небосклона стерегу
На берегу.*

*Прислушайся, так ускользает жизнь:
Плутает ветер в колосистой ржи,
В закатных бликах окна-витражи.
Заворожи.*

*Приворожи, обещанный, земной,
Коснись волос, сожми плечо рукой.
Смотри, щебечут звезды над рекой.
Наперебой.*

АВГУСТ

*Прислушайся, какая тишина.
Безвременье. Безмолвно. Безмятежно.
Рассеивая тьму над побережьем,
Восходит бледноликая луна.*

*Сверкнет на тамариске стрекоза
Подвеской, невесомо-филигранной.
До срока спеет яблочная манна,
Отяжелела зрелая лоза.*

*Не жалит полдень августовский зной,
Рассветы акварельны и неброски.
Полутона, намеки, отголоски.
Дни тают, и сентябрь на постой*

*Уже просился: ливень бил по стеклам,
Срывался с крыши грохочущей стеной.
И я, поспешно распахнув окно,
Безропотно, заворуженно мокла.*

*Эх, август! Он прощается всерьез –
Не торопясь, по градусу, по шагу.
Чернильной ручкой пачкает бумагу,
Миражной рифмой, чувственной до слез.*

ОСЕНЬ

*Луч пронзает паутину.
Тронул тлен убранство сада.
Цвет роняют георгины,
Лист кружится виноградный.*

Хрусткий, хрупкий, утром сонным
Он вспорхнул над ветхой кровлей.
Божьей птахой, невесомый
Устремился на приволье.

Полдень. Пляски светотени.
Дух залива терпкий, острый.
Погружается в забвенье
Побережья утлый остов.

Скрипнет жалко, вспомнив лето,
Пирс у галечного пляжа.
Разминает сигарету
Шансонье в кашне винтажном.

Сквозняки на променадах,
Саксофон в чехле скучает,
Ветра звучные рулады
Над пустующим причалом.

Тучи жмутся к горизонту,
Гаснет день на иглах сосен.
Дождь – финальный штрих сезона...

День угасал, дышал дождем,
Пахучей прелью палых листьев.
Октябрь унылый, неказистый
Сверял палитру с ноябрем.

Тускло золото берез –
Так блекнут карточки в альбоме.

Жизнь остывала в монохроме.
Случалось, утренний мороз

Белилами касался склонов
Окрестных невысоких гор.
Ветра, сливаясь в сиплый хор,
Блуждали в обнаженных кронах.

Не оттого ли так тепло
Светил ночник сквозь штору спальни?
Не оттого ли так печально
Дождь барабанил о стекло?

И так хотелось стать своим,
Подняться на крыльцо крутое,
Спросить хозяйку о постое,
С ней коротать бесцветность зим.

Да что со мной? Хандра? Мираж?
Пойду неузнанным прохожим
День в одиночестве итожить.
– Портьера, свет?..
– Пустая блажь.

ОДИНОЧЕСТВО

Бредешь по влажной гальке в декабре,
По кромке, прорисованной прибором.
Считаешь пульс бушующего моря
И ночи в отрывном календаре.

Надкусываешь сливочный пломбир,
Предчувствуя привычную ангину.
А в облаках из мягкотелой глины
Господь творит понятный миру мир:

*Саманный дом, цветущая герань,
Трещат дрова,
 бухтит кипящий чайник,
И бабушка, степенно-величава,
Встречает день в немыслимую рань.*

Урчит довольно Григ – дворовый кот,
Старательно вылизывая миску.
В карманах деда сушки да ириски.
Вернуться бы...

Но там никто не ждет.

*Зайдешь в кафе, продрогнув до костей,
Закажешь крепкий чай –
лимон и мята.*

Трепещет лист, ничком
к стеклу прижатый.
Уходит год, и ты не ждешь вестей.

Смеркается. Пустеет городок.
Порывы ветра злее,
шторм крепчает.
Пульсирует маяк, тревожа чаек.
Прильнул к причалу кроха катерок.

COH

Тихо-тихо. Снежно-нежно
Вечереет за порогом.
Первой звездочкой забрезжил
Свод небес. Луна. Дорога.

Осиян лампадным светом
Перекресток деревенский.
Пруд «опрятнее паркета».
Ни души. Покой вселенский.

На крыльце ночуют санки.
За калиткой – след полозьев.
Встанешь с дедом спозаранку –
Щеки щиплет на морозе.

Пробираешься сквозь ельник,
Мчишь на лыжах через поле
В белый девственный сочельник –
Сквозь синичье богомолье.

Хруст стекла. Осколки шишки.
Вспрыгнул кот на подоконник.
Рассвело. Снег белит крыши.
Звон слетает с колокольни. ■

Архив Сергея Зубарева

СЕРГЕЙ ЗУБАРЕВ

Родился 28 августа 1954 года
в городе Челябинске. В 1966 году
семья переехала на Кубань.

Публиковался в «Российском
писателе», «Родной Кубани»
и других центральных
и региональных СМИ.

Автор восьми сборников стихов.
Член Союза писателей России.
Живёт в Анапе.

«ГЛЯДЬ, А ВРЕМЕНИ И НЕТ...»

ЗАПОЗДАЛАЯ ЭЛЕГИЯ

*Не могу собраться с мыслями,
Оттого я и молчу.
Не вчера ль в дорогу вышли мы,
А сегодня, слышишь?.. Чу!*

*Ветерком дыханье вечности
Наши спины холодит.
А какими мы беспечными
Были раньше... Просто стыд!*

*В спорах мы протараторили, –
Не залить вину вином! –
Мы ж с друзьями в лес, на море ли,
Или просто – гости в дом...*

*Ах, судьба ты криворукая!..
Мошкаррой летя на свет,
Проморгали все, профукали...
Глядь, а времени и нет.*

*Было столько нам даровано,
Да пустили все в распыл...
Этой жизнью очарованный,
Для чего ты приходил?..*

*Что-то главное не сделано...
Поздно нам грустить о том...
Где-то снова скатерть белую
Красным залили вином...*

*И пошел новорождённый дождь...
Первые шаги и робкий лепет...
Отчего же сад бросает в дрожь?
А от страха: вот сейчас он влечит!*

*У дождя и впрямь крепчает шаг,
Дождик стал гораздо говорливей.
Грянул гром, то в небесах ушат
Опрокинули, и рухнул ливень.*

*Грохотало и сверкало как! –
В ужасе деревья стали ниже,
И казалось, что гроза их враг,
Всех сейчас на молнии нанижет.*

*Но поток небесный вдруг иссяк,
Вдалеке затихли грома хрипы...
За оградой высокой липы
В тишину не верилось никак,
А ручей и эдак к ней, и так,
Все журчал – живой водицы выпей!..*

– Ни огня в тебе, ни хмеля,
Весь ты сник, седой старик.
Уголек твой еле тлеет,
Пересох живой родник.

Нет уже и свежей мысли,
И в строке не та уж стать.
Замыслы твои прокисли,
Что ты сможешь написать?..

– Да, все верно! Я сноровку
Растерял день ото дня.
Стал медлительным, неловким,
Нет ни хмеля, ни огня...

Не беда, что нету ветра,
Чтоб раздул во мне огонь...
Мне б, как яблоку на ветке,
Полниться небесным светом,
В Божью падая ладонь...

Плыть по течению Божьей реки
Утлым суденышком, щепкой...
Плыть и не хныкать в минуты тоски,
Что ты не парусник крепкий,

Что на порогах разбиты борта,
Что паруса обветшали,
Что через годы дорога не та,
Как рисовалась в начале...

Плыть! По пути из стеблей камыша
Вырезать нежную дудку
И заиграть, чтоб однажды душа
Вновь расцвела незабудкой.

Будут клубиться и плыть облака
С легким дождем или снегом
Там, где вливается Божья река
В синее русское небо...

Распьяным-пьяна-пьянёхонька
От весны была душа.
Встречь любви она прямёхонько
Полетела, не дыша.

Соловей в саду насвистывал,
Подзадоривал – лети!
И акация душистая
Опьяняла на пути...

...Пролетела вечность целая –
Сколько весен, сколько лет!
Где акация та белая?
И соловушки уж нет.

Закружит порою в памяти
Та далекая весна,
И душа от белой замети
Будет вновь пьяным-пьяна.

Ребенок, живущий в душе,
Не желает взрослеть
И он утверждает,
Что в сердце все время весна,
Там флейты играют,
Звенит колокольная медь,
И сладкой мечтою
Вошебная манит страна.

А рядом с мечтою
Там светлая память живет,
И прошлое живо,
И жив незакатный тот свет:
Вон мама с улыбкой
Встречает отца у ворот,
А вон запрягает
Лошадку в телегу мой дед...

Ребенок, живущий в душе,
Любит в прошлом бродить,
За долгие годы
Душа устает от потерь,
Со всеми судьбой своей
Связан, лишь тронет за нить,
И флейта заплачет,
И словно откроется дверь,

И в душу прольется
Немыслимый свет золотой,
Такого хватило бы

Даже на тысячу строк...
И мама вдруг скажет,
Склонившись над жаркой плитой:
« Иди есть оладьи.
Уже скоро в школу, сынок...»

Идет война, а бесы пляшут,
Хохмят с экранов голубых.
ТВ давно уже не наше
И бьет частенько нас под дых.

Желанья нету или воли
У власти нечисть всю убрать?
Но с бранного вернется поля
Бойцов неустрашимых рать.

И будут встречи, слезы, розы...
И, при желании смолчать,
На неудобные вопросы
Придется многим отвечать.

ПОПЫТКА ПЕЙЗАЖА

Лесной ручей с течением неспешным,
Где поплавок почти что недвижим.
И дерево кривое, словно леший,
Склонилось, шелестя листвою, над ним.

Серебряных мальков резвится стая,
Вон замерший тритон на дне ручья,
Вот ящерка зелено-голубая
В траве, а рядом мальчик – это я.

Так хорошо! Вокруг бушует лето!
Так сладко-сладко у меня в груди
От золотого солнечного света!
Все сумрачное где-то впереди...

УЧИТЕЛЬ

«Наставник, демиург,
живой источник знаний...»
Остался где-то там, в советском далеке.
В кого ты превращен в Москве ль,
в Тьмутаракани?..
Где новый век тебя ведет на поводке.

Окончится урок, садишься за отчеты,
А их такая тьма, что глючит ноутбук.
И в сонме жутких цифр,
учитель бедный, кто ты?
Невольник цифровой!
Вот и замкнулся круг.

Где время то, когда ты в класс
входил со Словом?
Под мышкой лишь журнал,
и блеск живой в очах.

Ты думать всех учил!
Неужто в веке новом
Твой искренний порыв
под цифрою зачах?..

Горе-садовник и горе-поэт,
Все еще верящий в сны золотые,
Ждешь, что ты вырастишь то,
чего нет,
И сочинишь, что не смогут другие.

Глупо иль нет, но готов вдругоряд???
Веры наивной поддерживать пламя,
Даже когда твой стареющий сад
Стал зарастать на глазах сорняками.

И очервивели в кронах плоды,
И разлетелись все певчие птицы...
Но под лучами волшебной звезды
Сон золотой тебе снится и снится...

* * *

До последнего вздоха, до исхода души,
Как бы ни было плохо!
Ты пиши, брат, пиши.
О надежде и вере, о любви и судьбе,

Той, что ты в полной мере ощутил
на себе.

Грозы молнии мечут, вьюги воют
в ночи...

Хоть дышать будет нечем, ты пиши,
не молчи.

Если вызрело слово, не держи взаперти.
Под небесным покровом пролегают пути.

Ты и в поле оратай, ты и ратник в бою...
Пой о виденном, брат мой!
Я тебе подпою.

Да поможет Всевышний нам
с тобой и другим!
И оденутся вишни в белый дым,
в белый дым...

* * *

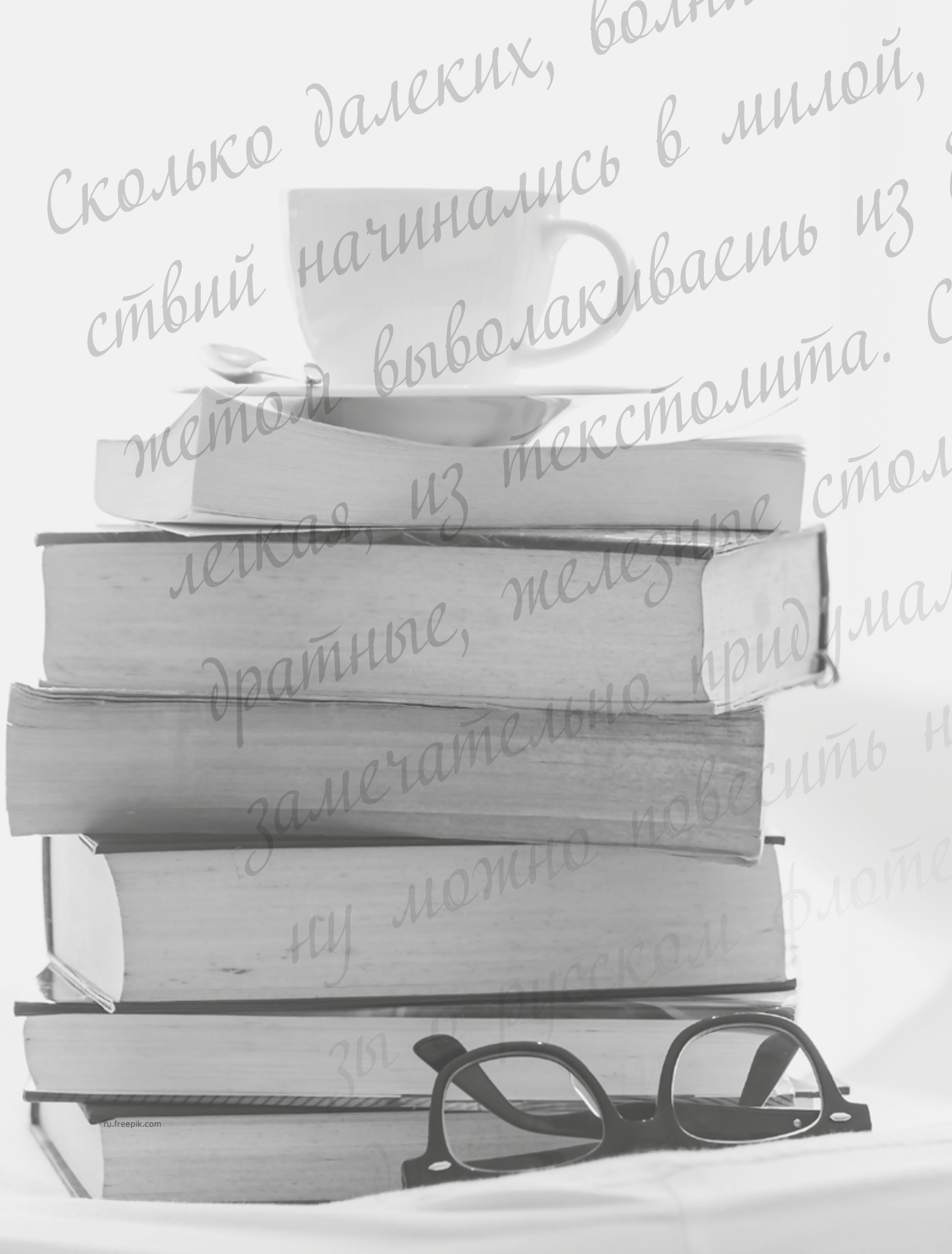
Бездарная, унылая зима...
Ни снега нет, ни вьюг... Ни озаренья...
Обрывки строк, сводящие с ума...
Не вылепишь из них стихотворенье.

А дождик льет... Опять всю ночь нудит,
Тоской своею заливают душу...

А мировое зло века не спит
С одним желаньем:
рушить, рушить, рушить...

Как усыпить живущее без сна?..
Как победить ту тягу к разрушенью?..
Приснится ночью вечная весна,
И я проснусь от ангельского пенья... ■

Сколько далеких, волни-
стый начинались в милой,
жетой выволакиваем из
легкая, из текстилита. С
драйные, железные стол
замечательно придума
ну можно повесить н
зы в русском флоте

ПРОЗА

Сколько далеких, волнительных,
хватывающих приключениях
начинались в милой, увитой виногра-
дом по асфальту, со скрежетом
Вот ты по асфальту, со скрежетом
ваешь из беседки стол – у него метал-
лические ножки, но столешница легкая, из текстолита.
Стол и такие же лавки сделал отец. Он
вкопал и квадратные, железные столб-
чатые бордовой краской
Как же за...

Архив Алексея Шорохова

АЛЕКСЕЙ ШОРОХОВ

Родился в городе Орле
в 1973 году. Поэт, писатель,
публицист, критик.
Участник СВО. Секретарь
Союза писателей России.
Заместитель главного редактора
журнала «Отечественные
записки», главный редактор
журнала «Политрук».
Живёт в Москве.

АТЕИСТ

Оставалась последняя палата.

— Тут... — замначальника госпиталя, майор медицинской службы, замялся, — безнадёжные...

— Так с нее и надо было начинать! — сказал владыка. — Сашка, у нас еще иконки и пояпочки остались?

— Найдем, владыка! — бодро отозвался Сашка, шофер и алтарник епископа Дионисия.

Палата была просторная, на четыре койки. Две пустовали. Жалюзи на большом окне были припущены, свет приглушен.

Когда они вошли, две пары глаз из глубины белых просторных подушек взглянули на них. Один разочарованно вздохнул и с мукой отвернулся к стене, другой заинтересованно привстал на локтях.

Было понятно, что черную епископскую рясу и потертую монашескую скуфейку он видит впервые. В этих стенах точно.

— Здравствуйте, дорогие мои! — ласково сказал епископ. — Выздоровливаете?

— Выздоровливаем, — как-то нехорошо улыбнулся второй, — вон Колька с третьей кровати за ночь совсем выздоровел, увезли в холодную.

Возникла неудобная пауза. Сашка с осуждением разглядывал наглого.

Раненый был хорошо выбрит, как-то не деланно тверд внутри, поэтому и казалось, что смотрит и говорит с вызовом.

По тому, как легко он поднял и подтянул свое тело, усаживаясь при входе непрошенных гостей, стало понятно, что обеих ног у него нет. Наверное, выше коленей...

— Как вас зовут?

— Александр, батюшка.

— К епископу надо обращаться «владыка», — встрял Сашка, которому тезка сразу не понравился.

— Цыц ты, неугомонный! — приструнил его Дионисий и посмотрел на военмеда: вы идите, мы сами тут...

— Ага, — обрадовался майор, который тоже чувствовал себя не в своей тарелке, — нам новую партию привезли, побегу принимать.

— С Богом, с Богом! — отпустил его епископ. — Можно я присяду?

— Конечно, садитесь...

Александр помедлил и неуверенно выговорил:

— Владыка.

И добавил:

— Только я неверующий.

Владыка придвинул себе железную больничную табуретку с кожаным верхом и сел возле Александра. Сашка остался стоять сзади и уже заинтересованно глядел на раненого.

— А как же «не бывает атеистов в окопах под огнем»? Так, кажется, у этого вашего? — епископ повернулся к Сашке.

— Летова, — с удовольствием улыбнулся водитель. — Именно так, владыка.

Александр тоже улыбнулся и, подумав, ответил:

— Бывают, еще как бывают. Вот я, например, атеист.

* * *

Епископ Заокский и Южецкий Дионисий был не стар, подтянут и деятелен. То, что его «сняли с Москвы»: и отправили в глухую Заокскую епархию, владыку не расстроило, он рассудительно принял это как волю Божию. Тем более, что вины за собой никакой не знал.

На вопрос «за что» отвечал просто и коротко: «Сожрали».

И действительно. Стремительное возвышение молодого архипастыря, которого патриарх лично приметил и поставил викарием Московской епархии, и столь же стремительная отставка через год никак не укладывались в традиционную и громоздкую административную логику Русской православ-

ной церкви. За исключением вопиющих случаев дисциплинарной или канонической провинности.

Но у Дионисия ни того, ни другого не было.

— Простоват, — говорили осведомленные люди. — Нашему теляти тех волков не пожрати.

Впрочем, многие жалели о молодом викарии, который деятельно взялся за переплетенную во всех направлениях связями, знакомствами и группами по интересам столичную епархию. От него ждали обновления.

Но оно пришло с другой стороны. Подоспел ковид. И многие из тех, кто активно интриговал против Дионисия, прямо из архипастырских и игуменских покоев «отправились на сторону далече путем, иже никто не веси, токмо Бог».

А там и СВО началась.

Наш владыка, было затосковавший в захолустье, нашел себя в волонтерстве и поездках «за ленточку». Патриарх, по-прежнему любивший его, дал Дионисию личное благословение, и если не через месяц, то уж точно не реже чем раз в три месяца архипастырь выезжал на фронт, в госпитали и на полигоны. В армии его полюбили и знали. А враги дали обидное, как им казалось, прозвище «Z-епископ». Коим он, к слову сказать, даже гордился и не без удовольствия повторял в проповедях и интервью.

Денег на волонтерство в нищей Заокской епархии, конечно, было не собрать, но с московского периода его служения остались у Дионисия верные друзья и благодетели в столицах, которые помогали любимому архипастырю в его благословенной глуши.

Вот и в этой поездке с верным Сашкой они сначала побывали у штурмовиков под Купянском, которым привезли теплые вещи и медицину, а напоследок завернули в Луганский госпиталь.

* * *

— Крещеный? — незаметно переходя на ты, продолжил владыка.

— Да, бабушка Настя, земля ей пухом, крестила младенцем. Тайком от родителей, те коммунистами были, при должностях, не дай Бог! А она простая, из деревни. Говорят, молитвенница была, троих сыновей и дочь на войну отпра-

вила, все вернулись, израненные, но вернулись.

— Значит, сын фронтовика?

— Да, и отец воевал, и дед. У русских так принято...

Дионисий получше разглядел его: было Александру лет пятьдесят, может, с небольшим. Когда входила медсестра поменять ему капельницу, включила свет — только тогда и епископ, и Сашка увидели, какой желтый цвет лица и рук у раненого, неестественно, резко желтый. Особенно на белом.

Второй раненый так и лежал, отвернувшись к стене, но не спал, постанывал.

Дионисий молча кивнул на него.

— Совсем плох, — шепотом ответил Александр, — сепсис. Делали переливание крови, не помогает. Двое суток выходил к своим с перебитыми ногами и осколком в плече, полз по ночам. Теперь доходит, бедняга...

— А ты как?

— Да обыкновенно. Послали нас втроем: меня, Мангуста и Иваныча — занять траншеи в лесополке, разведать. Там вроде были наши, но потом их перепыхал артой хохол, и сутки уже никто не отвечал. Птицу не поднять, хохол рэбom[1] все давит, короче, малое небо под ним.

Мы и побежали, Иваныч первый, за ним Мангуст, толкаю всех я. От воронки к воронке, где деревце, где блиндаж засыпанный, так и бежим. Слышу, впереди грохнуло, смотрю, Иваныча подкинуло и на землю бросило. Мы залегли. Хохол молчит, полежали-полежали, поднялись, подбегаем к Иванычу, а тот все, остывает. Вытек весь. Минуты полторы-две прошло. Судя по всему, на пэмээнку[2] наступил, а та была с усиленным зарядом, что ли, не знаю, но ногу по пояс оторвало ему, правую. Турникет накладывать некуда...

Мы с Мангустом дальше, забегаем в траншею, а там и траншей толком уже нет, все перепыхано, и двое наших, двухсотые, присыпаны землей.

Тут хохлы очухались, начали минами по нам накидывать, траншея у них пристреляна, прямо сразу прилетать стало. И не закопаться, не спрячешься. Мы обратно. Мангуст опять первым.

Слышим, противное нудение вверху. Все, дроны подняли по нам.

Причем уже близко, буквально над ухом. Смотрю, Мангуст в присыпанный наполовину блиндаж нырнул, и дрон следом за ним. Бахнуло. Я на землю. Гляжу, его полностью завалило землей, бревнами от настила. «Прощай, — думаю, — друг». Полежал-полежал и в нашу лесополку. Упал между корнями, смотрю туда, где Мангуст с Иванычем остались, думаю: «Сбежали, разведали, мать вашу!»

Александр осекся, посмотрел на владыку.

Тот тихо слушал, наклоняясь.

Александр в этот момент увидел их как бы со стороны: лежит раненый на кровати, а над ним наклонился священник.

«Как на дореволюционной открытке», — почему-то подумал он и усмехнулся.

— Стихло все, минут через пять-семь слышу, вроде стонет кто-то. Прислушался, так и есть. От блиндажа, где Мангуста привалило, доносится. Причем явно так.

«Ну, — думаю, — была не была, сбегаю».

Поднялся — и к нему. А он, родимый, уже по плечи из-под земли выкопался. Нож у него окопный хороший был, отцов подарок. Говорит, пришел в себя сразу после взрыва. Чувствует, кровь из головы по щеке течет, а руками-ногами пошевелить не может, землей придавило. И темно, как в могиле.

Стал ямку отлеживать, поворочается-поворочается, землю рыхлую под собой утрамбует, вот уже и просторней стало. Смог рукой шевелить. Еще поворочался — утрамбовал. Вот и до окопника на поясе добрался. Тут уж дело пошло: нож славный, удобный.

Как наружу голову высунул, воздуха свежего глотнул, так она и поплыла, голова-то. Потерял сознание.

Без сознания и застонал, да громко так.

Хохлы нас приметили однозначно. Видели, как я к Мангусту бежал, как откапывал его. Но не трогали, ждали, чтоб обоих наверняка накрыть.

И когда я его потащил в нашу лесополку, слышу опять — противное нудение за спиной и все ближе. Под конец взвизгнул всеми четырьмя моторами и на полной по нам: я в одну сторону, Мангуста толкнул в другую. Он промеж нас и ударил. Уже у самой посадки были, да...

Александр замолчал, глядя в какую-то недоступную другим даль, туда, где он и его товарищи остались навсегда. Там по-прежнему грохотало, низко стелился дым от взорвавшихся эфпивишек[3], живые ползли к своим по мертвым.

— В общем, наши подобрали. Ноги мне посекло напрочь, и что-то с позвоночником, почки вот стали отказывать...

— А товарищ?

— Мангуст? А что ему сделается, живой. Правда, перепонки напрочь вынесло. И глаз потерял. Я когда очнулся на эвакуации, гляжу: сидит, к дереву прислонился, один глаз забинтован, другой шальной, во все стороны пытается глядеть.

А сам он как ни в чем не бывало курит и дым через уши выпускает, улыбается.

Одно слово, Мангуст...

— И ты даже после этого в Бога не веришь?

— А что случилось такого невероятного? Иваныч двести, Мангуст триста, я вот дохожу...

— Почему же ты полез спасать его? Товарища своего? Ради чего?

— Так он же стонет, рядом, стало быть, живой.

— Но ведь тебя могли убить.

— Могли и раньше могли. Бог-то тут причем? Владыка, на этой войне очень много смертей! Случайных, глупых, иногда дурацких. Я же говорю, отходили по двухсотым, буквально по ним бежали. И наши там, и хохлы, вперемешку. Как вы мне это объясните? За что они все полегли? Где здесь... Как это у вас называется... Божий промысел?

К этому вопросу Дионисий был готов, хорошо готов.

— Понимаешь, Александр, это только внешне кажется, что смерти бессмысленны. Господь на войне забирает людей на пике, в верхней точке их жизни. Вот много среди твоих товарищей было воцерковленных? Кто в церковь ходил, молился по утрам?

— Не очень.

— А когда начинался обстрел, многие о Боге вспоминали?

— Ну, было, кто-то молиться начинал.

— Вот видишь! Опять же, здесь парни за Родину, за други своя жизнь отдавали, вот как ты,

раненых вытаскивая, да просто землю нашу собой прикрывая, и Церковь тоже. А на гражданке? Пьянка, да наркота, да блуд, прости Господи. Ты откуда родом?

— Из Кром, Орловская область.

— И что, многие из твоих ровесников до пятидесяти дожили?

— Мало, правы вы, владыка, кто спился, кто сторчался, кто в бандитских разборках полег. У нас в классе двенадцать мальчишек было, только двое остались.

— Видишь, и вы еще крепкое поколение, рожденные в СССР, а те, что за вами, послабее будут. Вот и прибирает их Господь, пока не нагрешили по полной. У тебя самого дети есть?

— Да, двое — сын и дочка. Взрослые уже, внуков мне подарили.

— Что же на войну пошел?

— Так ведь лучше я, чем дети мои. Пошел, чтобы им уже войны не досталось. Да и хохол почти до нас уже допер, под Курском стояли...

— Понимаешь, Александр, Бог всех любит, всех спасти хочет.

— И хохлов?

— И хохлов. А как ты думаешь, почему СВО началась? Да потому что забыли они про Бога напрочь, только про кружевные трусики да про Евросодом думать начали. А они же русские, православные.

— И в рай попадут?

— А почему нет? Если не зверствовали, не насилиничали, детей, женщин, стариков не убивали, церкви Божьи не рушили — попадут. Просто им не повезло, по ту сторону правды на войне оказались.

— Сложно у вас все... Вот вы говорите, в верхней точке жизни Бог забирает. У нас боец был, Пахомыч, на Кинбурнской косе еще дело было, под Очаковым. Стояли мы у Геройского, в сосенках. Песочек, все аккуратненько. В туалет ходить, прошу прощения, одно удовольствие. Взял с собой саперную лопатку, выкопал ямку в песочке, потом ее же и закопал, с бумагой и, извиняюсь, всем остальным. Чисто, стерильно, как в музее.

Дроны — только разведчики летали, а так хохол больше по площадям накидывал с того берега ли-

мана. Между нами пять километров воды. Вот на том берегу либо саушка[4] выкатится, либо «три топора»[5] поставят — и набрасывают по квадратам. Тоже, знаете, без фанатизма. Раз-два в день.

Пахомыч с утраца пошел по своему делу с лопаткой, тут хохол и накинуд — всего три прилета. Но один рядом с землянками. Ждем-ждем, Пахомыча все нет. Пошли искать, а он возле ямочки лежит, простите, со спущенными штанами. Тоже в высшей точке жизни Бог его прибрал?

Епископ Дионисий внимательно посмотрел на него:

— За что же ты жизнь свою отдавал?

— За Родину. За товарищей моих. За детей. Чтобы по ним не летело. Чтобы задавить наконец фашистов, это же не сказки — сам видел: на танках и на бэтэрах они сами от руки кресты рисуют, как на той войне.

— Ну, а все же — главное, единственное что?

Александр задумался, он понимал, о чем его спрашивают, пытался подобрать слова.

— За добро, владыка. Оно же на нашей стороне. Люди, я сам это вижу, на этой войне лучше становятся. Вот у нас рота «кашников» была, ну, как рота — человек семьдесят, бывшие зэки. Так никаких там закидонов блатных, мужики чуть не в портянках, а в бой рвались.

— Ну, а когда ты Мангуста тащил, а за спиной жужжало, и все, конец, неужели о Боге не подумал?

— Нет, владыка, думал, как бы вывернуться, куда спрятаться, и страшно было. Очень. Аж липкий пот под бронежилетом чувствовал, противный такой, холодный.

— Тогда я тоже атеист, — неожиданно сказал епископ. Сашка аж вздрогнул у двери. — Да-да, — решительно продолжил Дионисий. — В прошлом году был я на Рождественских чтениях в Москве, и вдруг прямо на заседании меня стало подташнивать, пошел в туалет, а там рвота да с кровью. И много крови. Голова поплыла-поплыла, и плюхнулся я на кафель, прямо в туалете. Пришел в себя, уже сижу, прислонившись к стенке, кто-то скорую вызвал, положили на носилки, несут в «газельку». Поставили капельницу, давление

меряют, а я об одном думаю: «Все, конец?» Даже не переживаю, что не солидно как-то, не благопристойно умираю. Страшно, и все.

Привезли в больницу, как сейчас помню, на Выхино, пятнадцатая, кажется. А там, как на космической станции: все мигает, везде экраны, у докторов и сестер униформа, в руках планшеты, двери автоматически отъезжают, сразу ставят другую капельницу, меряют давление, берут анализ крови, просвечивают на каких-то приборах, санитары везут на носилках, потом гастроскопия — это ужас, глотаешь шланг с какой-то камерой на конце, тебя выворачивает, давишься, а врач: «Потерпите еще».

И главное, слова эти страшные: «внутренне кровотечение», «разрыв желудка».

Ни разу о Боге не вспомнил, пока трубку эту глотал.

Выходит, когда всерьез прижало, и я атеистом оказался...

В палате наступило молчание.

— Да нет, владыка, вы не атеист, — наконец сказал Александр, — просто испугались. Вот скажите, я уже близко стою, весь организм отравлен, почки не работают и все, хоть ты хны, чистят кровь, конечно, но все это... Вот скажите, там что-нибудь будет?

— Будет.

— А я думаю, если человек отдает свою жизнь, единственную, которая никогда не повторится, которая случайно соткалась из миллионов песчинок и все, рассыпается, летит в темноту, навсегда. И вот эту бесценную жизнь он отдает, сам, по своей воле, за добро, за Родину, за детей —

это же больше, чем когда за награду, за плюшки там, небесные или земные?

— Больше! — твердо и не задумываясь, ответил владыка.

Потом положил ладонь на лоб раненому и тихо проговорил:

— Господь и Бог наш Иисус Христос благодатию и щедротами Своего человеколюбия да простит ти, чадо Александр, вся согрешения твоя. И аз, недостойный архиерей Дионисий, властью Его мне данною, прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих во Имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

Дионисий встал, широким святительским крестом перекрестил обоих раненых и направился к выходу. У двери остановился, посмотрел снова на Александра и также твердо добавил:

— Будет. Обязательно будет.

И вышел.

Сашка немного замялся, хотел сказать: «Поправляйтесь», — да стушевался, так ничего и не сказал, побежал догонять владыку.

...Обратно ехали молча. Только на пешеходном переходе Дионисий бросил Сашке: «Пропусти!»

На тротуаре топталась тетка, ждала, когда архиерейский внедорожник проедет, и совсем потерялась, когда он остановился, пропуская ее.

— Да иди ты уже, дуреха! — вырвалось у владыки.

— Они здесь привыкли сначала пропускать машины, — заметил Сашка, — как и у нас, в Южеске.

— Будем переучивать! — отрезал Дионисий и снова замолчал. ■

5.01.2026

Примечания

[1] РЭБ — системы радио-электронной борьбы.

[2] ПМН-1,2,3 — противопехотные мины нажимного действия, разработанные еще в СССР.

[3] FPV-дрон — квадрокоптер со взрывчаткой, в один конец.

[4] САУ — самоходная артиллерийская установка 152-мм или 122 мм.

[5] Прозвище 155-мм буксируемых гаубиц M777 американского производства.

Архив Андрея Пиценко

АНДРЕЙ ПИЦЕНКО

Родился в 1979 году в Краснодаре.
Окончил юридический факультет
КубГАУ. Публиковался в журналах
«Родная Кубань», «Наш современник»,
«Сибирь» и других СМИ.
Победитель Всероссийского
конкурса имени Василия Белова
«Всё впереди»,
финалист премии «Слово».
Живёт в Краснодаре.

ПОРЯДОК В ТАНКОВЫХ ВОЙСКАХ!

Пашка Пономарев отслужил срочную, как он сам говорит — «трактористом», механиком-водителем танка. В армии и привязалась к нему часто повторяемая поговорка: «Порядок в танковых войсках». Был Пашка полгода в Чечне в первую кампанию, получил там медаль и контузию. Насмотрелся всякого, но духом не пал, а, наоборот, еще больше вошел во вкус жизни. Пашка — стремительный, легкий на ногу и слово, не унывающий никогда парень. Шумно отгулял дембель, отучился на курсах и устроился в «Водоканал» экскаваторщиком на трактор, в народе неизменно и ласково называемый «петушком».

Платили, конечно, мало, да еще и с большими задержками. Но работа нравилась. Пашка с детства любил в земле или песке поковыряться. И коллектив веселый — это он уважал. Да и случалось на своем «петушке» шабашить Пашке-танкисту, как прозвали его мужики.

Была пятница, середина мая. С утра поехали на очередной прорыв — аварийная бригада во чреве старенького ГАЗика-летучки, следом Пашка на своем экскаваторе. Пашка мастерски, как всегда, разрыл землю на месте прорыва, мужики малость подкопали лопатами, привычно приладили хомут на подгнившую трубу сталинских еще времен.

— Порядок в танковых войсках! Аккуратненько сейчас зарую, еще полвека пролежит, родимая! — сказал Пашка, и кинул в яму окуроч. Оглядел мужиков и шутливо раскланялся: — Не смею больше задерживать, ваши сиятельства. Езжайте, бездельники! Дальше работа для настоящих виртуозов.

И стремительно вскочил в кабину. Оттуда уже слышалось его пение:

— На ма-а-аленьком пло-о-оту-у-у...

Настроение у Пашки было раскрепасное. Погожье синее, нежаркое майское утро пьянило настоящим

плодового цвета, повсюду белоснежно и пышно салютовавшего новой весне. И даже извечный дух соляры в кабине бессильно уступал место хмельным, до головокружения, ароматам свежей жизни.

В «Водоканал» Пашка решил возвращаться через «Поле чудес» — район новых ударныхстроек, где как грибы после дождя росли дворцы бывших бандитов, нынешних депутатов, действующих судей и нередких субъектов дел, ими рассматриваемых, больших, удачливых коммерсантов. Через «Поле чудес» Пашка поехал с умыслом. И не прогадал. Чуть ли не под отвал его «петушка», призывно размахивая руками, бросился какой-то большой краснолицый мужик. Пашка тормознул и беззлобно выругался.

— Чего тебе? — высунулся он.

— Командир, денег зашибить по-быстрому хочешь?

— Да у меня времени особо нет, — Пашка изо всех сил делал постное лицо. — Я вроде как на работе...

— А там тебе ненадолго. Ну давай, а? Я не обижу.

— Ну уж не знаю, не знаю... Кому строите-то? — тяжело вздохнув, поинтересовался Пашка. С депутатов и судей он, как со слуг народа, имел обыкновение брать двойную плату и никогда не уступал. Если не ладили по цене — уезжал безо всякого.

— Да Климовский. Слышал про такого? — ответил краснолицый.

— Нет. Нормальный он тип?

— Автосалоны у него. Мужик нормальный, ничего. А вот баба его — ни приведи Господи. То так ей надо, то эдак, вот вчера опять сороке бзикнуло — я, говорит, не подумала раньше. Террасу, говорит, большую хочу. Ну а он платит за ее выкрутасы. Хочешь — будет тебе терраса. А мы что — мы не в накладе.

— Ты прорабом тут? — спросил Пашка.

Краснолицый кивнул.

Нужно было во дворе вырыть траншею — что-то там заливать по новому плану. По цене сговорились. Пашка был доволен. Участок наполовину уже успели огородить прям-таки крепостным высоким кирпичным забором, на другой половине — местами покосившийся, деревянный, с давно облупившейся краской, от старых еще хозяев. Пашка изумился:

— В натуре передовая стройка!

Немаленький двор был весь изрыт — в центре большой котлован под фундамент дворца, по бокам, вплоть до заборов, высились темные кучи земли. Меж них — всякое строительное барахло. Лишь рядом, слева от ворот, между забором и котлованом оставался небольшой нетронутый клочок земли с цветущими кустами ярко-белой сирени да тоненькой березкой, трепещущей еще совсем юными свежими листочками. Красота эта сохранилась здесь каким-то чудом.

— Где рыть-то? — спросил Пашка.

— Да вон, там, за котлованом, — указал рукой прораб.

Пашка огляделся еще раз и хитро посмотрел на него:

— Нарыли вы тут! Как же я туда попаду? Тут надо ну очень, прямо очень-очень постараться...

Пашка будто изобразил всем телом ужа, но прораб, калач тертый, спокойно ему ответил:

— Слева, там, дальше, между забором и землей есть место, пролезешь.

— А туда как?

— Ну вот! — прораб показал на клочок земли с сиренью и березкой.

— Да как-то жалко... — почесал затылок Пашка.

Он вдруг вспомнил деда. Пока живой был дед, редко думал о нем, а вот как помер, еще до Пашкиной службы, стал о нем частенько вспоминать. Почему так? Был мальцом, казалось, — еще от начала времен, всегда был дед, есть и будет вечно жить он в станице, в саманной своей хате вместе с бабулей. Воевал дед в Отечественную, но о войне, что Пашку весьма огорчало, совсем не рассказывал. Сказки — это, пожалуйста, песни тоже пел — когда выпивал, по бабулиному мнению, лишку. Пряниками и конфетами угощал. Бывало, правда, и лозинкой. И, казалось, не было такого, чего не умел дед. Всякое дело, за которое он брался, — ладилось. О чем ни спрашивал внук, обо всем знал и умел рассказать дед, хотя и книжек-то не читал.

Часто почему-то вспоминал Пашка, как возвращались они с огорода, на кухоньке садились обедать. А под окном — три березы росли. Казалось, будто листочки их играли с солнышком, и такой мягкий, добрый, веселый свет наполнял кухоньку, по-ребячьи резвился теплыми бликами. Радостно было мальцу, хотелось даже крикнуть во все горло что-то счастливое! И прыгать, прыгать до самого потолка! Чтобы дух захватывало! Он смотрел в такие мгновения на деда, бабулю и видел — им тоже радостно. Все они умеют, а вот радоваться, как надо, — голосу поддать хорошенько, попрыгать, поскакать, разучились, наверное, от старости...

«Вот и здесь кто-то, наверное, посадил же на радость себе, детям да внукам», — подумалось Пашке. Он закурил и еще раз внимательно осмотрелся. Что ж делать-то? И решил: «А знаешь, дед, а я вот сейчас прыгну! Прыгну не до потолка, конечно, но красиво прыгну! Ну а чего? И не такое делали!»

Решительно бросил только что прикуренную сигарету и азартно заговорил:

— Ладно — красоту эту я трактором поганить не буду, а вон там, пожалуй, что и пройду. Точно пройду! Разгонишь чутка и перемахну.

— Где?

— А вот через эту земельку, — Пашка указал на кучу земли справа от котлована.

— Не дури, парень. Езжай, где я показал. Все равно затопчут эти кусты. Техничкой сомнут. Землю вывозить начнем, бетон заливать — и хана.

— Другие пусть мнут — а я, сказано же тебе, не буду поганить! Слушай! Я два года на танке знаешь, какие пируэты выписывал! В горах! Понимаешь?! — очень уверенно и как-то даже не то оскорбленно, не то зло воскликнул Пашка. — А тут — тыфу!

— Не дури, — повторил прораб.

— А вот посмотришь! Я ж не в лоб — траверсом пойду! Ювелирно будет!

Прораб молча, оценивающе глядел на кучу земли.

— Ты такого больше не увидишь нигде! — весело крикнул стремительно удаляющийся к трактору Пашка. Знал — нарядно он сейчас сделает! Еще и денег зарабатывает!

Он заехал на участок, покрутился ловко — показал себя, дескать, смотрите — умеет человек с трактором

лихо управляться. Наконец, сдал в самый угол, снова закурил. Строители бросили работу, глядели на Пашку. Он любил, когда на него смотрят — высунулся из кабины, играл уже на публику, куражливо возглашая:

— Сейчас, сейчас, братва! Угол атаки маленько прощаю! Все по науке! Порядок в танковых войсках!

Пашка докурил, жадно, до фильтра. Закрыв дверь... Трактор чихнул сизым выхлопом, дернулся и рванул вперед. Поднимаясь на кучу земли, взревел натужно.

— Эй, эй! — заорал прораб, тревожно воздел было руки к небу и тут же обессиленно опустил их.

«Петушок», почти одолевший препятствие, вдруг странно замер на мгновение и как-то очень медленно стал крениться вправо. А затем, будто устав бороться, удивительно быстро завалился набок. И с секундным запозданием разнесся по участку грохот, хруст стекла и сухой треск старого забора.

Строители и прораб с пунцовым лицом, в изумленном оцепенении постояли пару секунд, а потом, громко и разнообразно ругаясь, побежали к трактору — ровно в рукопашную пошли. На верхнем боку кабины, словно башенный танковый люк, откинулась дверца. И показался Пашка, мотающий окровавленной головой. Он спрыгнул с трактора.

— Видали?! Ну что я говорил? Хрен вы где такое увидите! — возбужденно кричал он, дрожащими пальцами пытаясь вытянуть сигарету из пачки, а другой рукой размазывая кровь по лицу. — Зараза! Дело-то верное было, видели, а?! Земля просела! А так бы точно перемахнул! Земля справа пошла!

...Под вечер Пашка-танкист предстал перед негодуящим завгаром Максимычем. Пашка рассказал, как все было и ожидал настоящую бурю, но Максимыч, мужик крутой и резкий, распекал на удивление бесстрастно, без души, как-то устало и даже, казалось, лениво. Сулился, правда, и под суд отдать очумельца, и за ремонт поврежденного трактора содрать уж по полной, вместе с кожей на заднице, и по статье уволить. Пашка глядел в пол и рассеянно, вполуха, слушал. Знал, что дальше угрозы дело у Максимыча не пойдет. Но почему-то в мыслях Пашка вдруг обратился неясно к кому: «Ну вас всех к чертям с вашими водоканалами. Найдите еще дурака за такую зарплату! Пойду на контракт и на войну уеду! Там теперь и платят — ого-го».

Шла вторая чеченская, и Пашка, когда попадалось ему, смотрел по телевизору новости, выглядывая знакомые места.

И вспомнилось, как под Ведено «духи» зажали в развалинах какой-то фермы разведгруппу из бригады спецназа. Плотно тогда зажали мужиков — казалось, что и не подступиться. А Пашкин экипаж на своем танке сумел прорваться к ним. Летело по танку со всех сторон — не приведи, Господи! Крутился Пашка виртуозно, и впрямь пируэты выписывал, но все равно — чудом, чудом их тогда не сожгли. Когда вытащили разведку и Пашка вылез из танка, он сначала даже шутить пытался. А потом в голове зашумело, едва ногами и руками шевелил — все тело сразу оцепенело, будто свинцом налилось. И тошнота накатила — Пашка часто и мучительно тяжело сглатывал противную солоноватую слюну. Позже в каком-то подвале сидели с мужиками из разведгруппы, курили одну за одной. Старшой разведчиков, лейтенант с часто подергивающейся нижней губой, поглядел на понурого чумазого Пашку, одобрителем хлопнул его по плечу тяжелой рукой и восхищенно произнес:

— Ну, мужики! Вы отмороженные, реально!

Пашка вспомнил эти благодарные слова лейтенанта и невольно улыбнулся.

«А там, вишь, получилось», — удивленно и обрадованно сказал он про себя, улыбнувшись еще шире. Максимыч, увидев Пашкину улыбку, расценил ее по-своему, замолчал, мрачно уставился в пол. И через минуту выдохнул совсем тихо:

— Пошел вон...

Вечером, у ларька, недалеко от проходной, Пашка и Максимыч снова встретились. Купили сигарет. Молча пожали друг другу руки и разошлись.

Пашка шел домой и думал, что Максимыч — хороший мужик, свой. А деньги на ремонт трактора Пашка как-нибудь найдет. Как? Да хоть бы и на шабашках — трактор ведь на ходу. Что-нибудь придумает... Но сегодня придумывать совсем не хотелось. Пашка вдыхал медовый воздух весны и грудь его на каждом вздохе переполнялась каким-то неясным блаженством. Вечер был славный — тихий, ласковый и вольный. И если порассудить, то и правда... порядок ведь, порядок в танковых войсках! ■

Архив Владимира Вещунова

ВЛАДИМИР ВЕЩУНОВ

Родился в 1945 году в Таджикистане
в рассказаченной семье.

Окончил художественное училище
и педагогический институт.

Работал дизайнером, воспитателем
детского дома, учителем, редактором
книжного издательства.

Автор книг повестей и рассказов.

Член Союза писателей России.

Живёт в Нижнем Новгороде.

ЧИКИСТ

Никто не знал, что у него умерла мать. Да он и сам узнал только тогда, когда ее уже схоронили. Сестричка прибежала из тубдиспансера, вскользь сообщила о смерти, сунула поминальную пачку печенья и убежала. Весной у матери болезнь обострилась, и она по два месяца лежала в стационаре. Он привык к ее долгим отсутствиям. Он не совсем понял краткое сообщение о смерти, ему подумалось, что мать домой не придет, продолжит лечение. Вынул из пачки квадратик, по три таких печеньюшки она приносила, когда вечерами возвращалась из дневного диспансера, с неприятным больничным запахом, но вкусное. И этот квадратик пропах лекарствами, как и мать. Словно ощутил ее присутствие, и что-то непонятное завертелось в сознании. Как это умерла? Ее больше нет?.. Пожевал печенье, вкуса не почувствовал, лишь больничный запах, горький.

Отрешенно побрел на кладбище. Он уже бывал здесь с матерью. Она поминала соплататниц, сгоревших от чахотки. Плакала у свежей могилы: памятник-пирамидка с красной звездой, фотография — миловидное девичье личико. Девочка, молоденькая совсем, девятнадцать лет, жить бы да и жить... Медсестра ночами обходила палаты, не позволяла переворачиваться на спину, а тут недоглядела. Легла Верочка на спину, мокрота пошла горлом, задохнулась... Голос матери услышался. Вот и мама, поди, так... Дома репейным маслом мазалась, помогало какое-то время, а потом приступы мучили. Пот прошибал, бросало то в жар, то в холод, пить просила, металась: огонь в груди. Следил, чтобы на спину не ложилась, поправлял изболевшее высохшее тело. Чистюля, аккуратистка, пользовалась своей посудой. Кашляла за шторкой, надрывно, порой до кровохарканья.

Несмотря на строгую гигиену, на все предосторожности, реакция Перке на туберкулезную пробу у Игоря оказалась положительной. У всего первого класса следов после туберкулиновой инъекции на руках не оставалось. А у него целых пять миллиметров, да еще со вздутием! К прозвищу Игоря Лаптева Деревенский

Лапоть добавилось отпугивающее — Тубик. Многие одноклассники сторонились его. И каждые полгода мать водила его в туберкулезную больницу на обследование. Длинные коридоры, побеленные известью, пропахшие лекарствами, многочасовая очередь на прием к врачу — невзлюбил эти хождения. И мать «виноватилась», что все это из-за нее...

Идя по кладбищу, начал с болью, до слез ощущать, что ее нет. Да сколько угодно ходил бы в эту больницу, лишь бы мама была жива!.. Ее могилку нашел в отдалении от Верочкиной. Быстро разрастается печальное поселение. У всех пирамидки с красными звездами, а у мамы столбец с дощечкой. На ней грубовато суриком написано: Рая. Чуть ноги не подкопались, прошептал:

— Вот ты и в раю, Раиса Павловна. Как бездомную схоронили, даже меня, сына родного не позвали, — снял фуражку, сжал в кулаке. — Ну ничего, мать, скоро подрасту, добрый памятник поставлю. Во второй класс перейду, на физкультуре уже с последнего места в шеренге в серединку продвинулся. В рост пошел, куртка маловата, штаны коротки, ботинки кашу просят. Ну ничего, вот выиграю в чикку целую кучу монет, приоденусь. В комиссионке одежду, обувь по дешевке можно купить или у старьевщика за тряпье, в мусорке много его валяется.

Отвлёкся подобными мыслями, полегчало. Широкое поле рядом с могилкой раскинулось, поджидая новоселов. В апрельском небе жаворонок трепещет, звенит колокольчиком. В метелочки овсяницы вплетаются первые полевые цветы: лютики, медуницы, фиалки. Возле бочажка красуются ярко-желтые купавки. Собрал букетик фиалок; голубые, как небо, и мама — голубиная душа. Так звали ее в палате за доброту, за помощь. Преклонив голову, опустился на колени, положил цветы на могилку. Поднялся:

— Мамка, мамка, бросила ты меня, эх ты!..

Зашемило сердце, только сейчас остро почувствовал покинутость: совсем один, сирота... В слезах, как

в тумане, плутал в кладбищенских лабиринтах. Наткнулся на ухоженную могилу: оградка, мраморный памятник, «Геринг». Ну и фамилия, как же он жил с ней? Мама сказывала, перед войной немцев с Волги сюда отправили. В квартале много пацанов с немецкими именами: Алька, Эдка, Герка, Рудькина сеструха Гутька, Август... На поминальном столике — россыпь печенья и конфет в фантиках, угостился. Вот такой и будет мамина могила.

Учился во вторую смену, успел сделать уроки, решил задачки по арифметике, написал упражнение по русскому. Хорошист, не надо давать себе послабление, а то заподозрят, что у него что-то случилось. В школе виду не подал, что у него горе. Однако учительница после уроков пристала:

— У вас все нормально, Игорь, как здоровье мамы?

— У нас все хорошо, Клавдия Петровна.

От этих слов слезный комок к горлу подступил, чуть не разревелся. С ожесточением начал швабрить пол, в этот день дежурил в классе. Ничем не выдал себя, а то потащат в детдом как сироту. Сталкивался с инкубаторскими: стриженные, злые. Нормальные пацаны лежащих не бьют, а эти били. Нет уж, галухой ходить с синяками от чухонцев — ни за что! Игорь Лаптев вполне самостоятельный.

Однокомнатная квартира на первом этаже двухэтажки считалась служебным жильем. Когда мать устроилась истопником в местную котельную, ей выделили кухню. Комната, жилой фонд, повидала разных временщиков. По-доброму соседствовали с Лаптевыми молодожены, зрелые семейные пары, одинокие инженеры, бухгалтеры, но быстро съезжали, получив новые квартиры. И вот въехала зловредная парочка, конструкторы с тихой фамилией Молчановы. У него же было смешное женское имя — Зиновий. Куриные любители, из их комнаты часто доносился запах жареной курицы. Облизывая жирные губы, он выговаривал соседям:

— Заняли кухню, нам готовить негде! — а потом и вовсе начал изводить. — Райка, ты нас своей чахоткой заразишь!

— Да я здесь почти не живу, все лечусь, — сдерживая кашель, отвечала она.

— Вот-вот, лечись подольше! — кривился он.

Когда супружница отяжелела, взбеленился:

— У нас скоро потомство появится, а ты всех нас перезаразишь! Эх, гильотина и от насморка лечит!

«Вот гад! — сжал кулаки Игорь. — Наподавал бы тебе как следует! Подговорю шпану, чтобы побила, да мारаться не хочется».

Появился у Молчановых новорожденный: крикун, спать не давал. Болезнь у матери обострилась: приступы удушья, изнуряющий надрывный кашель, огонь в груди, все время просила пить. Игорь подавал кружку воды, поддерживал ее, помогая слабым материнским рукам. Пила жадно, лихорадочно, сотрясаясь всем телом, расплескивая воду, и снова просила пить... Побежал к соседям на втором этаже, у них был телефон. Вызвали скорую. Это был последний путь матери в больницу. Последний путь... Ночами младенец заходил в плаче. Игорь, лежа на кровати, зажимал ладонями уши и начинал покачиваться. Укачалка помогала, засыпал.

После дежурства к друзьям не пошел. Они ждали его на пустыре, чтобы сразиться в чики, без него у них не клеилось.

— Чикист, айда к нам, где ты запропал? Мы тебя заждались!

Отмахнулся, не до того. Пришел домой, а комнату заняли Молчановы. Заглушая плач ребенка, Зина зачистил:

— Мы все ваше вынесли в подвал. Там такая благоустроенная комната, не хуже этой, даже лучше. Она больше, там свет и вода. Тебе там будет хорошо. А тут наша семья: ребенок плачет, не дает уроки учить. Мы вот тебе ужин приготовили: рожки с курочкой. Ты, если что, приходи к нам. Мы тебя всегда покормим. Мы не жадные.

«Добрячок с печальными овечьими глазами», — выслушал в оцепенении бред сивой кобылы, машинально взял тарелку. На рожках лежала курячья кожа, пупырчатая, в волосах. Сглотнул слюну, был голоден. Вывалил в унитаз молчановское подаяние.

Раиса заведовала избой-читальней в родной деревне Лаптево. Очаг культуры: газеты «Правда», «Известия», «За урожай», журналы «Огонек», «Крестьянка», «Крокодил». Вечерами на огонек к «избачихе» заходили книгочеи выбрать книгу, политики — обсудить международное положение, старушки — составить с ее по-

мощью письма детям, забывшим их в городе. На всех у Раисы Павловны находилось доброе слово. Она была на виду, в деревне ее почитали. За ней, ядреной, симпатичной, стал ухлестывать первый парень на деревне. Не устояла, согрешила. «Просветилась» — работник просвещения. Ни сватовства, ни родительского благословения. Блудница — позор! Даже родня осудила.

Сбежала в город, помыкалась в поисках работы. Взгляд опытного кадрового работника чутко улавливал признаки беременности, — как ни скрывала, второй месяц. Это не заметили на кочегарке. Крепкую с виду деревенскую девку приняли, выделили кухонный закуток в однокомнатной коммуналке. Котельная находилась в подвале этого дома. Труба ее, забетонированная в кубическую муфту, торчала прямо перед окном кухонки, нещадно дымила и засыпала все вокруг крупитчатой золой. Снег пестрел как леопардовая шкура. Не подавая виду, что беременна, в первые два месяца работы на кочегарке Лаптева трудилась наравне с мужиками. Широкой совковой лопатой сгружала уголь с бортовухи на дощатый лоток, спущенный в подвал, с него сгребала в кучу на три котелка. Голова от угольной пыли плотно закутана в шерстяной полушалок, лишь глаза на свободе. Фуфайка, кирзачи, брезентовые рукавицы, тяжеленные лопаты. Бери больше — кидай дальше! Работяга... Взмокшая, часто простывала, кашляла, но больничным не брала. Разгрузка опилок тоже давалась нелегко: ветер развеивал их, бросал в глаза. Надевала безлинзовые очки, но они потели. Потом кочегарила. Три топки были чрезвычайно прожорливы. Только кидай в их огнедышащие пасти уголь. Шуровала в печи доменной кочергой, рой искр вырывался, осыпал ее, чуть ли не прожигая насквозь брезентовую робу. Они светлячками угасали на грохочущей под кирзачами жести, покрывающей пол. Жар от печи и котлов почти выталкивал ее из кочегарки на воздух, чтобы могла отдышаться. Но в общем стойко несла дневные и ночные вахты. Смывала грязь и усталость под душем в котельной, а через пару минут была дома: жила во втором подъезде. Покушав, перед сном гладила округлившийся живот, ощущая бие родного дитяти.

Об аборте не помышляла — детоубийство. Ничего, возрастит и поднимет на ноги родную кровиночку. Кто будет: мальчик или девочка?... Как назвать? Счастливо

улыбаясь, перебирала подходящие имена: Ваня, Маша, Петя, Аня... Если доченька, то Света, если сыночек, то Игорь. Красивое имя! Кабы не надсадиться на работе, не навредить дитятке во чреве. Соседи менялись часто, и она даже не успевала с ними знакомиться. Да и не до знакомства было, уставала очень. Бригадир, заметив, что она в положении, перевел ее из кочегаров в зольщики. Чтобы не поднималась першащая взвесь, угольную пыль и золу засыпала опилками. Совком и метелкой из конского волоса убирала гремучий жестяной пол. Почувствовав предродовые схватки, взяла отпуск без содержания и поспешила в роддом.

Родился Игорек — славный малыш, здоровенький, живчик, резво сучил ручками и ножками в тесемочках, осыпaeмый поцелуями счастливой мамы. Шустрик в полгода, а уже всюю ползая, нарезал круги в комнате. Побыв в декрете всего лишь полгода, рискнула вернуться на работу: деньжонок не хватало. Игорек уже составлял пирамидку из цветных колечек, катал на лошадке голенького пластмассового пупсика, на грузовичке зайку и мишутку. Забросит мячик и ползет за ним. Вполне самостоятельный. Уходя на работу, Раиса надевала на него постромки на веревке и завязывала ее на ножке кровати. Ползунок на привязи не мог добраться до батареи, а то бы ожегся. Работая зольщиком, она могла отлучаться на полчаса, чтобы присмотреть за сынишкой, благо, что дом рядом. Однажды он строил дом из кубиков, они рассыпались. Он начал их собирать, веревка стала накручиваться вокруг шеи. Как всегда заголошнo вбежала в комнату, а сыночек уже задышался, хрипел, синел. Взыла, бухнулась на колени, рыдая, дрожащими руками начала выпутывать тельце из веревочной петли и постромков. Высвободила, хотела прижать малютку к себе, вдохнуть в него тепло. Но чтобы ему легче дышалось, сняла распашонку и голенького бережно положила в кроватку. Стала обмахивать его полотенцем, обвеивать воздухом, приговаривая:

— Сыночка, все будет хорошо, все будет хорошо, Игоречек мой!

Он открыл глазоньки, слабо улыбнулся, со вздохом прошептал:

— Мама, — и протянул к ней ручонки.

Она взяла его на руки, прижала к себе. Обливаясь слезами, начала целовать молочное тельце.

В соседнем доме нашлась одинокая старушка, которая за небольшую плату согласилась водиться с малышом. Утром перед сменой, работая в дневную, приносила Игорьку к бабушке Дусе с продуктами детского питания и для бабушкиного тоже. О добросердечной бабе Дусе провела еще одна работающая мамочка, потом другая. Расцвели ясли-сад на дому у бабушки. Игорек, Аленка, Костя — дружная семейка, и бабушка Дуся как родная. У воспитательницы для каждого воспитанника своя прибаутка: «Костик — озорной курносик, Аленка смеется звонко, Игорешка, где твоя ложка? Баба Дуся любит вас, скушать кашку — мой приказ!» По азбуке учила:

— А и Б сидели на трубе. А упала, Б пропала, кто остался на трубе?

— И-и-и! — восторженно отвечали грамотеи.

Тихий час с арифметики начинался:

Ходим, ходим,

Бродим, бродим,

На дороге сны находим.

Вот он, вот он

На дороге первый сон:

Видим в дымке за рекой,

Ходят сны — седьмой, восьмой...

Сладко засыпала на полу троица, и бабушка вместе с ними.

Объявился племянник, прописала. Тесно в однушке, начал качать права, чтобы закрыла бабка свой детсадик. После его притязаний на жилье, она, святая, и закрыла свои светлые очи. Благодарные мамочки привели деток попрощаться со своей любимой бабушкой. Они не понимали, почему она тихо лежит в гробике и не встает. Лишь Аленка протянула к ней ручонку, как бы желая оживить:

— Бабуська Дуся, мы тебя любим.

Для Игоря началась самостоятельная жизнь. Сам себе господин. День-деньской на улице со сверстниками. Когда привозили опилки на кочегарку, дошколята скатывались по желобу как с горки прямо в котельную. А там их подхватывала на руки счастливая Раиса. Среди этих шаловливых котят был и ее любимый Игорек. Закатывалось румяное солнышко благоденствия. Все чаще и надрывней кашляла зольщица Лаптева. Угольная пыль осела на легких, постоянная простуда надорвали

бронхи. Слегла, оставив домовничать сына. Кочегарка делала благое дело, отапливала несколько кварталов, но и коптила изрядно, не повесишь белье на просушку. Жалобы жителей дошли до большого начальства, и в сжатые сроки была построена теплоцентраль. Кочегарскую трубу спилили, дыру в бетонной тумбе запаяли. Оборудование котельной из подвала вывезли, и он оставался бесхозным.

Вот туда-то и сунул благодетель Молчанов осиротевшего мальчонка. Игорьку было все знакомо в этих владениях, где работала его мать. Он и в подсобку забегал не раз, где его привечали гостинцами маминны сослуживцы. В ней можно было жить: тепло, светло и мухи не кусают. А вне ее мрак, сыро, промозгло, плесенью пахнет. Вход в подвал затоплен, вода хлупает под единственной доской, по которой он шел в подвальный темень. И эта непролазная кромешность даже была выгодна. Кто сунется в нее?.. Обзавелся редким в то время фонариком-жучком, выменял у заезжего старьевщика на тряпье, на помойке барахла хватало. Батарейки у простых фонариков быстро сдыхали, жучок вечный, только нажимай на ручник. Хорошее подспорье для чикиста — пальцы крепнут. Жужжит жучок — крысы разбегаются с писком, невыносима эта музыка для них. Пол жестяной грохочет, тоже пугаются. Туалетную кабинку вывезли, один унитаз торчал над провалом. Какое-то ископаемое выползло как-то оттуда.

А мальчика подземелья, Игоря Лаптева, спасала от крысиного писка и тяжелых мыслей придуманная им укачалка. Залепит слух ладошками и качается на топчане под детским стеганым одеялом, пока не уснет. В снах часто повторялось одно и то же, увиденное наяву. Он с ребятней выбегает из кинотеатра «Горн» после просмотра кинофильма «Васек Трубачев и его товарищи» из темного зала на ослепительно сверкающую солнечную улицу. Жмурится, открывает глаза и видит мать. Она прошла мимо, не заметив его, в сером пыльнике, за спиной — узел с бельем, сторбленная, как старушка, жалкая. Он не окрикнул ее, не бросился к ней. Да, так все было наяву. После кочегарки она устроилась в прачечной, стирала постельное заводского общежития. Тяготы жизни и работа в кочегарке и прачечной, болезнь состарили ее. А ей не было еще и тридцати пяти. У других пацанов матери выглядели куда лучше. Одевались

модно, не болели, мужья у них... Игорь даже завидовал, не повезло ему с мамкой. Однако подлянка, когда постеснялся своей матери в уборной, нет-нет, да и мучила. И сон, смешанный с явью, повторялся. Совесть доводила до слез, сердце щемило, и себя было жалко, и бедную мать. Так рано умерла, все-таки с ней было хорошо.

Племяш, гад, откуда-то вылутился, а то бы бабушка Дуся к себе взяла: «Игорешка, где твоя ложка?» Нету у него посуды, ни к чему она. Электричество есть, но на запахах варева сбегутся хвостатые. В железном шкафу слесарные инструменты держали, теперь там буфет: кральки, сушки, баранки, бублики с маком, кефир. На досуге можно и чай фруктово-ягодный в брикете погрызть или кисель, подсластиться пряником, печенюшкой, леденцы во рту погонять. Носки стырили, пахучие, привлекательные для них. Для теплоизоляции труб использовалась стекловата, клочок ее упал сверху прямо на фонарик, стряхнул, обожгла ладошку похлеще крапивы. Колючки, казалось, впились навсегда. Долго не унимался зуд, как не мыливал руку. Надел резиновые перчатки, оставленные электромонтером, во все щели в комнате и вокруг нее напихал противокрысиное оружие — стекловату. Обезопасил жилище, приютил приبلудного кота. С оглушительным визгом и верещанием произошла схватка его с пацоками. Отважно сражался, но вынужден был покинуть место битвы. Продолжил бродяжить там, где поспокойнее.

Побаиваясь, что его заметут в детдом, Игорь не молил глаза жильцам дома, не беспокоил их совесть. Они не видели, когда он выходил из подвала и заходил в него, единственный его житель — восьмилетний мальчик. Он, конспиратор-подпольщик, на белый свет появлялся раным-рано, еще до дворничихи.

Металлургический завод спускал в речку Горячку свои отработанные воды. Под мостом в трубе пытались избавиться от ревматизма фронтовики, награжденные им в сырых окопах. Живые струи незамерзающей Горячки сворачивали в затон у скалистого бережка. Во всей оскверненной речке не водилось ни одной рыбешки, а здесь гуляли пескарики. Утренняя поклевка самая азартная! Рыбачок, насладившись уловистой рыбалкой, отправлялся с рыбным бидончиком на рынок.

Пристраивался рядом с зеленщицами, выкладывал на ящики из-под пива свежую рыбу — десяток пескарей. И все удивлялись: откуда в здешних краях свежая рыба? Допытывались, где, но он стойко хранил сокровенную тайну. Свойский паренек!.. Любая торговка по дешевке насыпала полный кулек семечек. Полузгав, попив кваску доброй тетушки-квасницы, степенно направлялся к главному месту своей жизни — к чике.

На пустыре возле барака его уже поджидали соперники. Им не терпелось отыгаться за вчерашнее поражение, продулись до последней копейки. Набиралось уже около семи реваншистов. Проводили черту, на ней решкой вверх ставили стопку монет, чаще всего трехкопеечных, удобных для игры.

— На кону двадцать одна копейка! — объявлял зачинщик.

Отмеривал десять шагов и проводил черту, через которую нельзя переступить. Тыкал пальцем в участников:

— На одном крыльце сидели царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной и ты с меткой-рукой!

Так определялся первый бросающий. У каждого была своя излюбленная бита: свинчатка или плоский окатыш из речной гальки. Метатель с кличем: «Беру с орлом весь кон!» — бросал биты. Редко кому удавалось перевернуть всю стопку на орла. Меткий бросок рассыпал ее, перевернутые монеты удачливый забирал. Легким ударом биты старался перевернуть еще одну, при промахе замыкал очередь.

Игорь Лаптев, он же Лапа, Ига, в чике был непобедим, и получил кликуху Чикист. Это ему удалось два раза снять весь кон целиком с одного броска, когда все монеты улеглись орлом вверх. Чаще всего срезал на орла полстопки. Как фокусник, изящно оттопыривал мизинец, разжимал большой и указательный пальцы, галечная битка ребром падала на закройку монеты, и та охотно переворачивалась. И остальные ювелирно чикал ребром битки.

— Ловкость рук и никакого мошенничества. Учтите, пока я жив! — для продолжения чики на кон ставил пятак.

А там уж, кто сколько, лишь бы посостязаться с Чикистом. С царских до советских времен дошли ребячьи игры с денежкой: орлянка, пристенок, чика,

орел-решка. Аверс с двуглавым орлом, реверс с номинальной стоимостью монеты. Играли купчики, гимназисты, детки с достатком, с наличкой. Беднота забавлялась чехардой, оттачивала ловкость и меткость, играя в бабки, в чижа, в лапту, в городки, порой в ножички. Учитель истории старшеклассникам рассказывал, что сам царевич Дмитрий-малолеток напоролся до смертельной раны, играя с челядью, и убился. Уличная пацанва имела холодное оружие: «Мы ребята-ежики, за голенищем ножики!» Со стреляющим лезвием и даже с прибабасами: шило, отвертки, штопор, открывашка. Для игры годились только простые перочинные, без всяких выкрутасов. Ножичек, придерживаемый щепоткой, острием упирался в подушечку большого пальца. Игрок легонько раскачивал его и броском старался вонзить в землю. Если тот втыкался, на очереди был указательный палец. Удачливая пальцевая серия завершалась на мизинце. Состязание усложнялось. Слону хобот качали — ножик ставился на нос, на ухо — слону уши качали. Ножик торчит в земле — победа! И как царевич мог убиться в такой безобидной игре? Видно, припадочный был, в падучей. И здесь Чикист часто побеждал. В городки старшие ребята играли, покрепче его. Однако если допускали к себе, то одним броском шаровки пулеметное гнездо взрывал, и рака его шаровка выбивала, и змею, и колбасу. Козла во дворе с доминошными мужиками забивал; рыба — делай поперек конца. С картежниками дулся в подкидного дурака, в пьяницу, в очко, в буру. Уголовные элементы давно приглядывали за ним, норовили втащить в свои сети. Щуплый, верткий, в любую дыру залезет, отменный форточник. Щипачи заманивали, он им для интересу лезвия изготавливал. Положит пятак на рельсу, трамвай проедет — расплющит. А дальше дело техники: наточит напильником тоньше, держать удобно между средним и указательным пальцем, и само лезвие острее бритвы. За такое «изячное» изделие карманники одаривали его целковыми. Бумажные он копил на памятник матери. Мелочь использовал на дневное пропитание, лакомое. Мороженщицы неохотно брали побитые, помятые монеты и подсовывали ему талое молочное в размякших вафельных стаканчиках. Голодненький, швыряя, махом съедал две мороженки. Ни разу не кашлянул, закаленный улицей и сиротством.

У входа на рынок по обе стороны ворот сидели мелкие торговки: семечки, грибы, ягоды, ранетки, пестушки на палочке, вязанные носки, поношенная обувь... Точильщик-паяльщик: «Ножи вострую, кастрюли, ведра чиню!» Угрюмый калека на кожаной подушке с оголенной культей, с красно-бурым обрубком ноги. Но однажды в эту размеренную череду рыночных будней въехала странная детская коляска. В ней не ребенок гулил, в ней мостилось то, что осталось от человека, — фронтовик без рук, без ног. Пустые рукава и брючины, перевязанные на обрубах тесемками, пилотка, медаль и орден, пытливый взгляд: как на него смотрят люди. Женщина, прикатившая коляску, похожая на монашенку, сняла с его седой головы пилотку.

— Будем и копеечке рады, подайте Христа ради!

Он востропел в своем гнезде, выпрямляясь во весь оставшийся рост и запел:

Руки и ноги лежат

Там, где гремели бои.

Будто живые, болят,

Будто со мною они.

Я четвертован войной:

Без тела, одна лишь душа.

Небо летит надо мной,

К нему полечу не спеша.

Хочется с вами побыть,

Вспомнить былые года,

Когда довелось мне любить...

Но грянула сука-беда!

В последнем крошечном бою

Все отнял дьявольский взрыв!..

Оставил лишь песню мою

О том, что я еще жив.

Бабоньки, находившиеся рядом, бросая мелочь, завздыхали, запричитали, иные всплакнули. Блаженная нищенка в обдергайке обхлопала себя:

— Руки и ноги целы, а мы тужим. Спаси нас, Господи! Нам ведомо, что ты великий воин Петр-камень, пойду в Божий храм, помолюсь за тебя. Прости нас, Господи!

— Смотреть не на что, а вон как голосит! — прервал свою рекламу точильщик-паяльщик. Разносчица кваса поддакнула:

— Из таких вот певунов-самоваров хор собирают.

— Да кто же на него пойдет, сердце не выдержит... — горестно вздохнула зеленщица.

Чикист выгреб из своих карманов мелочь и положил в пилотку. Подхияляла парочка фраерков в кепаках, короткие курточки-бобочки, расклешенные брючата, рандолевые фиксы. Ну и умора! Ну и цирк! Чикист сжал в кармане биту, готовый запустить в этих мерзавцев. Они вдруг отошли в сторону, стали шушукаться, зыкая на опрятно одетую старушку. Выйдя из рынка, она достала из кошелки узелок с деньгами, развязала его и помолившись, положила в пилотку пятерик. Поводырша благодарно поклонилась, помолилась:

— Кого совесть тревожит, подайте, кто сколько может.

— Старая вешалка, ну и кошелка! — зашипели «бобочки».

Она же пошла по тропе, ведущей от рынка к мосту через Горячку. За ней на улице Вязовой находилась ее изба. Сегодня у нее был печальный день. Она продала свою любимицу козу. После смерти деда Сидора, который выгуливал ее на пустыре, коза стала дерзить: нападала на свою же дворовую живность, словно с ней случилось легкое помешательство. Баба Маня тоже холила ее, не выгуливала, а держала на привязи за огородом. И дери перестала таиться: не подчинялась хозяйке, с ней не было сладу. Баба Маня утихомирила ее слабым снотворным и полусонную отвела на рынок. Всплакнув, за небольшую плату отдала животинку в чужие руки. Горестно брела домой, не замечая, что сзади поодаль за ней увязались двое проходимцев. Этих хищников тропил Чикист. Он знал и деда Сидора, и бабу Маню. Они угощали квартальную ребятню горохом, бобами, крыжовником, турнепсом, моркошкой, решетками подсолнуха. И у пацанвы отпала охота делать ночные набеги на добрый огород. Мост на Горячке проложили через бетонную трубу метрового диаметра. В ней часто грели косточки фронтовики, заработавшие ревматизм в сырых окопах. И дед Сидор лечился здесь. Рассказывал, что однополчанина встретил на Оudere — вот было радости! Как бы он встретил «самовара»?.. Совсем не обидно звучит «самовар», по-доброму даже. Но сколько приходится ему переживать, безрукому,

безногому?.. А у него, Чикиста, руки и ноги целы, чего тужить. И не беспризорник он, взрослый уже. Фуражка боевого вида, с раздвоенным задраным козырьком, рубашка, перелицованная с гимнастерки, холщевые штанцы, кеды... Лицо в конопушках, руки в цыпушках — Гаврош!

Пройдя мост, злоумышленники вдруг начали валиться в пыли, вывернули наизнанку бобочки, измазали глиной рожи, взьерошили волосы. Сломали тополе, сделали из него палку. Один из них, припадая на ногу, заойкал, застонал, изображая калеку, другой поддерживал его под руку. Разнесчастные подковыляли к дому бабы Мани. Ногами, палкой застучали в калитку с оплотом и завопили:

— Подайте нищим, убогим на пропитание.

Хозяйка вышла было из дома:

— Сейчас, сердешные, сейчас...

Подоспевший Чикист закричал:

— Не открывайте, баба Маня, не открывайте! Они хотят ограбить вас!

А она уже открывала калитку. Он метнул в подонков заветную битку. Она сбила с одного из них кепарик.

— Ах ты, сучонок! — набросились они на Чикиста, сшибли на землю и стали пинать.

— Сидор, Сидор, на помощь! Бери ружье! — взяла на испуг шпану баба Маня.

Те драпанули. Она подняла побитого спасителя, отряхнула и повела в дом. Он умылся и принялся терпеть жгучую зеленку, которой она смазывала его раны. Поставила на стол миску куриного супа, кружку компота, на тарелке пеклеванный хлеб и любимые его бублики с маком.

— Ешь, не стесняйся!

А он и слова произнести не мог опухшими губами, лишь благодарно смотрел на нее. Она очень походила на няню, бабушку Дусю, такая же добрая! И мама в старости была бы такой же!

— Ешь, поправляйся, внучек! — напевно приговаривала она. — Мученик-внучек!

От сытного ужина, от доброты он стал подремывать уже за столом. Она уложила его спать. Впервые за долгие одинокие месяцы он уснул без укачалки, с легкой улыбкой. Кот Баюн признал его своим, замурлыкал переливчато, украшая сон — рядком, да ладком! ■

Архив Дмитрия Чуркина

ДМИТРИЙ ЧУРКИН

Родился в 1979 году в городе
Коммунарске Ворошиловградской
области СССР.

Писатель, военный врач,
доктор медицинских наук.

С апреля 2014-го участник Русской
весны. Публиковался в журналах
«Наш современник»,
«Родная Кубань» и других СМИ.
Живёт в Донецке.

БАБУШКА ПРОЕХАЛА

I

Набравший скорость поезд застучал колесами по рельсам. Бабушка приготовила документы и билеты. Их уже смотрели перед посадкой, а теперь будут снова проверять. Дедушка объяснил Маше, что так всегда делают, даже если поезд последний: все должно быть по правилам.

Маша посмотрела в билет. В правом углу бледно-желтого прямоугольника была выбита дата — двенадцатое июля две тысячи четырнадцатого года, затем время отправления поезда из Донецка и время прибытия в Москву. Девочка стала загибать пальцы, получалось, что ехать предстояло почти двадцать часов.

— Исторический документ, — необычно высоким голосом сказал дедушка, — вернешься, — музею подаришь. Билет на последний поезд этого лета.

По тому, как торопливо дедушка говорил и как суетливо бабушка перебирала вещи в дорожной сумке, Маша поняла, что взрослые волнуются. Поезд замедлил ход, за окном проплыл железнодорожный переезд, с двух сторон от которого были расставлены бетонные блоки, обложенные мешками с песком. Над кирпичным домиком, возле которого одетая в оранжевый жилет стояла железнодорожница, бился на ветру трехцветный флаг Донецкой Республики. Папа рассказывал, что такие сооружения называют блокпостами. Войска, да еще на технике, они надолго не задержат, разве что машины проверять, чтобы совсем уж в открытую не заехали диверсанты. Кто такие диверсанты, Маша не знала, а спрашивать у бабушки сейчас было совсем неудобно.

На середину блокпоста вышел совсем молодой мужчина в потертой камуфлированной куртке и брюках. Уложив автомат на плечо, свободной рукой он махал уходящему поезду. Маша потянулась помахать в ответ, но внутри что-то дернулось, вдруг кто увидит. Оба они, солдат и девочка, были

сейчас на родной земле, но совсем скоро начнется край, уже ставший чужим. И люди, которые видят ее сейчас, могут там оказаться своими.

— Последний, — вздохнул кто-то сзади.

— Почему последний? — спросила вслух Маша.

— Потому что последний такой пост, — кивнула ей проводница в похожей на маленькую розу шапочке. В свежееотглаженном розово-красном костюме, с аккуратно собранными в узел волосами, она уверенно постукивала каблучками бордовых замшевых туфель. Маша совсем не удивилась бы, увидев такую девушку, гуляющую на городской набережной или бульваре. Их одинокая всезнающая соседка всегда говорила, что стрижка, платье и туфли на каблучках — лучший способ найти хорошего мужа. Подтянутостью и подчеркнутым спокойствием проводница казалась неуместно чужой среди всклокоченно-раздраженных пассажиров, бесцельно передвигавшихся по пространству плацкартного вагона.

— Дальше другие будут, — проводница стала сверять протянутые ей документы с билетами.

— Ты без родителей едешь? — поднятые вверх стрелки делали глаза девушки похожими на лисьи. Маше казалось, что проводница хитрит, лисы ведь редко бывают искренними, во всяком случае при первом знакомстве.

— Они работают, и отпуск у них еще не скоро.

Проводница отдала бабушке документы и, уходя, подмигнула Маше.

Может быть, и нет в ней ничего лисьего, подумала девочка, может быть, она так же, как и все, волнуется, просто изо всех сил старается это скрыть.

Бабушка быстро застелила постели и, усадив Машу к окну, стала доставать еду, спрятанную в пластиковых контейнерах. Девочка уверенно замотала головой.

— Не тронь ты ее, — просительно зашептал де-

душка. — Не до еды ей сейчас. Да и я на нее смотреть не могу. Спрячь лучше, потом, когда все проедем, ужинать и сядем.

Пока взрослые препирались, Маша отправилась гулять по вагону.

Напротив, на неразложенном боковом месте, сидел молодой человек, одетый в джинсы и темную футболку с длинными рукавами. Его нервно сжатую кисть поглаживала девушка с густыми золотистыми волосами. Маша так восхищенно наблюдала, как они рассыпались по худенькой спине, что не заметила и подошла совсем близко. Девушка твердым голосом говорила, что главное проехать Краматорск, где будет проверка от СБУ (Служба безопасности Украины), и Харьков, там таможня, дальше все будет спокойно. Заметив Машу, она замолчала.

— Извините, я не нарочно, у вас такие красивые волосы, — виновато забормотала Маша.

Поезд снова замедлил ход. За окном на высоко задранной к небу мачте болтался большой двухцветный флаг. Сложенные из толстых бетонных блоков кубы щелями амбразур косились на вытянутую ленту трассы. В дрожащей тени за домиком железнодорожника спряталась зелено-серая машина, напоминающая молоток на толстых гусеницах. Ее длинная тонкая пушка, торчащая из приплюснутой башни, была направлена на дорогу, заполненную легковыми и грузовыми автомобилями. Рядом с домиком, в серо-песочном камуфляже, в маске черепа и солнцезащитных очках стоял солдат, направив на проезжающий поезд матово-черный пулемет с фигурным деревянным прикладом и с пристегнутым снизу большим зеленым коробом. Маша удивилась тому, как быстро глаза схватывают опасность. Ей показалось даже, что она видит, как солдат водит из стороны в сторону стволом пулемета, и сделала шаг назад. Девочка поняла, что солдат чувствует себя чужим в этом краю, поэтому, чтобы заглушить собственный страх, пытается нагнать его на окружающих.

— Лучше бы тебе стыдно было, в поезд пулеметом тыкать, — неожиданно вслух сказала Маша и покраснела.

Девушка, приложив палец к губам, углами рта чуть приподнялись:

— Вот закончится все, вырастешь, и у тебя такие будут. Ты куда едешь?

— В Москву, — ровно ответила Маша.

По тому, как девушка напряженно вглядывалась в скрывшийся за окном блокпост, было понятно, что вагон и все вокруг железнодорожного полотна для них с парнем наполнены опасностью, которая закончится, когда двухцветные флаги останутся далеко позади. Захотелось сказать что-то такое, отчего она снова улыбнется, но уже по-настоящему, и парень рядом с ней улыбнется, и уже он возьмет ее за руку. Разве правильно, когда они, молодые и здоровые, сидят тревожные, как будто им пенсию неправильно насчитали.

— Все будет хорошо, обязательно, вот увидите, все проедем.

II

На боковых полках ездят, как подумалось Маше, люди сплошь несчастливые. В одном месте двое мужчин, разложив на столе бутерброды с сыром и вареной колбасой, наливали под столом коричневый напиток из плоской фляги в маленькие стаканчики. По поведению взрослых на детских праздниках Маша знала, что это коньяк. Там же под столом по команде худого мужчины «Ну вздрогнули!» стаканчики ударялись друг о друга, мужчины, не спеша, выпивали содержимое, и его полный лысоватый сосед довольно улыбался.

На них неодобрительно смотрела пожилая женщина с нижней полки напротив, державшая на коленях маленькую собаку. Широко открыв рот с грустным поскуливанием, животное провожало заглатываемые полным ходом бутерброды.

— Понимаешь, двадцать лет вместе прожили, двадцать лет, — прожевав, свистящим голосом продолжал тот. — Всякое бывало: ругались, мирились, из дома я уходил, к другой, но возвращался ведь, к ней возвращался. А сейчас, когда мне, квалифицированному финансисту, начальнику кредитного отдела, работы нет, меня в Москву позвали, она не поехала. Тебе нужно, говорит, ты и езжай, я здесь

останусь, детей у нас нет, ты не хотел, а нам с матерью двоим на жизнь я заработаю.

Шмыгнув носом, он уставился в окно. Там переливающиеся волны разогретой до желтизны степной травы упирались в зеленые острова лесополос.

Его стриженный под машинку сосед с большими залысинами по бокам лба покачивался и кивал головой, прижав свой дорожный рюкзак к груди.

— Господи, — сглатывая слюну, продолжал полный, — как я их всех ненавижу, тех, кто всю эту республику, проклятую, заварил, бунт в Славянске развязал, жизнь мою переломал. Знал бы хотя бы одного такого, сдал бы в Краматорске, не задумываясь, смотрел бы, как его пакуют и вяжут, хоть немного бы отпустило.

— А в Москву тогда зачем едешь, почему не в Киев или в Одессу?

— Рыба, она ищет, где глубже, а человек — там, где больше рыбы, — полный грустно вздохнул, — я ведь в «Сбербанке» работал, вот они меня туда и забрали. Пообещали с документами помочь, с жильем, зарплатой не обидеть. Сами до ручки довели, сами пусть и расхлебывают. Приеду, обустроюсь, заживу. А там, — махнул он назад рукой, — жизни еще долго не будет. Помяни мои слова, кроме пряников гуманитарных, которые Ринатка* раздает, там других сладостей не будет.

— И то ведь, — продолжал он, распаляясь, — ладно бы с благодарностью эти пакеты принимали, а то ведь рожи кривят, говорят, подачками отделаться пытаются. А самим жрать нечего. Другие бы руки за такое целовали, Богу бы за него молились, а эти, — махнул он рукой. — Чего им не хватало? Работа была, зарплата была, кредиты были, хоть раз в год, а на отдых съездить могли. Какого рожна еще нужно? Какая разница, на каком языке в школе учить будут, главное, чтобы аттестат потом с нормальными оценками выдали. Не нравится, как одни памятники сносят, а другие ставят? Как по телевизору рассказывают, кто теперь главный друг, а кто врагом стал? Так ведь никто не держит, собирайся и уезжай, куда хочешь, живи там, как знаешь! Зачем ты бунт устраиваешь? Завидно, что

у других получилось, и самим тоже так захотелось? Так Донецк — это не Киев и не Крым, никто туда не придет, договариваться не будет, а воевать и тем более. Раскатают их сейчас в кровавый блин, самих же съесть и заставят. А если устоят, то оцепят по периметру колючей проволокой. Живите, как хотите, пока с голоду не подохнете, на колених назад не попроситесь. Вот тогда и моя ко мне приползет, а я еще крепко подумаю, брать ее назад или нет, а если взять, то как из нее дурь ватную выжечь, через какое место.

Разлив по стаканам остатки коньяка, они выпили, полный затих, задремывая. Его тощий сосед, кивая головой, обвел расплывающимися глазами соседей по плацкарте:

— Всех передушим, если узнаем.

Маша остановилась возле маленькой собаки, которая сразу же подняла уши, вытянула вперед мордочку и, переминаясь, завиляла хвостом.

— Погладь, не бойся, Яша детей любит, — улыбнулась хозяйка.

— Может, он голодный? У нас курица вареная есть и бутерброды.

— Он всегда голодный, самый голодный пес на свете, — Яша согласно кивнул, — до остановки еще долго, непонятно, выпустят на перрон или нет, а он парень воспитанный, будет мучиться, но терпеть.

Яша тыкался Маше в ладони холодным носом, лизал пальцы, подставляя поглаживаниям затылок и шею.

— Ты в школу ходишь? Какой класс окончила? — женщина говорила так, словно ей было стыдно за сказанные похрапывающими соседями слова.

— Осенью в первый пойду, — Маша хотела добавить, что, вернувшись, пойдет в класс к Александре Валерьевне с добрыми глазами, но проглотила слова. Совершенно неясно было, когда они вернутся и будет ли куда это сделать. Подумав, девочка тихо добавила:

— Надеюсь.

— Обязательно пойдешь, нужно, чтобы у тебя был твой первый день знаний, ты его потом всю жизнь будешь вспоминать и ждать снова. А потом,

когда вырастешь, детей своих в школу поведешь и все-все повторится. Это такой праздник, который на всю жизнь с тобой останется.

— А вы, наверное, учительница?

Женщина кивнула головой.

— А почему вы уезжаете? Вам разве в Донецке не нравится? У меня мама в школе иностранный язык преподает, она осталась.

— Значит, ей есть с кем и ради кого оставаться, — посмотрев в окно, хозяйка Яши поджала тонкие губы, а я там совсем одна, класс выпустила, разъехались кто куда, да и другие дети тоже. И учителя разъезжаются, и ладно бы мирно. А то друг на друга гадостей наговорили — тот укроп, этот ватник. Вчера еще друг к другу на праздники ходили, вместе за детей и учеников радовались, отдыхать ездили. И родители хороши, давай школе руки выкручивать, оценки детям своим выбивать. Мол, моего ребенка зажимают из-за его гражданской позиции, напишу в Мариуполь, в Донецкую областную администрацию, пусть оттуда с вами разбираются. Страшно все это и горько. Тебя как зовут?

Маша узнала, что хозяйку Яши зовут Полина Ивановна, больше сорока лет она учила детей математике, а теперь уезжает к детям в Подмосковье.

— Хорошо, хоть математику в политику впутать не получится, дважды два, как ни крути, четыре. Да и Яша от обстрелов совсем измучился.

Поглажив приветливо кивающего Яшу, Маша тихонько пошла дальше и успела пройти почти половину вагона, пока догнавший дедушка уверенным разворотом не завершил ее путешествие.

III

Полка была застелена взятым из дома бельем, выдаваемому в поезде бабушка не доверяла, да и выглядело оно совсем как в больнице. Машу уложили, дедушка уселся в ногах и стал уговаривать заснуть. До Краматорска часа два ехать, как раз отдохнет немного. Повертевшись минут пять на узкой и жесткой полке, Маша стала просить дедушку рассказать историю из своего детства, например, чем он занимался летом перед школой.

Рассказ получился о том, что в большом ста-

ром городе на берегу Каспийского моря у каждого мальчика был набор консервных банок. Их обычно вкапывали в песок в полосе прилива, внутрь банки укладывали кусочек мяса свежельовленного бычка. Во время прилива в банку забирался краб и выбраться уже не мог. Случалось, что набегала и рассаживалась по банкам целая стая крабов. После отлива банки доставали, крабов варили там же — в котелке на камнях, и у мальчишек был пир.

Вагон мерно покачивался, видя, как глаза девочки понемногу закрываются, дедушка начинал говорить тише.

Маше снилось, что она гуляет по берегу моря, рядом бегают и виляют хвостом Яша, построившись вереницей и выставив вверх крепкие клешни, крадутся куда-то бурые крабы.

Потом ей снилось, как вместе с папой и дедушкой они строили из песка дом, который подкраившиеся крабы разрывали. Яша пытался на них лаять, но они выстраивались в подобие круга и шли на него, щелкая клешнями, отчего он, повизгивая, прятался Маше за спину.

Пока папа с дедушкой строили очередной замок, а крабы наблюдали за их работой сидя на камнях, Маша вырыла вокруг стройки ров. Когда крабы, перебирая короткими ножками, боком побежали вперед, то друг за другом оказались на спине во рву. Что с ними сделали дальше, Маша не видела, но наиболее крабоопасные участки замка папа в конце сна украсил красными после варки крабовыми панцирями.

Открыв глаза, девочка смотрела, как спит сидящий у нее в ногах дедушка. Упершись подбородком в грудь, он мелко кивал головой, как бы соглашаясь с происходящим вокруг. Сидящая напротив бабушка, перебирая губами, считала петли на спицах. Отдыхала она очень редко, если выпадало свободное время, то вязала Маше свитера и шарфы.

Вспоминая сон, Маша поняла, что бессмысленно сражаться с врагом лоб в лоб, тем более если врагов много и они изворотливые. Нужно перехитрить противника так, чтобы он сам же себя и опрокинул на спину. Тогда все получится как бы само собой.

За окном поплыли толстые бетонные столбы, потом приземистые здания с широкими дощатыми воротами, поезд стал замедлять ход и плавно остановился.

— Краматорск, готовим документы, — полетел по вагону звонкий голос проводницы.

В вагон вошли двое. Первым был длинный худой мужчина, Маша даже не смогла понять, сколько ему лет. Одет в белую рубашку, с черным, болтающимся, как змея, галстуком, в темно-синих, плотно облегающих ноги брюках, с планшетом и похожим на ракетку для настольного тенниса прибором в руках. Женщина с собранными в узел волосами, широко расправленными плечами и холодной уверенностью во взгляде показала Маше похужей на проводницу. Даже туфли одинаковыми показались. Может быть, наиболее успешных проводниц переводят потом в агенты службы безопасности? Должно же у них быть какое-то повышение, надоест ведь всю жизнь в вагоне ездить, даже если в Москву.

Вскоре стало понятно, что именно женщина главная в этой паре. Она шла по вагону твердой уверенной походкой, стук острых каблуков был слышен даже через мягкий ковер, аккуратно расстеленный в проходе. Холод официальной казенности чувствовался в том, как она наклонялась к пассажирам, сохраняя прямой спину. Когда она разговаривала, лицо оказывалось прямо напротив и совсем близко от лица собеседника. Женщина казалась Маше похужей на сказочного василиска потому еще, что она словно выплывала из-за перегородки, разделяющей ячейки плацкарты, а оставшиеся позади люди выглядели оцепеневшими.

Мужчина монотонно просил пассажиров достать телефон, положить его на ровную площадку прибора, после чего нажимал кнопку на рукоятке, соединенной тонким шнуром с планшетом. На рукоятке было две кнопки: если загоралась зеленая, мужчина тут же возвращал телефон. Если же загоралась красная, он просил назвать номер телефона и специальной тонкой палочкой вбивал в планшет цифры. Хозяевам такого телефона он начинал за-

давать вопросы или показывал на них женщине, а она делала пометки у себя в блокноте.

— Хорошо работают, — потянулся ехавший на верхней полке мужчина, до этого все время молчавший. — Сверяют номера аппаратов с базой, проверяют, не был ли телефон в интересном месте и кому с него звонили. Серьезное у них оборудование, наверное, партнеры подарили.

Пара медленно тянулась вдоль вагона, прибор пикировал, женщина вводила в оцепенение пассажиров. Когда они прошли уже половину вагона, женщина, отчетливо выругавшись, вернулась назад. Всех мужчин она заставила раздеваться до пояса. Папа рассказывал, что таким образом ловят еще не осознавших всю беспощадность врага ополченцев и приехавших из России добровольцев — от автоматного и пулеметного приклада на плечах остаются продольные синяки. А еще ищут следы от ранений, папа говорит, что пулевое, а тем более осколочное ранение спрятать не получится.

Мужчина тем временем пошел в другой конец вагона. С таким же отрешенным видом он продолжал проверять телефоны, после чего осматривал с обеих сторон раздетых по пояс мужчин. Дойдя до старавшихся казаться спокойными парня и девушки, он протянул вперед свой прибор. Девушка положила смартфон в розовом чехле с танцующей кошечкой. Несколько секунд подумав, рукоятка пикнула зеленой кнопкой. На ходу заглянув в развернутый синий паспорт с трезубцем, он повернулся к парню.

— Ваш телефон?

— У меня нет.

— А куда вы его дели?

— У меня его в Донецке украли.

— Вот как? А в милицию вы обратились, копия постановления о возбуждении уголовного дела есть? — мужчина придвинулся ближе, и конец его галстука траурной лентой пересек разложенную на столе скатерть.

— Не успел, — парень говорил сбивчиво и не очень уверенно, — его уже на вокзале украли, мы в поезд сели, тронулись и только потом я обнаружил...

— Интересно, паспорт давайте.

Парень достал красный паспорт с раскинувшим крылья орлом.

— Россиянин значит, а в Донецке что делали?

— Работал, я специалист по ремонту автомобилей.

— Вот как, своих мастеров, значит, там нет. Раздавайтесь!

Парень послушно стянул футболку. Справа вдоль предплечья почти до верха плеча были рассыпаны розовые звездчатые рубцы. Одни были совсем маленькими, другие побольше, вокруг одного, похожего на сломанную спичку, с двух сторон тянулись дырочки хирургических швов.

— А это откуда? С дерева упали?

— Это на машинке угловой шлифовальной работал, круг лопнул, меня осколками зацепило.

— И бумаг от врача, конечно же, тоже нет. Ну, чем в Донецке занимались, понятно, вопрос, за чем назад едете? Надоело все, не понравилось, думали по-другому будет?

— Вот, он поэтому едет, — протянула бумагу девушка.

— Беременность, первая, двенадцать недель, ранняя угроза прерывания, — тихо протянул мужчина.

Облизав губы, он переводил взгляд с парня на девушку.

Потом так же скосил глаза вбок. Маша отвернулась к окну, дедушка стал взбивать подушку, бабушка сделала вид, что ищет что-то в сумке.

— Одевайтесь.

Парень, поникнув, надел футболку.

— Ваш паспорт, — протянул ему мужчина красную книжечку. — В следующий раз держитесь подальше от шлифовальных машин, особенно в Донецке. Второй раз уже не обойдется.

— Счастливой дороги, кивнул он девушке.

Потом, когда поезд поехал дальше, Маша запросилась в туалет, и в маленьком тамбуре, закрыв дверь, она спросила, почему тот мужчина отпустил парня, понятно ведь, что никакой он не автослесарь. Дядя Коля, который их машину хоть и ругает, а ремонтирует, совсем не так выглядит. И руки у него все в мозолях, и ногти вечно черные.

Дедушка сначала молчал, смотрел, как за окном тянутся вереницы стройных деревьев, потом объяснил девочке, что, может быть, тот мужчина еще остался где-то внутри человеком, да и опять же не все из тех, кто носит вражескую форму, поддерживают происходящее, а может, просто жаль стало губить молодые жизни.

Маша запомнила, как мужчина, развернувшись и отходя, выглядел уверенно, в глазах появилась мягкость, а походка стала пружинистее.

— Что там у тебя, чего так долго? — зазвенела ему напарница.

— Батарея садится, менять пришлось, с таким темпом скоро совсем сдохнет, а где новые брать, непонятно.

— Непонятно ему... Не твоего ума дело, дали аппаратуру, дадут и батарею. Твое дело — кнопки давить и мне сообщать. А тут у нас кто?

Она стояла прямо перед Машей.

Гладкое, словно полированное лицо, ровные, чуть поднятые брови, густые ресницы, скрывающие широкие зрачки карих глаз, тусклая бордовая помада на чуть приоткрытых надутых губах, за которыми заметны маленькие хищные зубы. Слегка раскосые от стрелок и теней глаза делали женщину похожей на всевидящего робота. И совсем неприятен был немигающий, направленный внутрь взгляд.

Маша проглотила слюну, она смотрела с родителями несколько фильмов про разведчиков, но там наши герои боролись с мужчинами — большими, жестокими, хитрыми, но в целом понятными. Здесь перед ней стояла и даже улыбалась стройная, подтянутая, красивая женщина, от которой тянуло страхом сильнее, чем холодным ветром из кондиционера. Маша подумала, что такая женщина без колебаний выпьет любые таблетки, чтобы у нее не родился ребенок, у нее просто не может быть детей, в ее жизни нет никого, кроме нее. А что еще хуже, она накормит такими таблетками других женщин и даже не поморщится, потому что считает себя сильной и всегда правой, а остальные так, помеха на дороге.

— Тебя как зовут, девочка?

— Мария.

— Вот как? И куда же ты едешь, Мария?

— В Москву, на лечение.

— А почему без родителей?

— Папа работает, а маму он от себя далеко не отпускает.

— Интересный папа, а кем он у тебя работает?

— Врачом в поликлинике, он детям горло, нос и уши лечит.

— Только детям? Или и бандитам этим, террористам, тоже что-нибудь лечит? Может, он у нас по базе проходит? Как твоя фамилия? — не сводя с Маши глаз, она взяла у мужчины планшет.

— Вот, — протянула Маша билет, — тут написано, а то я не все буквы правильно выговариваю, вдруг там в базе вашей чужая фамилия.

— А зачем тебе в Москву лечиться? Ты чем таким болеешь?

— У меня подозрение на туберкулез, кажется, так, — Маша отдала женщине протянутую бабушкой справку, которую на всякий случай через коллег сделал папа.

— Кажется... А почему в Москву, почему не в Крым? Он же теперь не наш, правда? — Маша почувствовала себя колобком, на которого голодная лиса нацелила хищную пасть.

Перехитрить ее, похоже, не получится, остается искренне прикидываться глупой. В садике, особенно когда приезжающая проверка начинала задавать вопросы на непонятном украинском языке, Маша всегда так и делала.

— Какой Крым? Это где такое? Рядом с Донецком его точно нет.

— Причем тут Донецк? Крым — это полуостров такой, захваченный у нас Россией. Ты что, про него не слышала? По телевизору не смотрела?

— У нас нет телевизора, папа сказал, что мне для глаз вредно, а в садике нам про такое не рассказывали, — выдохнула Маша чистую правду.

— А друзья твои куда отдыхать ездят?

— В село в основном, а кто, как мы, на Азовское море.

— А сейчас почему не туда едете?

— Папа говорит, там дорого, за день отдыха там можно в Донецке неделю на диване лежать.

— Понятно с твоим папой, а мама почему не поехала?

— За папой присматривать осталась.

— А что за ним присматривать? Он у вас разве маленький?

— Чтобы он после работы домой шел, а не в гараж к дяде Коле.

Папа действительно любил временами пойти к своему другу-автомеханику: выпить чаю, поиграть в шашки или нарды, сидя на плоской крыше гаража, посмотреть в ночное небо. Но все это Маша рассказывать не стала, пусть думает, как хочет, она-то знала правду. Иногда она вместе с папой забиралась на теплую, пахнущую смолой крышу и, лежа на спине, наблюдала, как звезды передвигаются по ночному небосклону. Они собирались купить к школе телескоп, говорят, осенью наблюдать за звездами особенно интересно. Даже сходили с папой в планетарий, после суточного дежурства папа немного поворочался в мягком кресле и быстро заснул под вкрадчивый голос, рассказывающий о карте звездного неба. Когда он начинал похрапывать, а на соседних креслах злобно перешептываться, Маше пришлось гладить отца ладошками по лицу, он на минуту просыпался, переворачивался на другой бок и продолжал спать. Сам он потом говорил, что так хорошо под звездным небом он не спал никогда.

Вспомнив об уходящей в прошлое мирной жизни и планах, которым вряд ли уже сбыться, девочка грустно вздохнула.

Женщина посмотрела на бабушку, та виновато развела руками.

Проверив у дедушки и бабушки паспорта, подержав на приборе их старенькие телефоны с затертыми кнопками, пара развернулась и пошла к выходу из вагона.

В вагоне висела тишина, которая оставалась и тогда, когда растерявшая уверенность проводница захлопнула дверь вагона и поезд покатился дальше.

IV

Поезд катился дальше, за окнами менялись виды, слепящий блеск дневного солнца сменился нежно-золотистыми переливами вечернего света. Обычно это было время вечерней прогулки с последующим чаепитием, сказкой и засыпанием под сытое урчание Мурки. Но в этом путешествии все шло совсем неправильно. Маше казалось, что поезд стоит в странном тоннеле, на стенах которого показывают фильм о дальнем путешествии, она уже видела такое в театре, сцена была неподвижной, а декорации менялись.

Девочке совершенно не хотелось смотреть в окно и больше не хотелось ходить по вагону. И уж точно не хотелось есть, хоть бабушка и настойчиво предлагала. Сама она тоже не ела, только пила воду маленькими глотками. Дедушка пил нестерпимо горячий чай с сахаром, кипяток для него он брал у проводницы.

Она заглянула к Полине Ивановне и Яше. Пес спал, уложив голову на колени хозяйки, закрыв собачье тельце тонкой ладонью, старушка смотрела в окно, временами покусывая губы. Тут было точно не до разговоров, и Маша вернулась назад.

На ее вопрос, почему так кажется, что поезд стоит, а все вокруг едет, дедушка разложил на столике лист бумаги, нарисовал прямую линию и кубик с трубой и сказал, что это поезд и рельсы. Потом он нарисовал еще линию со стрелкой и стал рассказывать, что если за точку отсчета принять поезд, то движется мир за окном, а если вокзал в Донецке, то движется именно поезд. Было интересно, но Маша так и не поняла, какая же из точек отсчета правильная. Бабушка, махнув рукой, посоветовала дедушке не забивать ребенку голову, рано ей еще курс физики втолковывать. Потом добавила, что чувства часто обманывают и нужен жизненный опыт, чтобы понять, что именно является правдой. Поэтому нужно чаще слушать родителей и бабушку с дедушкой, хотя жизнь пошла такая, что по некоторым вопросам и она не скажет.

Уже начало темнеть, когда поезд вкатил на вокзал Харькова. Дедушка начал было рассказывать, как тридцать пять лет назад, студентом выпускно-

го курса, он был тут на преддипломной практике. На большом заводе, где в высоких и длинных цехах строили танки. Маша слушала историю о том, как огромные краны на толстых рельсах легко везли тяжелые танковые корпуса. Кранами управляли женщины в цветных косынках, которые лежали на животе и смотрели вниз, как Мурка со шкафа. Внизу люди вкладывали в корпус множество разнообразных деталей, присоединяли снаружи и изнутри электрические провода и приборы. Кран вез танк дальше, где ему приделывали башню, вкладывали туда пушку и пулемет, надевали гусеницы, красили. Передвигаясь по воздуху из одного конца огромного цеха до другого, трудом сотен людей из серого куска металла рождалась грозная боевая машина, готовая вместе с экипажем защищать общую Родину – Союз Советских Социалистических Республик. История была очень увлекательной, особенно когда дедушка рассказывал, как после рабочего дня он отстоял почти километровую очередь, чтобы купить бабушке редкие по тем временам итальянские сапоги до колена. Маша хорошо знала, что такое итальянские сапоги до колена, у мамы было таких двое. И с трудом представляла, что такое километр, но понимала, что выстоять столько времени в толпе, голодным и на холоде можно только ради самого любимого на земле человека. Много историй было у дедушки об этом городе.

Сейчас на этом заводе наверняка делали или ремонтировали танки, которые на платформах везли в обратном движению их поезда направлении и не было никаких сомнений ни в точке отсчета, ни в точке прибытия, ни даже в целях поездки. Разве что женщины в цветастых платках, как и дедушка, вышли на пенсию, но краны, скользя по рельсам, все также тянут танковые корпуса, башни и пушки.

В вагон вошли двое мужчин, удивительно похожих на сидящего через плацкарту толстяка с грустным лицом. Казалось, что ему совсем плохо, он то и дело отхлебывал воду из бутылки и то икал, то всхлипывал. Сосед его повторял, что сейчас бы пивка или хотя бы кваса, вот остановится

поезд — и он сбегает. Полный согласно кивал, и худой, оставив ему свой рюкзак, шатаясь, побрел по коридору. Подойдя к одетым в форменные сосново-зеленые брюки, белые рубашки с коротким рукавом и кепки-бейсболки с тканевой кокардой сотрудникам украинской таможни, он, с грустью выдыхая им в лицо, стал о чем-то с ними шептаться, тыкая пальцем на оставшийся у соседа рюкзак. Видимо, таможенники были привычными к такому состоянию пассажиров, посмотрев в билет и паспорт худого, они махнули рукой, и он, выйдя из вагона, побрел вдоль перрона.

— Готовим документы и вещи, пассажиры. Помним, что попытка беспощинного провоза ценных грузов и денежных средств преследуется по закону.

Что такое ценные грузы, Маша не знала, но была уверена, что у них таких нет.

Один из таможенников проверял документы пассажиров, второй внимательно осматривал содержимое из сумок.

Начали они с дальнего конца вагона, видимо, чтобы пассажиры, которые едут там, не успели поспрятать ценные вещи в постель, вдоль которой проводили специальным прибором, похожим на толстую дощечку с длинной рукояткой.

У ехавших рядом парня и девушки вещей было мало и ценных почти не оказалось. Сумка Маши и большой чемодан бабушки и дедушки внимания таможенников тоже не привлекли, как и рюкзак ехавшего на верхней полке молчаливого соседа.

Возле сжавшего в ладонях похмельную голову толстяка таможенники замерли, как Мурка перед заводной мышкой.

— Деньги, ценности везете? — в голосе была даже не надежда, а твердая, раздувающая охотничьим азартом ноздри уверенность.

— Все в пределах недекларируемой суммы, — выдохнул им толстяк, видимо, к поездке он подготовился основательно, — пять тысяч долларов.

— Все так говорят, показывайте. И карточки банковские с выпиской со счета тоже доставайте.

Толстяк полез в зажатую между ног кожаную сумку, в фигурном металлическом замке которой

были вделаны колесики с цифрами. Он шарил в ней сначала одной рукой, потом двумя, потом поставил сумку на столик и широко открыл. Лицо его вначале побелело, потом стало наливаться кровью, краснота разлилась по ушам и шее. Он вывернул сумку на стол.

— Нету, нету, пропали, украли, — тонким голосом заверещал он. — Куда же я теперь? Я же без них пропаду там!

Он хватал ртом воздух, вертел головой, пытаясь среди окружающих лиц найти вора. Потом он резко раскрыл и вывернул на стол рюкзак ушедшего худого.

— Макулатура и секонд-хэнд, смотреть нужно, с кем пить садитесь, а пока карточки банковские приготовьте. Заявлять будете?

— А толку, денег моих все равно не вернуть, может, попадется на горячем, прирежут гада.

Дойдя до Полины Ивановны и не найдя ничего интересного в ее вещах, таможенники уставились на Яшу.

— Документы на животное есть?

— Понимаете, мы быстро собирались, я не успела ему сделать ветеринарный паспорт, да и сложно с этим в Донецке. Бланков, говорят, нет. Вот справка о его прививках и ветеринарный осмотр с печатью.

— Печать есть, а бланков нет! Без документов животное выезжать не может!

— Как это не может? А что же мне теперь делать?

— Думайте, хотите выйдите, сделаете ему паспорт и дальше поедете, здесь бланков хватает.

Полина Ивановна стала налижаться краской. Маша знала, о чем старая учительница постеснялась сказать: ветеринарный паспорт — затея дорогая.

Лучше всех договариваться по самым сложным вопросам в семье умела бабушка, дедушка мог несколько раз сходить за положенной ему справкой, терпеливо высидеть очередь и вернуться ни с чем. Папа и мама начинали искать в телефоне номера знакомых, которые могли помочь, профессия решать чужие проблемы была на Украине почетной и уважаемой.

— Помоги Яше, — уцепилась Маша в бабушку, — они же его сейчас высадят, как он тут останется?

Пожевав губами и посмотрев на дедушку, который опустил вниз голову, бабушка засунула руку в сумку, пошевелила пальцами и пошла к таможенникам.

— Молодой человек, вы, кажется, кое-что забыли.

— Что еще? Мы же у вас были.

— Вот, вы обронили, — бабушка протянула ему сложенный лист, — войдите в положение, видно же, что пассажирка плохо видит, смотрите, какие очки, а это ее собака-поводырь! Правда, Яша?

— А это тут что? — таможенник с сомнением посмотрел сквозь сложенный лист на заходящее солнце.

— Тут избранные цитаты выдающейся украинской поэтессы Леси Украинки, вспомните на досуге.

— Маловато, конечно, за собаку-поводыря, да что поделаешь, войдем в положение. Хорошей дороги!

Полина Ивановна подняла на бабушку глаза.

— Двести гривен, я вам сейчас отдам, спасибо вам, я бы с ними так не смогла!

— Господи, да как же вы в школе работали, проверки и аттестацию проходили! Я вот в училище преподаю, так без этого никак не получалось, хоть и самой стыдно, при Союзе такого никогда не было!

— Так ведь другое время было, а сейчас... Я так и не научилась, у нас завуч всем этим занималась.

— Понятно, пойдемте чаю по глотку выпьем, а наши пусть пока с Яшей погуляют, он бедный уже еле держится.

На перроне, когда посвежевший Яша отошел от фонарного столба и резво трусил вдоль поезда, Маша попросила дедушку позвонить родителям.

— Рано еще, вот российскую границу проедем, тогда пожалуйста, хоть бы связь наша еще работала.

— А почему бабушка сказала, что ей стыдно? Она же Яшу спасла.

— Да не об этом ей стыдно, она всю жизнь честно работала, детей учила, вон сколько токарей, сварщиков, фрезеровщиков, инструментальщи-

ков вырастила, несколько поколений. Стыдно, что довели страну до такой ручки, что без портрета в конверте ничего не добьешься, и хорошо, если одного, как сейчас.

Было видно, что разговор дедушке неприятен, но он продолжил:

— Нельзя так жить, когда все покупается и продается, нет ни закона, ни порядка, ни правды.

— А в России есть правда?

Дедушка испуганно закрутил головой.

— Ты хоть и маленькая, а понимать надо... Кто же такие вопросы на перроне в Харькове громко задает?

Потом, еще раз оглянувшись, наклонился к Маше:

— Да уж куда побольше, чем здесь и чем у нас там было. Ладно, пойдем Яшу догуливать и дальше поедем.

Российскую таможенную прошли быстро. Веселый таможенник громким голосом поинтересовался, есть ли у кого из пассажиров с собой оружие или наркотики. Потом вместе с маленьким спаниелем, который всем заглядывал в глаза, таможенник быстро прошел по вагону и собрал декларации. Яшу он потрепал по ушам и, кивнув спаниелю, предложил идти к ним на службу. Вся процедура проверки вагона заняла не больше пятнадцати минут.

За окном было совсем темно, когда поезд заскользил вдоль залитого теплым желтым светом перрона.

Маша посмотрела на бабушкин телефон, пора было звонить родителям.

Из четырех палочек мощности связи осталась всего одна. Трубка ответила на первом гудке:

— Слушаю, — голос папы был необычно глухим и казался отстраненным.

В мае они вдвоем смотрели кино, где наши разведчики в лесу ловили банду диверсантов и поймали уже в самый последний момент, когда приехавший хмурый генерал готовился отдать приказ войскам прочесывать глухой белорусский лес. В фильме раненый капитан с серьезным, как у папы, лицом по радиостанции кричал кому-то, что бабушка приехала. Девочка реши-

ла, что для такого случая и ей нужно сказать что-то эффективное.

— Бабушка проехала, — выпалила она в трубку.

— А ты? А дедушка? И как она проехала, а ты с ее номера звонишь?

— Мы все проехали, все, и Яша тоже!

— Какой Яша, это кто?

— Это песик маленький, его бабушка спасла от украинской таможни.

Папа часто задышал в трубке, потом засмеялся:

— Я понял, бабушка приехала, мышка, ты чудо, ты настоящая разведчица!

V

Потом мама рассказывала Маше, что, когда поезд уехал, папа долго гладил ей волосы и без остановки повторял, что все будет хорошо. Домой она не поехала, не хотела оставаться там без папы, и они вдвоем поехали в госпиталь. Маленькая Анечка, худенькая медсестра, которая работала вместе с папой, долго не могла понять, почему мама безучастно сидит на кушетке, глядя перед собой и кусая губы.

Когда папа, закончив прием очередной партии раненых, все же объяснил, Анечка тихо ругала его чурбаном и бесчувственным. Напоив маму чаем с медом, она отвела ее в соседний кабинет, куда папа перенес кушетку, присела рядом и разговаривала о каких-то мелочах, каждый раз мягко повторяя просьбу закрыть глаза. В кабинет Анечка вернулась, только когда мама крепко спала. Вечером они втроем пили чай, Анечка кормила маму принесенными из дома пирожками и душистыми абрикосами («тебе сейчас нужно железо»), потом вдвоем они гуляли по госпитальному саду, оставив в кабинете часы и телефон. Папа с дежурным

врачом ушли на обход. На улице стемнело, но раненых продолжали везти, папа бегал по этажам, Анечка руками и голосом управляла командой санитаров из выздоравливающих. Мама присела на скамейке, кто-то из раненых рассказал ей, что под Шахтерском совсем горячо, а оттуда до города, где жили бабушка с дедушкой, не более десяти километров чистой степи, зацепиться не за что.

Наконец, наступила тишина. Папа курил на крыльце, Анечка командовала помывкой ступеней и коридора, приемно-сортировочное отделение всегда должно быть чистым.

Мама дернулась, услышав пикиканье телефона, папа говорил рывками, задавал какие-то вопросы, потом стал смеяться, потом связь оборвалась.

— Бабушка проехала, — продолжая смеяться, кричал он маме и подбежавшей Анечке.

— С ними все хорошо? — осторожно спросила медсестра, — может, ты им позвонишь?

— С ними все замечательно, просто бабушка проехала.

Ей вдруг нестерпимо захотелось спать, Анечка уложила ее на кушетку, укрыв припасенным на осень пледом.

Мама не слышала, как папа звонил бабушке и дяде, как ночью к крыльцу госпиталя подъезжали машины, как вынимали из них сцепивших зубы, но временами кричавших от боли раненых, как разговаривал на скамейке под окном патруль.

Она видела во сне, как теплым осенним днем вдвоем с папой они ведут нарядную Машу, подросшую, но такую же худенькую, в школу. Над зданием развевается трехцветный российский флаг, а вокруг радостные дети, с цветами и новыми красивыми ранцами. И нет вокруг никакой войны, и больше никогда-никогда не будет. ■

** Ринат Ахметов, украинский олигарх, владелец футбольного клуба «Шахтер», с 2014 года финансирует вооруженные националистические формирования Украины. Признан Минюстом России экстремистом и террористом.*

НА СТЫКЕ
ЖАНРОВ

Архив Николая Устюжанина

НИКОЛАЙ УСТЮЖАНИН

Родился в 1961 году в Великом Устюге. Литературовед, писатель, публицист, литературный критик, доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России, лауреат Всероссийской литературной премии «Звезда полей» имени Николая Рубцова и Всероссийской православной литературной премии имени Святого благоверного князя Александра Невского. Живёт в Сочи.

О ВОЙНЕ И МЕДСЕСТРЕ ЛИДЕ

Сочи — мирный город, морской, яркий и беззаботный, даже легкомысленный, по мнению многих. Но этот всем известный курорт награжден... боевым орденом Отечественной войны, да еще самой высокой, первой степени! И вот почему...

В июне 1941 года все изменилось. Закрылись похожие на дворцы санатории, отдыхающие разъехались, эшелоны увозили не только их, но и мужчин, получивших «добро» в военкоматах. Они ехали на фронт, а черноморский рай оставался почти исключительно женским. Улицы опустели, окна заклеивали бумажными лентами «крест-накрест», занавешивали темными плотными шторами. Объявили комендантский час, и ночью по тротуарам ходили только военные патрули.

Поступил приказ из Москвы: переоборудовать санатории и гостиницы под госпитали — двадцать тысяч коек! А мест — меньше половины... Ничего, сочинцы приносили кровати, диваны, софы, ставили их в коридорах, подсобках, на верандах, матрасы и подушки набивали сеном и самшитовым мхом.

Ввели карточки. В день на человека — двести граммов хлеба, столько же крупы, пятьдесят граммов колотого сахара, раз в неделю выдавали пачку чая.

В начале августа поступили первые раненые. Везли только тяжелых — пароходами, баржами, поездами, иногда самолетами, приземлявшимися на аэродроме в центре Сочи (на будущей улице Гагарина) и в поселке Лазаревском. Чуть позже методом «народной стройки» был оборудован военный, а теперь международный аэропорт в Адлере.

Самые большие госпитали заработали в Центральном районе, в Мацесте, Хосте, а еще — в Головинке, Лоо, даже в Красной Поляне, в бывшем царском охотничьем доме. В город-госпиталь съезжались со всей страны лучшие хирурги. С особенным нетерпением ждали судно с самой многочисленной

«делегацией» из трехсот командированных из Москвы и Ленинграда. Не дождались. Транспорт потопила вражеская подводная лодка. Не выжил никто...

Операции проходили днем и ночью... Врачи валялись с ног, спали сидя во время подготовки очередного больного. И никаких выходных... На каждую медсестру — сто раненых. И всем надо помочь, сделать перевязки, дать лекарства, накормить... Некоторые «сестрички» постарше не выдерживали, умирали прямо на рабочем месте. Мужчины держались... Хирург Чебриков скончался сразу после Победы, его именем назвали одну из улиц курорта.

В 1942-м началась битва за Кавказ. Фашисты подступили к границам города — к Туапсе, Красной Поляне, к поселку Солох-аул. Гитлеровцы бомбили центр, снесли вокзалы и повредили пути в Лазаревском, Лоо, Мацесте. Вой моторов терзал уши — шли воздушные бои. Из сводок:

«9 ноября 1942 г. в 12 ч. 38 м. 19 Ю-87 и в 16 ч. 10 м. 17 Ю-88 бомбардировали район селения Лазаревское. Были повреждены и загорелись воинский эшелон и железнодорожный вокзал. Разрушены 4 здания, убиты 4 и ранены 4 человека. Один Ю-88 был сбит и упал в море».

«13 ноября 1942 г. в 11 ч. 20 м. 15 Ю-87 и Ю-88 в сопровождении десяти МС-109 бомбардировали аэродром Лазаревское, разрушений и жертв не было, наши самолеты не пострадали. Зенитным огнем сбит один Ю-87, один Ю-88 и подбиты два Ю-88».

«13 ноября 1942 г. в районе Сочи два ЯК-1 вели бои с двумя МС-109».

В госпитали потоком прибывали раненые. Местные женщины сдавали кровь (всего — 20 тонн!), вязали носки, пекли пироги из ореховой муки, собирали каштаны, дикие груши и яблоки, даже разбили грядки прямо на клумбах Ривьеры! Дети рвали колючий шиповник, сдирали с сам-

шитовых стволов мох, а потом пели и ставили сценки для выздоравливающих.

Но еды не хватало, был случай, когда сочинцы остались без хлеба почти на две недели. Выручало море. Ставрида, кефаль, хек, даже мелкие бычки — все шло к столу. Но безжалостные немецкие пилоты расстреливали рыбаков, вредили, где только могли, даже сожгли кукурузные поля в Кудепсте.

Но страшнее всего — дефицит лекарств и перевязочных материалов... Выручала находчивость. Мох оказался лучше ваты, вместо витамина С — отвар из хвои, а ее дым отлично заживлял гнойные раны. Настоями эвкалипта и горной ромашки промывали живую плоть, поддерживали раненых «борщами» из крапивы. Кто-то из них даже шутил...

Однажды тяжело раненный под Новороссийском бронбойщик Владимир Романов, когда во время завтрака подавали надоевшую перловку, в шутку сказал приглянувшейся ему сестричке Лиде, что с удовольствием отведал бы... куриного бульона! Пошутил и забыл. А в обед выронил ложку: Лидочка принесла и осторожно поставила перед Володиной полную миску подернутого жиром горячего бульона с огромным куском курицы. Сестра так и не призналась, так и не

ответила на его расспросы, откуда такое богатство. Выдали ее подружки: оказывается, Лида выменяла свое последнее нарядное платье на ближайшей толкучке... Боец, которого вскоре выписали, корил себя за неуместность, а после войны, приехав в Сочи, долго разыскивал медсестру Лидию, чтобы подарить самое модное и дорогое платье, но так ее и не нашел.

Сочинские госпитали во время военных испытаний оказались лучшими, у них самый высокий процент вылеченных и вернувшихся на фронт. Думается, что способствовали этому подвигу не только мацестинские ванны...

Последний раненый покинул госпиталь в 1947 году. И вновь среди магнолий и пальм прогуливались веселые отдыхающие, поглядывая на синее небо и оранжевое солнце...

Будете в отпуске — найдите время, поднимитесь по мостику над железной дорогой в Завокзальный район Сочи к мемориальному кладбищу — там лежат те, кого не смогли спасти даже сочинские хирурги. Увидите сотни, тысячи надписей — и все поймете. ■

В очерке использованы материалы Музея истории города-курорта Сочи.

КАВКАЗЯНКА: УНИКАЛЬНАЯ И ВЕЛИКОЛЕПНАЯ

«Золотая» пчела Кавказа, краснополянская порода (кавказянка) имеет самый длинный среди медоносных пчел хоботок — целых семь с лишним миллиметров (у равнинных пчел хоботки вырастают максимум до шести). С его помощью горная пчела собирает нектар из цветов, до которых обычные рабочие насекомые не дотягиваются.

Краснополянская пчела отличается необыкновенным трудолюбием и упорством — работает

даже когда моросит мелкий дождь, стоит туман и гуляет ветер. Кавказянки начинают сбор раньше всех и заканчивают позже других: вылетают из улья около пяти часов утра, а возвращаются поздно вечером, в двадцать два часа, в полной темноте. Для сбора одного килограмма меда им приходится делать более ста тысяч вылетов! Меда они дают в полтора раза больше обычных пчел. При этом труженицы по характеру удиви-

тельно миролюбивы и почти не жалят — пчеловоды осматривают ульи без защитных сетчатых масок и дыма.

За свои качества кавказянка трижды была удостоена золотой медали на международных выставках и конгрессах пчеловодов. По популярности порода занимает второе место в мире после итальянской. Ее пчелопакеты пользуются спросом не только в России, но и в Китае, Германии, США, Польше, Франции, Греции, Израиле, Австралии. В Соединенных Штатах Америки, например, большинство пчел родом из Красной Поляны.

Племенное пчелоразведенческое хозяйство (теперь Краснополянская опытная станция пчеловодства) было основано в начале 1960-х годов. Первый его директор Михаил Николаевич Виноградов (1920—1985 гг.) создал предприятие с центром в поселке Эсто-Садок, оставшееся до олимпийского строительства, вытеснившего многие пасеки, крупнейшим в мире.

В 1970-х оно ежегодно продавало сто пятьдесят тысяч маток, пятнадцать тысяч пчелопакетов, более двухсот килограммов маточного молочка (позже — около тысячи!), а вкуснейшего меда — от десяти до двадцати тонн. Это не считая воска, прополиса, пыльцы и пчелиного яда, знаменитого своими лечебными свойствами.

Пасеки общей протяженностью до ста километров в ширину и до полутора километров в высоту раскинулись в красивейших ущельях.

В 1971 году Всемирный конгресс пчеловодов проходил в Москве, но его участников специально привезли в Сочи, чтобы похвалиться Краснополянской пчелиной породой. По этому случаю провели асфальтовую дорогу к Эсто-Садку. Дети впервые шли в школу по нормальной дороге, а не грунтовой, раскисавшей после каждого дождя, — лужи и ямы в ней забрасывали шлаком и гравием.

Через сорок лет здесь же отгрохали современную олимпийскую автостраду... ■

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Я приехал в поселок, в котором жил почти шестьдесят лет назад, не просто так. В душе поселилось жгучее желание обнаружить следы прошлого, хотя бы его фрагменты... Зачем? Не знаю. Но предчувствие говорило: что-то важное найдешь только там.

И вот я иду, ориентируясь по вечной местности, по тропе меж высоких гор, почти не изменившихся за целую жизнь. Те же склоны с густыми лесами, редкими ближе к конусу, мраморные скалы с белыми прожилками и, наконец, снежные пики, облитые сияющей белизной, словно ромовые бабы — сладким сиропом.

Они стоят близко друг к другу, слева и справа от тропы, промытой водами шумной реки и оставленной на суше для путников. Горы-великаны, го-

ры-стражи, с которыми я мечтал встретиться вновь.

А вот поселок я не узнал... Вместо деревянных домиков и одиноких двухэтажных общежитий — причудливые коттеджи, гостиницы, магазины, пункты проката, рестораны — все дорогое, яркое, иностранное и по архитектуре, и по названиям. Все-таки популярный горнолыжный курорт, а не деревня лесорубов, как прежде.

Тщетно я искал среди смутно припоминаемых холмов хоть что-то родное... Все разрушено. Нет, конечно, все к лучшему. Но почему-то грустно.

Дом, где мы жили, исчез. Осталась только котельная, но новая, огороженная металлической сеткой с надписью: «Вход запрещен!»

Заборы, заборы, злые собаки, охраняющие добро... Странное слово с двойным смыслом. До-

бро как милость и добро как накопление, скарб, а по-древнерусски — рухлядь.

Однако на знакомое место, почему-то всеми называемое локацией, я наткнулся. Это вертодром, с которого взлетали и на который приземлялись вертолеты Ми-8 с обычными пассажирами. Теперь он заброшен, лежат потрескавшиеся от времени плиты — и все. Богачи летают на своих «Робинсонах», маленьких, быстрых и удобных — садиться можно рядом с домом, точнее, почти дворцом.

От вертодрома уходит вверх под прямым углом оживленная дорога. Я задумался, как вдруг меня легонько подтолкнули: «Чего ждешь? Зеленее не будет». Перешел на другую сторону, ближе к светофору, и вдруг вспомнил!.. Да, это тот самый перекресток, оставшийся в детской памяти как первая встреча со смертью.

...Тогда я возвращался из библиотеки и не смог преодолеть пешеходный переход из-за толпы, окружившей место аварии. На асфальте лежал разбившийся новенький мотоцикл «Ява», руль его был неестественно вывернут, да так, что между ним и баком торчали провода: синие, зеленые, желтые... А рядом сверкала под солнцем огромная красная лужа.

Я не представлял, что в человеке столько крови...

Из разговора понял, что погибших было двое: юноша и девушка. Я так и увидел в воображении: вот сияющий от счастья парень выкатывает из магазина хромированное чудо, заводит мотор, приглашает улыбчивую подругу, они садятся без шлемов («Какие шлемы, пустяк — потом купим!») и несутся с горы к злополучному перекрестку. Мотоцикл скоростной, неопытный всадник затормозил поздно и со всего маху врезался в грузовик... Вот он стоит, изрядно помятый.

И сейчас, вспоминая, испытываю тот же ужас и ту же печаль. Начало жизни — и почти сразу конец.

Кто знает, если бы не было этого сумасбродства, спутника молодых, и сейчас бы они ходили по улицам, ели мороженое вместе с внуками, провожая их в библиотеку, а потом поднимались бы выше, к храму Священномученика Харлампия.

Я хотел понять: что такое наша жизнь во времени и почему смерть так непредсказуема для нас, словно ее и нет вовсе. Но, так же, как и в начале путешествия, не знаю ответа на этот вопрос.

И все-таки изречение, которое так жаждал встретить, я нашёл! — в восемнадцатой кафизме Псалтири: «Господь сохранит вхождение твое и исхождение твое, отныне и до века». ■

ИНТЕЛЛЕКТ С ИСКУССТВЕННЫМ ДУШКОМ

Случайно наткнулся в интернете на клип Александра Блока «Незнакомка» и опешил: на экране монитора пел и двигался вылитый Александр Александрович, поэт «серебряного» Санкт-Петербурга, в окружении безупречно одетых красавцев и красавиц. И пел, кстати, неплохо, но слишком правильно и однообразно.

Спустя минуту сообразил, что это не исполнитель, похожий на Блока, а его аватар, или двойник, сгенерированный, то есть созданный, искусственным интеллектом.

Стал листать похожие поделки и обнаружил «поющих» Александра Пушкина, Сергея Есенина, Владимира Маяковского, Марину Цветаеву и... Виктора Цоя.

Как водится, первым делом стал читать комментарии, по опыту зная, что они намного интереснее предмета обсуждения.

Критики набежали скопом, причем самым заметным «гнилым помидором» в их речи оказалось слово «извращение». Защитники отбивались вяло и неубедительно: «Молодежи будет полезно познакомиться в такой форме с русской поэзией»... Ага, мы это уже слышали и видали: и Пушкин читал стихи в стиле «рэп», и простоволосая Наталья Николаевна вела себя с ним как отвязная девица в ночном клубе, а за ними на экран взобрался и «добрый мой приятель» Онегин, почему-то сорокалетний и почти седой мизантроп.

В музыкальном клипе Александр Сергеевич отдаленно смахивал на «наше все», но почти не пел, а больше играл на рояле. Как говорится, талант, а тем более гениальность, не пропьешь: несмотря на все усилия создателей пародии, Пушкин умудрился изобразить на лице брезгливость к происшедшему.

Владимир Маяковский тоже читал рэп, но со слащавым выражением на физиономии, лениво двигая накрашенными (?) губами, к тому же его затмила героиня стихотворения Лиля Брик, чудовищно похожая сама на себя.

Больше всего не повезло Есенину: он походил на кого угодно (даже на известных в прошлом исполнителей «попсы» Левкина и Губина), но только не на себя. При этом он не пел, а почему-то все время кричал. Наверное, поэтому оглохшие настройщики вынуждены были выпустить на экран ползущие классические строки, но с грамматическими и пунктуационными ошибками и ляпами: вместо «ссылки» красовались «ссылки»... Но

они не виноваты — это нейросеть откуда-то слямзила искаженный текст.

Теперь понятно, кем и как сляпаны конвейерные «мылодрамы» телеканалов «Домашний» и «Россия-1» с плоскими сюжетами, с диалогами из газет и смертельно уставшими актерами, жующими словесную жвачку: «Это не то, что ты подумала!»

Робот есть робот, он бездушный и тупой, как голос из телефона: «Вы позвонили в поликлинику номер четыре. Чтобы записаться к терапевту, нажмите “один”».

Что со всем этим делать? А ничего! «Все пройдет, как с белых яблонь дым...» Помнится, лет пятнадцать назад все как с ума посходили: бросились покупать плазменные телевизоры с функцией «стерео» и с очками в придачу. Устраивались с комфортом на диванах, паялились в новейшее «чудо» и веселились от стереоэффектов.

Где теперь эти «плазмы»? И где очки?.. Оказалось, что мозг не умеет раздваиваться и протестует головной болью... Еще в 1970-х годах в Сочи зрители популярного среди отдыхающих кинотеатра «Стерео», где крутили одни и те же фильмы, тоже жаловались на мигрень после просмотра, но обвиняли в этом плохую вентиляцию.

Нет теперь этого кинотеатра... Мода проходит, а вечность остается.

Писатель Станислав Рыбас недавно призывал присмотреться к искусственному интеллекту в литературе. Кажется, никто не понял: с ужасом или с восторгом он это говорил?

Не надо пугаться, а тем более восхищаться: подлинную душу не заменить искусственной, потому что она с душком... ■

Архив Александра Боброва

ГОСТЬ НОМЕРА

*Александр
Босров*

«...НЕ ЗНАЮ, ЧТО ОСТАНЕТСЯ ОТ МЕНЯ, НО Я УВЕКОВЕЧИЛ ПОДВИГ И ИМЯ БРАТА»

Беседа Андрея Нейжмака с Александром Бобровым

Андрей Нейжмак: *Александр Александрович, жизнь любого человека начинается с его родителей. Кем были Ваши отец и мать?*

Александр Бобров: Они были замечательными, истинно русскими людьми. К сожалению, я это понял, навек простившись с ними (разница ухода — девять месяцев). Во-первых, совсем молодые родители (мама, выпускница гимназии Пензы, родила в 17 лет) вырастили и воспитали первенца — настоящего героя, не только отважного воина, но и потрясающей души талантливого молодого человека. Во-вторых, они родили меня, четвертого ребенка, через два года после гибели Николая — маме Евдокии Ивановне было уже сорок лет, а отцу Александру Николаевичу — пятьдесят. А ведь это было очень трудное время — конец войны. Маму все родные отговаривали, но родители дождались и моего поступления в Литинститут, и возвращения из армии, и рождения внука Димы, и первой книжки. Тетя Лиза закурила и сказала над ней своим грудным голосом: «Молодец, Сашок! А я дура, советовала Дусе сделать аборт, избавиться от тебя».

Про отца скажу только одно: он окончил Алексеевское училище, был поручиком Кобринского пехотного полка, участвовал в Брусиловском прорыве, был ранен на Тернопольщине у реки Коропец, получил орден св. Анны и шашку «За храбрость», снова встал в строй и получил страшное ранение — 32 осколка сна-

ряда в предгорьях Карпат. В своей книге «Брусиловский прорыв» (премия «Прохоровское поле») я написал большую главу — «По боевому пути отца» — по самым бандеровским местам Украины, которую я так любил, посвятил ей много стихов и песен, но меня СБУ в январе 2018 года арестовала в Берегово и депортировала — навсегда, наверное...

А. Н.: *Ваш брат Николай является Героем Советского Союза. Погиб под Ленинградом. Расскажите, как складывалась его судьба до войны и во время нее.*

А. Б.: Долго можно рассказывать, хоть я его, понятно, не видел. Но на основе писем, воспоминаний родных и однополчан, собственных раздумий и следопытских разысканий с похоронами останков в Лемболово, у памятника, через 76 лет после огненного пике я написал три книги — «Звезда над озерами», «Сосна у селенья Бобровка» (Родные просторы, 2015 и 2020) и «Сталинские соколы, на взлет!» (Вече, 2025). Мне возлюбленная Коли передала 88 писем, которые есть в книгах, и скажу, что, конечно, он был самым лучшим и самым талантливым из Бобровых — он, судя по слогу, остроте взгляда, русским убеждениям, должен был стать писателем, а еще он прекрасно пел, его брал на стажировку Эйзен, но призвали из института в армию, в школу младших специалистов в Старой Руссе. Потом — Сосновка в осажденном Ленин-

граде и 78-й роковой вылет, огненный таран на вражескую финскую батарею.

Тут я немного о себе скажу и о посмертной судьбе Коли: не знаю, что останется от меня, автора более 50 книг во всех жанрах, кроме беллетристики, и 25 учебников, но то, что я бесспорно и уже бесповоротно совершил, это увековечил подвиг и имя брата. Книги, очерки, стихи, песни, надгробия возле памятника героическому экипажу (пояс Славы, придуманный Михаилом Дудиным), обелиск на месте гибели в лесу, на выжженной поляне падения и счастливой находки отряда «Безымянный», но доказывать, что найдены останки именно ЭТОГО экипажа пришлось восемь лет — успел через финские архивы найти донесения и подбившей зенитной батареи, и атакованной на передовой, чтоб доказать! А еще есть две школы имени Николая Боброва: в поселке Лесном на Карельском перешейке и — о, чудо! — в Москве. Когда людям рассказываешь, они даже не верят, что в Москве из почти тысячи школ (все время сливают-реорганизуют) только 50 носили имя героев — маршалов, генералов, а Маресьева — аж две школы. А вот старшего сержанта — одна! И это моя заслуга, тут и писательство помогло. Значит, не зря им стал.

Предисловие к моей книге о брате написал Альберт Лиханов. Автор замечательных книг для подростков высказал в нем высший комплимент для меня: «Хочу заметить с долей грусти: если бы каждому, кто совершил подвиг во имя Родины, да по такому бы, как Александр, брату! Представьте, сколько бы живых памятников обрела наша память, подчас притухающая до каждой следующей парадной годовщины. И как нужен грядущим поколениям этот несметный бастион — не историй, а неотступающей РОДО-ВЫ! Честь и хвала БРАТУ, чтущему БРАТА!»

После такого признания никакая хула для меня не страшна.

А. Н.: Не хочу уходить от темы семьи. Надо «разобрать» весь род Бобровых. У Вас, на-

сколько я знаю, сложился счастливый брак. А сколько благодаря ему появилось детей, внуков? Расскажите об их жизни.

А. Б.: Тут особо рассказывать нечего. Я рано женился, сын Дима родился, когда я в армии был, а потом уже стало не до детей, увы, надо было жизнь, бытовую и творческую, выстраивать. Зато у сына, многодетного отца, — три девочки и мой младший внук. Вот с ними всегда занимался и занимаюсь. Только что прилетел со Шри-Ланки от средней — Марины, она там работает сейчас, заканчивала регионоведение в университете. Старшая Ольга — психолог, с ней я проехал, незнамо сколько — от любимого Селигера до Балатона и Влтавы. Ну и с младшими вожусь беспрестанно, хожу на их концерты больше, чем они на мои выступления, — Алена танцует, а Федя поет. Сейчас готовится спеть «Песню о тревожной молодости» на стихи моего учителя Ошанина на вечере в Союзе писателей России. Слава Богу, никто по стопам дедушки идти и не собирается. Это теперь неблагодарная и нервная профессия — литература.

А. Н.: Почему Вы решили стать писателем? Читаю Вашу биографию и вижу явные образовательные «несостыковки»: сначала «окончил радиомеханический техникум», а затем «поступил на заочное отделение в Литинститут...»

А. Б.: А чего тут несстыковочного? Жизнь была трудная, мы жили на пенсию отца — мама за погибшего героя ничего не получала, и я поступил в техникум Министерства обороны, где стипендия была в два раза больше той же литинститутской, но когда я его заканчивал (и уже писал стихи, и уже какой-то конкурс в Замоскворечье выиграл), Хрущев ликвидировал дневные отделения в некоторых творческих вузах, а литераторы, дескать, вообще — должны в трудовую жизнь погрузиться. Я поступил на заочное, став самым молодым студентом и семинаристом Льва Ошанина. Но по вечерам москвичам читали лекции выдающиеся профессора. Например, античную

литературу — Тахо-Годи, жена последнего великого философа Лосева, а теорию перевода — Валентина Дынник, которая перевела всего Диккенса. И после работы — ехал, конспектировал, во вторник — творческий семинар (ни одного не пропустил, даже по болезни, даже с похмелья). А сегодняшние студенты дневного, порой живя рядом, в общежитии, прогуливают, у меня слов не хватает для возмущения: потому и вырастают просто неучи! Я учился на пятерки (одну четверку имел от своего будущего соратника и соседа по даче — критика Владимира Гусева — заспорил с ним про природу образа), а Лев Иванович смеялся: «Саня, вот ты отличник, а девятый год учишься» (три года армии плюс восстановленный институт).

А. Н.: *Александр Александрович, коллеги не единожды в своих материалах называли Вас «певцом Замоскворечья». Вы родились в Московской области. Живете в Москве. Наша столица сменяла свой облик каждый век, а в последнее время — каждое десятилетие. Что отличает Москву Ваших детства и юности от Москвы современной, «собянинской» что ли? Как Вы относитесь к этим изменениям?*

А. Б.: Я деятельный певец родного Замоскворечья — написал о нем много, в том числе книгу лирических стихов «Вечер в Замоскворечье» и замечательно изданную «Московским писателем» уникальную книгу «Родина облаков. Замоскворецкие были и встречи». Самое смешное и горькое: нам, москвичам, никто никогда во власти не помогает, у нас как бы нет малой родины, а потому — никакого землячества и спонсорства. Я написал письмо в управу «Замоскворечья», которую возглавляет питерская выпускница пищевого института, даже не ответили.

А место рождения — станция Кучино, где жил Андрей Белый, полуслучайное: отец работал в госпитале для раненых, а в замоскворецкой полуподвальной квартирке жили какие-то посторонние, сжегшие книги отца. У нас было

печное отопление — это в доме напротив Кремля. Вообще, резкие социальные контрасты: я учился в мужской школе в Старомонетном переулке с отпрысками богатых обитателей знаменитого Дома на набережной — курносый сын писателя, трижды лауреата Сталинской премии Вирты, например; потом перешел в соседнюю школу, где учились дети из писательского дома в Лаврушенском переулке, танцевал с внучкой классика Тренева, а потом влюбился в дочку необычайно популярного поэта и сценариста Виктора Гусева — Лену. Первые лирические стихи ей посвящал, хоть она была на два класса постарше. Но никакой ущербности не чувствовал, времена и характеры, даже у юнцов, другие были: я знал, что они баловни, а я сам всего добьюсь!

*Никуда от памяти не деться,
Но судьбу за то благодарю,
Что всегда из подворотни детства
Видел Кремль, врезавшийся в зарю.*

А. Н.: *За последние годы (даже после начала СВО) мы привыкли к тому, что в столице «орудуют» в основном творческие дельцы, космополиты, которые ищут известность и деньги. Вы смотрите на эту ситуацию изнутри, со стороны коренного москвича: сможете опровергнуть мой тезис или нет?*

А. Б.: Тезис Ваш трудно опровергнуть. Когда-то мой великий земляк Александр Островский (с бывшей директрисой его музея Лидией Иосифовной мы учились в одном классе) писал: «В Москву вливается все самое свежее и талантливое, что есть на Руси». Сегодня в Москву такая гниль вливается, что оторопь берет: все решают не таланты, не подлинные заслуги, как прежде, а деньги, блат, какие-то команды своих — тащат кого ни попадя, включая и творческую, литературную среду, даже через ту же Госдуму, по каким-то «партийным спискам» — любовниц, клеветников — получают в Москве квартиру, вторую покупают, тащат других. Москва растет, как раковая опухоль: строят уже за МКАДом,

продают жилье за миллионы, завозят мигрантов, чтобы обслуживать, те тоже покупают квартиры, тащат своих. В моей книге «Родина облаков» — большая доказательная глава: «Не-русская столица». Это уже неостановимый, об-вальный процесс. Зато под режиссера Гергиева зачем-то объединили Большой и Мариинку, чтобы он носился между столицами, а кто-то другой руководил закулисно. Я не пессимист по натуре, но Москва, моя любимая матушка Мос-сква, кончилась. Читал, помню, у памятника Маяковскому стихотворение: «Я разлюбил Мос-кву, она чужая...» И москвичи понимали, хло-пали. А теперь на Маяке и поэтических вечеров нет. Зачем они команде приезжего Собянина?

Москвич Александр Пушкин с горечью на-писал в давние года: «Ныне нет в Москве мне-ния народного; ныне бедствия или слава Оте-чества не отзываются в этом сердце России...» Что бы он сказал сегодня? Разве бедствия и сла-ва сегодня отзываются в этом больном и ожи-ревшем сердце России? Понятно, что коренных москвичей осталось около трех процентов, но ведь и все приезжие, пришлые, прорвавшиеся, особенно на государственной службе, начиная с мэра, обязаны понимать хотя бы, в какой го-род они приехали.

А. Н.: Ваше творчество, начиная от первых опубликованных стихотворений и заканчивая последними, пронизывает тема беззавет-ной любви к Родине: образы старой Москвы и «проселочной России». Не печалит Вас некая отстраненность современного «народа-насе-ления» от народной культуры?

А. Б.: Понимаете: тут какая-то загадка, се-мейная, что ли. Ведь Бобровы — городские люди, но с детства меня окружала любовь к на-родной и подлинной русской песне, к средне-русской природе. Брат пишет отцу: «Летим над Сенежским озером — вспоминаю рыбалки с то-бой». Каждое семейное застолье — песни, гу-сарские, фольклорные, авторские. Батя берет гитару — «Из-за острова на стрежень», мама у

него гитару забирает — звучит Аполлон Григо-рьев — замоскворецкий земляк — «Цыганская венгерка». Она меня и научила первым трем ак-кордам на семиструнке. Отец открыл Селигер, повез еще до школы на двух поездах и пароходе, мама потом из последних денег старалась от-править меня, учащегося техникума, на полю-бившийся Валдай.

А после армии я стал работать в детском туризме — сплошные дороги, открытия, пес-ни у костра. И сына брал, и сам начал писать путевую прозу. В Краснодар, кстати, впервые приехал по туристским делам. А потом, сразу после Литинститута и яркого выступления в ЦДЛ, меня заметили и пригласили на гранди-озные Дни советской литературы на Кубани, а потом — заведовать поэзией в «Литературную Россию». Я и тут стал самым молодым из всех заведующих отделами многочисленных литера-турных изданий. Мне очеркист Юрий Грибов, главный редактор, говорит: «Съезди на Белго-родчину, напиши о поэте-пастухе Владими-ре Михалеве». Написал очерк о Володе, о его тропинках над Ублею-рекой — сразу на доске лучших материалов. И понеслось: командиров-ки, Дни литературы, авторские выступления с гитарой и придуманная мной рубрика «На про-сторах России». Ведь это все и можно назвать народной культурой — постижение Родины, ее пространственных и литературных красот. Фольклор — только малая составная, но и тут я соревновался с учителями — Виктором Бо-ковым и Николаем Старшиновым: три книги вслед за ними издал о русской частушке.

А. Н.: Современная поэзия бывает разной. Вы являетесь составителем различных стихот-ворных антологий (одна из последних посвяще-на военной тематике). Думаю, что современ-ных авторов Вы тоже читаете. По вашему мнению, изменилась «военная поэзия» со вре-мен Великой Отечественной войны?

А. Б.: Чем отличается? По мастерству и по-этической зоркости — ничем. Есть очень силь-

ные стихи. Я ведь составил две антологии: «Ты идешь, Победа» и «Цветы, опаленные огнем. Писатели фронту — от Великой Отечественной до СВО». Но отличается то, что ВОКРУГ поэзии. Понимаете, тогда это было великое и всеобщее государственное дело! Ну вот такая частность: «АиФ» и другие СМИ написали: «Россия всегда оставляет противнику шанс одуматься и прекратить сопротивление. Для этого на позиции сбрасываются листовки с предложением прекратить бессмысленное сопротивление и сдаться. Но тут речь идет о переднем крае и о военных, а вот над городскими кварталами украинских городов листовки еще не сбрасывали. Сегодня впервые был "залистован" — так военные называют сброс на территорию противника — такой крупный город, как Харьков». Но мне было интересно, ЧЕМ пытаются пронять русскоязычный еще недавно Харьков — город слобожанского философа Григория Сковороды, который писал НЕ на украинском, замечательных советских актеров Людмилы Гурченко (памятник убрали) и русского актера из Краматорска Леонида Быкова (мурал закрасили)? Начал искать — не нашел в Сети, попадают только листовки с призывами сдаваться в окруженных городах и «котлах». А ведь это целое искусство! Над советскими листовками трудились лучшие журналисты и поэты, рисовали карикатуры на фашистских лидеров Кукрыниксы. Вот как прославленный уже тогда Константин Симонов откликнулся на приказ Сталина: «Ни шагу назад!» в 1942 году:

Я знаю, ты бежал в бою

И этим шкуру спас свою...

Согласно воспоминаниям современников, на фронте листовки с этим стихотворением в массовом порядке раздавались бойцам сразу после зачитания в частях приказа номер 227 — листовка для своих, так сказать! Вот над чем должны работать администрация президента, Министерство культуры (пусть оно и дамское), а не гадать со скандалом, куда бы еще воткнуть К. Богомолова, какую должность ему еще придумать!

Я не раз писал о том, что учреждения культуры, СМИ и кураторы их на Старой площади разучились работать в мобилизационном режиме на примере сильной песни «Мы вгрызаемся в Мариуполь», которая ушла в войска, но в самодетельном исполнении. Надо было сделать малое: подредактировать неудачные стихи в двух куплетах, сделать блестящую аранжировку, найти раскрученных исполнителей и поставить в программу «Время» после репортажей из Мариуполя — песня бы улетела в народ, еще больше вдохновила воюющих ребят. Но ведь этого нет и в помине: снова пытаются Ларису Долину в эфир воткнуть со старыми песенками после скандала с проданной квартирой. Вот главная забота!

А. Н.: Как отличить искреннюю поэзию от «конъюнктурной»?

А. Б.: Я бы не так сегодня сказал — главная проблема: как отличить подлинную поэзию от фальшивой, откровенной НЕпоэзии, которая навязывается новыми методами? В век информационных технологий, ИИ, пиар-приемов и натаскиваний — графомания мимикрирует, прорывается в Сеть, на сцену, рядится в гляцевую поэзию. Самый наглядный пример — сетевые поэтессы-графоманки, чтицы-блогерши — такие, как Анна Егоян, почему-то попавшая в жюри Всероссийского конкурса песенной поэзии (какую вы ее песню слышали-спели, читатель?) или Мария Меженная, которая в храме Христа Спасителя (!) читала нам, победителям и лауреатам Всероссийского конкурса «Твои защитники, Россия», совершенно беспомощную графоманию под музыку, вестимо: «Бродский, Пушкин, Чайковский, Ван Гог. Эти люди таланты от Бога...» Все — больше не надо: хватит самого перечня и банального посыла... И это навязывается в храме! Профессионалам слова не дали, а она стонала в белом платье.

Или вот еще новое явление — Дмитрий Кравченко, самый богатый, читаемый и покупаемый стихотворец России. «Поэт-чер-

кизон», как критика его зовет. Я о нем от взрослого сына узнал, который далек от литературы, но все-таки взрастал с детства в атмосфере настоящей поэзии и песни: на каких поэтов мы ходили в ЦДЛ! Помню, он был зимой потрясен простыми стихами Николая Старшинова и уже летом, когда мы плелись по жаре с рюкзаками от истока Волги, мы с ним разом вспомнили:

*Ну как же мне сдаваться неохота,
Но вот и наступает мой черед,
Но я твержу: не унывай, пехота,
Перемотай обмотки и — вперед!*

Какие поэты у меня дома бывали за столом, читали, пили и пели! — от Коли Дмитриева до Вали Устинова. Он же слышал НАСТОЯЩЕЕ!

И вдруг вот вопрос из новых времен: «Папа, почему такая популярность у этого Кравченко?» Ну, если прямо, взрослый сын и достойные читатели: общая деградация плюс социальные сети. Да, есть некое подобие поэзии — достаточно примитивные, порой складные вирши, есть артистический и телевизионный опыт, есть поставленный голос и подкупающая наглость. Как сам Кравченко пишет на афишах: «Вас обманывали. Поэзия не про «ах, как красиво», а про правду, от которой сводит челюсти. 28 января я привезу в Кемерово то, что вырежет вам душу. Без предупреждения».

Вот такой типично приклатенный самопиар. А он не обманывает?

Вот начальное стихотворение книги и выступления:

*Бога не видно, но я его вижу:
В зрелости яблок, в спелости вишен,
В ливне и стуже и в красках заката.
Бога не видно — он где-то за кадром:
В детской улыбке и в маминых фразах,
И, рассыпаясь любовью по вазам,
Бог говорит с нашим миром цветами.*

Это даже не кощунство (Бог, «рассыпанный по вазам»), а пошлость, коврик с лебедями на тамбовском базаре.

Покритиковал, а он начал хамить в моей ленте: «Не завидуйте, а лучше извинитесь». Бросились какие-то фанатки-заступницы меня обличать, а сам Кравченко сделал вывод: «Жаль, что вы не разбираетесь в поэзии и в современном юморе тоже». Он написал это в ленте автора учебника по поэзии «Наряд для Венеры Милосской» и основателя фестиваля «Русский смех» в Кстове, а также автора трех книг пародий и иронических стихов, которые вышли тиражом 150 000 экземпляров. Но это ведь и про нравы говорит: разве мы в свое время посмели бы ТАК написать или сказать старшему коллеге? Помню, мне принес в ЛР стихи Василий Казин, которому было больше 90 лет. Слабые, конечно, но что мне, молодому и задорному, ерничать публично? Отобрал два приемлемых и говорю ответсекретарю Науму Лейкину: «Надо бы поставить старика». И опытный журналист-еврей понял: «Конечно, Саша, он же с самим Есениным дружил!» Вот это литературные нравы, а сегодня — Привоз...

А. Н.: *Долгие века творческая жизнь России ассоциировалась с народными песнями, отражающими ее судьбу, судьбы людей. Сейчас же мы видим, что массовая музыка, популярная среди простых людей, часто далека от этих тем. Получается, что народная песня сегодня — это не про количество прослушиваний и «мейнстрим», а про что-то другое? Или народных песен больше не будет?*

А. Б.: Это вечный и больной вопрос, особенно для меня, который и любит песню, хоть народную, хоть авторскую, так называемую поэтическую, и много думает о проблемах жанра, о самом бытовании песни, тем более что я десять лет отдал телевидению и радио, где вел программы о поэзии и песне. Во вступлении книги «Творцы любимых песен» — о мастерах массовой советской песни — написал: «В зрелые годы перешел работать на телевидение. Вел прямой эфир телекомпании «Московия» и стал автором немыслимой сегодня программы

о песне и поэзии — «Русские струны», а потом в телекомпании «Мир» вел культурологическую программу «Крона и корни», где представлял национальное многоцветье стран СНГ, включая песенное. На заочной летучке тогдашний генеральный директор огласил, помню, главные претензии к ведущему Александру Боброву. Их было всего две: он слишком много читает стихов и сам — слишком... русский. Это стало последней каплей, тем более что усталость от телевидения — этой специфической, циничной и сволочной сферы — накопилась. Понятно, что и на радио я выступал все эти годы как поэт и бард. Даже ежедневную программу «Листая летопись времен» я каждое утро умудрялся закончить хорошей содержательной песней. Ну и своим соавторам порой заказывал песни для тематических программ. Но потом сменился главный редактор, который заявил всему творческому костяку радиокomпании, что гордится своей песенной коллекцией: у него 300 разных записей песни... «Мурка». Что мне было делать под руководством такого главного? Это ведь тоже явный признак профессиональной деградации!

Один вопрос у меня всплывает: все? «Песня вся, песня вся — песня кончи-ла-ся?»... Будем слушать попсу на примитивные слова самого Шамана или набор слов композитора Фадеева с использованием ИИ? Или все-таки надеяться на проблески возрождения русской песни в объявленную «эпоху Водолея», который считается знаком России?

А. Н.: *Связаны ли недавние перестановки в Союзе писателей России с преодолением национального упадка патриотической мысли?*

А. Б.: Мысль патриотическая не определяется организационными усилиями и пертурбациями. Но, конечно, Верховный Главнокомандующий, наверное, как-то сумел, пусть и бегло, вникнуть в ситуацию раздробленности, раздрганности, просто анекдотичности существования нескольких союзов писателей в воюющей

стране: чем они отличаются, кто-то из них против России, ее духовных заветов, ее великой литературы? На словах — все за. Так чего?

А. Н.: *С момента назначения Владимира Мединского прошло уже достаточное время, чтобы подвести промежуточные итоги деятельности СП. Какие нововведения Вы могли бы отметить?*

А. Б.: Это долгий и отдельный трудный разговор, который я все-таки стараюсь вести в доступных СМИ и соцсетях. В частности, написал и про очередной-внеочередной 18-й съезд: «ОТСВЕТ КРАСНОГО ЗНАМЕНИ. Съездовские заметки в сумрачный день». Основная моя претензия: совсем не используется советский опыт работы творческого союза как серьезной организации, своеобразного министерства литературы. Сам Владимир Мединский — совместитель, литературные СМИ — не «появились» (два информационных сайта — пародия на литературные органы), Бюро пропаганды не воссоздано, как и творческие командировки для всех плодотворно работающих, а не плодящихся чиновников и челяди. Мой общий печатный вывод: возвращаемые здания, помещения (тот же ЦДЛ), активы (издательство «Художественная литература»), какие-то финансовые средства не заработали на благо ВСЕХ писателей!

А. Н.: *Александр Александрович, среди литературного сообщества у Вас значительное число читателей в соцсетях. Как Вы пришли к решению начать писать на разных платформах? Ведете все блоги сами?*

А. Б.: Я поздно начал вести свои блоги, упустил возможности (сейчас — много ограничений) — мне прежде хватало традиционных платформ, не успевал с преподаванием в двух вузах, между дорогами и работой над книгами откликаться на все предложения публиковаться. Но когда меня вывели из редколлегии «Советской России» (за критику вялой КПРФ, наверное), когда на почве скандала с Навальным*, к которому я «был из-

лишне суров», меня, давнего автора, перестала печатать «Литературка» (а еще недавно Поляков статьи заказывал, а Замшев публично в пример ставил — как надо писать), когда всю власть в «Нашем современнике» взяла невестка моего давнего друга Станислава Куняева, я понял, что трибуны мои рушатся, а честное слово отключают, как микрофон. И начал больше публиковаться в соцсетях, хотя там свои ограничения, порой произвол, да и пользователи — это не прежние читатели. Но мои ленты во «ВКонтакте» и в Дзене «Записки москвитянина» стремительно набирали подписки. Теперь все замедлилось. Может, это искусственно, а может, реальный потолок: не многие хотят читать оригинальные посты с раздумьями, необычными впечатлениями, авторской позицией. Например, когда я в трех частях рассказал о трудной и захватывающей дороге по Калевальскому району вслед за любимым писателем Юрием Казаковым — «Следы на валунах», было три отклика, а когда написал про рекламу, где достал Дмитрий Маликов — «звезда», не написавшая НИ ОДНОЙ песни, — было 3000. Так для кого и о чем писать?

А. Н.: *Что Вы можете сказать об авторах из Краснодарского края? Все-таки среди них есть и те, кто «закрепился» в Москве. Прежде всего назову Юрия Селезнева и Юрия Кузнецова (знаю, что второму Вы даже посвящали стихи).*

А. Б.: Да, я очень высоко ценю этих авторов, о чем говорил и на конференции, посвященной Селезневу в Кубанском университете, и не раз писал. А Юрий Кузнецов, у которого я, к слову, выиграл выборы на должность председателя творческого объединения Москвы и области (1113 поэтов не захотели избирать самоцентричного Кузнецова на общественную должность, а меня знали как яркого пропагандиста поэзии, живущих авторов), по-прежнему недооцененный поэт, который подспудно оказал огромное влияние на поэзию последней трети XX века, но ее упорно загоняют в «русло Бродского».

А. Н.: *Представим ситуацию, в которой Вы, возможно, могли оказаться: условный автор пишет статью/рецензию/заметку на тему патриотизма/народной культуры/истинной русской литературы, мыслит о светлом. Материал выходит. А читателю такой текст неинтересен — опубликуй ты его хоть в главных газетах, покажи на федеральном телеканале. Так ведь происходит не только с начинающими авторами, но и с самыми известными. Как быть? Скорее: как найти силы, чтобы окончательно не отчаяться?*

А. Б.: Ситуация эта типичная. Вся информационно-культурная политика заточена сегодня против истинно русской литературы, светлого начала, подлинного патриотизма. Почему так? Ей-богу загадка. Ну, раньше говорили: агенты влияния, «пятая колонна», сионисты, космополиты-западники (образно говоря — М. Гельман** с красными человечками в Перми и куполами-клизмами в Краснодаре). А теперь-то вроде все русофилы, патриоты, все «заединщики», а на деле — бац! — третья высокая должность одному разрушителю и извращенцу Богомолу. Скандал вокруг назначения Константина Богомолова на пост ректора Школы-студии МХАТ набирает обороты и свидетельствует о глубочайших провалах в культурной политике России, а еще о таких закулисных играх, которые не имеют отношения к кадровым назначениям. Это демонстрация: все разговоры о воспитании патриотизма, указ президента о сбережении традиционных ценностей — все это фикция и ширма. А реальность вот — жрите! Это и впечатляющий сигнал, и погребальный звон.

Смеялся над комментариями: «Почему молчит Михалков?» Потому что это одна команда. Он и самого непопулярного министра Любимову протасил. Легко обличать украинцев и самых глупых иноагентов в «Бесогоне», а тут кого? Своих же? С письмом к министру культуры Ольге Любимовой, которую я отрицательно знаю с телевизионных времен (она способствовала закрытию программы «Русский дом»), обратилась

группа известных выпускников театрального института. Они также просили назначить на пост ректора представителя мхатовской школы. Но, говорят, это даже не она, а тут сама АП, то есть президент за традиционные ценности, а его администрация против? Руки опускаются!

А. Н.: *В статье «"Словом" горю не поможешь» Вы резко-негативно и убедительно отреагировали на короткий список в номинации «Поэзия» премии «Слово» 2025 года. Не становится ли данная премия аналогом «Большой книги», поддерживая таких либеральных авторов, как Игорь Волгин?*

А. Б.: Да тут даже не в либерале или традиционалисте Волгине дело, а в оскудении самой поэзии и шаге назад: возвеличивание этого раннего шестидесятничества зачеркивает все полувек-овые достижения русской поэзии — от Рубцова до Кузнецова, образно говоря. Лично я в театр на малой Бронной не попал, несмотря на то, что был внесен в списки СПР, отстояв очередь и обострив простуду: у меня не было паспорта, хотя, конечно, имелся и именной билет с куар-кодом, и писательский билет. Безумные времена — впервые такое! Я вначале подумал, что паспорт требуют для подтверждения совершеннолетия — мало ли, что в театре Богомолова покажут, кто выйдет без штанов на сцену. Но нет — это такие непонятные строгости в городе, где спокойно украинский киллер стреляет в генерала разведки.

Оказывается, в театр прибыл сам заместитель главы Совета безопасности РФ и отвязный блогер Дмитрий Медведев. Он вручал Гран-при (русское слово не могли придумать?) и 3 миллиона рублей за «заслуги перед литературой». При всех его наградах и регалиях еще одну получил... Никита Михалков (премию вручил Дмитрий Медведев). Интересно, что бы сказал среди своих его ироничный отец Сергей Михалков, слегка заикаясь? А зампред Совбеза с типичной иронией отметил, что это признание вызовет вой среди недоброжелателей режиссера, неуклюже пошутил, что «перепуганные бесы сейчас громко воют на Гримпенской трясине»,

то есть сделал отсылку к экранизации «Собаки Баскервиль», в которой снимался Михалков. Не знаю, что там на английской трясине, но на родных литературных болотах точно раздался всхлип: «Господи, за что?»

А. Н.: *В отличие от многих поэтов и критиков, Вы долгое время преподаете журналистские дисциплины в разных вузах Москвы. Влияет ли Ваша деятельность на творчество? Чем отличаются современные студенты от студентов предыдущих десятилетий?*

А. Б.: Преподавание, конечно, влияет. Я, хоть и давний журналист, обостренно откликающийся на все публицист, все-таки не относился бы так профессионально и внимательно к информационному пространству, не вел бы, мучаясь порой, летописи деградирующих СМИ. Мне дамы пишут в ленте: «Господи, да не реагируйте вы на эту муть...», а мужики: «Вы еще смотрите эту гадость? А я телевизор выкинул на помойку». Я выкинуть не могу, у меня завтра по расписанию «Теория и практика телевидения и радио».

А чем отличаются современные студенты? Ну про прогулы и странное отношение даже к творческим предметам я уже сказал. А вот характерный эпизод — главное нравственное отличие. Помню, 9 Мая я встречал в Венгрии (воспользовался короткими весенними каникулами). И как-то в городке Хайдусобосло ничего не напоминало о празднике, как говорится, выпить было не с кем красного вина за нашу Победу. Но по электронке мне приходили в преддверии зачета работы моих студентов, девушек в основном. Так вот, в почтовых отправлениях от 9 Мая, день в день, НИ ОДНА не поздравила меня, старого солдата и младшего брата героя, с Днем Победы! Получатся из них журналисты? Дома об этом рассказал, а средняя внучка Марина, старшеклассница тогда, неуклюже заступилась за студентов: мол, ты же не воевал. Значит, и ей мы, старшие, не внушили, что это Всенародный праздник — раз! А во-вторых, она-то знает, видела на лацкане при захоронении останков героического экипажа, что у меня две медали Минобороны — «За боевое

содружество» (освещение Чеченской кампании) и за «Возвращение Крыма». Я воевал — словом и объективом телекамеры.

А. Н.: *Многие считают, что после шестидесяти лет наступает время отдыха и покоя. Но Вы ведете активную творческую жизнь. Что Вас мотивирует?*

А. Б.: Как что? Все вышесказанное, начиная от семейного воспитания, памяти о брате до любви к русской литературе. К России, выпренне выражаясь...

А. Н.: *Вы заядлый путешественник. Как житель Кубани не могу не спросить: есть ли у Вас любимые места?*

А. Б.: Я их частично назвал: Валдай, Карелия, вообще Русский Север. Думаю, что это зов скандинавской, нордической крови. К дню рождения друга сына решил сделать мне подарок: послал и оплатил мазок в самую большую лабораторию-хранилище ДНК в США. По их ответу: «Вы унаследовали свою аутосомную ДНК от обоих ваших родителей, всех четырех бабушек и восьми...» у меня 13 процентов — скандинавско-балтийской крови, 1 процент — этрусской, остальное — восточнославянская. Мой прадед Теодор Борм воевал в Страсбургском полку Наполеона, куда набирали вояк со всей Европы, был взят в плен при Бородино и сослан в Пензу, где женился на прабабушке Елене. Эта составляющая сильна — внука проверили: 11 процентов этой ДНК! Поэтому я смеюсь над потугами свидомых, которые называют нас, русских, татарами и мордвой. Я европеец больше, чем наследники сарматов, крымчаков и евреев. Посмотрите на большинство в украинской верхушке — это славяне?

А. Н.: *Судя по активности Александра Александровича Боброва, читателю стоит ожидать от него новых произведений, не так ли? Какие творческие планы у Вас на ближайшее будущее?*

А. Б.: Сейчас заканчиваю упомянутую книгу для серии ЖЗЛ в «Молодой гвардии» — «Творцы любимых песен», надеюсь, она успеет выйти к песенным праздникам накануне 9 Мая. И буду заканчивать не столь лирический учебник — «Создание медиатекста». По всем предметам, что я читаю, у меня есть изданный учебник, пособие, конспект лекций — принцип такой. Но вообще-то главный принцип преподавания — нестареющие слова гения Михайло Ломоносова: «Не сумма знаний, а правильный образ мышления и нравственное воспитание — вот цель обучения».

А в заключение, без вопроса, процитирую упоминавшегося философа Алексея Лосева. После освобождения из заключения среди полного разорения и смерти близких православный философ написал: «То, что рождает человека, и то, что поглощает его после его смерти, есть единственная опора и смысл его существования. Было время, когда этого человека не было; и будет время, когда его не станет. Он промелькнул в жизни, и часто даже слишком незаметно. В чем же смысл его жизни и смерти? Только в том общем, в чем он был каким-то переходным пунктом. Если бессмысленно и это общее, бессмысленна и вся жизнь человека. И если осмысленно оно, это общее, осмысленна и жизнь человека. Но общее не может не быть для нас осмысленно. Оно наша Родина». ■

12.02.2026

* Алексей Навальный Минюстом РФ был признан иноагентом, включен в список террористов и экстремистов.

** Марат Гельман Минюстом РФ был признан иноагентом, включен в список террористов и экстремистов.

НА ПЕРЕКРЁСТКАХ ИСТОРИИ

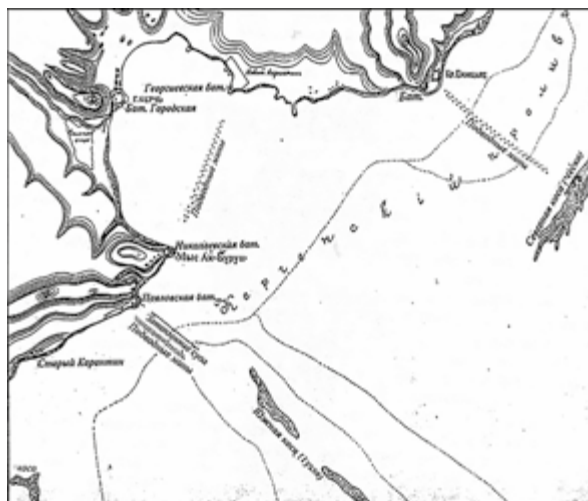

Архив Юрия Артюхина

ЮРИЙ АРТЮХИН

Кандидат географических наук, автор шести монографий и свыше 120 научных статей. Преподавал в Ростовском государственном университете. Опубликовал работы, посвященные истории города Ейска и Ейского Приазовья, истории юга России. Публиковался в «Родной Кубани». Живёт в Ростове-на-Дону.

Командование русской армии в Крыму в условиях надвигающейся войны понимало, что англо-французские войска попытаются лишить Севастопольский гарнизон и войска центральной части Крыма боеприпасов и продовольствия. Перед войной припасы поставляли через Азовское море и Арабатскую стрелку. В первую очередь предпринимались попытки заминировать южную часть Керченского пролива по линии мыс Павловский — коса Тузла и между крепостью Еникале и косой Чушка. Для этих целей использовались мины конструкции академика Якоби (рис. 1).

Архив Юрия Артюхина

Рис. 1. Пространственное положение батарей, искусственных подводных барьеров и постановок донных мин для предотвращения прорыва англо-французских кораблей в Керчь и Азовское море (Дубровин, 1878).

Реализация запланированных мер осуществлялась с большим трудом из-за нехватки финансовых средств, материалов, орудий и малой численности войск в восточной части Керченского полуострова. Хотя большая часть береговых батарей и была установлена на отмеченных позициях, но генерал-адъютант М. Г. Хомутов (наказной атаман Войска Донского) и командующий войсками Керченского полуострова генерал барон К. К. Врангель исходили из того, что сил для защиты батарей с тыла и флангов

КРЫМСКАЯ ВОЙНА. БОИ РУССКИХ КРЕПОСТЕЙ И КОРАБЛЕЙ С АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИМИ АГРЕССОРАМИ В НАЧАЛЕ 1855 г.

нет. На всем пространстве побережья, от Феодосии до Керчи, в распоряжении Керченского региона находилось не более 8,2 тысячи дееспособных пехотинцев, кавалеристов, включая казаков, и 189 офицеров (Дубровин Н. Ф. Восточная война 1853–1856 годов. СПб. 1878. С. 451). При этом штат артиллерии насчитывал всего 375 солдат и 12 офицеров.

Знакомясь с материалами, опубликованными русским историком Н. Ф. Дубровиным, невольно приходишь к мысли, что проблемой недопуска неприятеля в Азовское море больше всего был озабочен атаман Донского казачьего войска М. Г. Хомутов. Несмотря на неоднократные обращения к военному министру о необходимости усиления войск в Керчи, они были проигнорированы. Правительственные службы больше всего заботило обеспечение безопасности Петербурга, Кронштадта и других крепостей в Балтийском море. Но атаман продолжал слать отчаянные письма, в частности генерал-адъютанту Безаку (начальнику штаба, инспектору артиллерии): «...дело идет о защите Азовского моря, отвод коего зависит продовольствие войск наших в Крыму: и острый русский штык без сухарей будет туп...» (Дубровин Н. Ф., 1878, с. 441). Хомутов в письме генерал-адъютанту Катенину взывал: «...Я несколько раз... писал о бедственном моем положении по защите вверенного мне края, но из полученных ответов вижу, что должен ограничиться имеющимися у меня средствами».

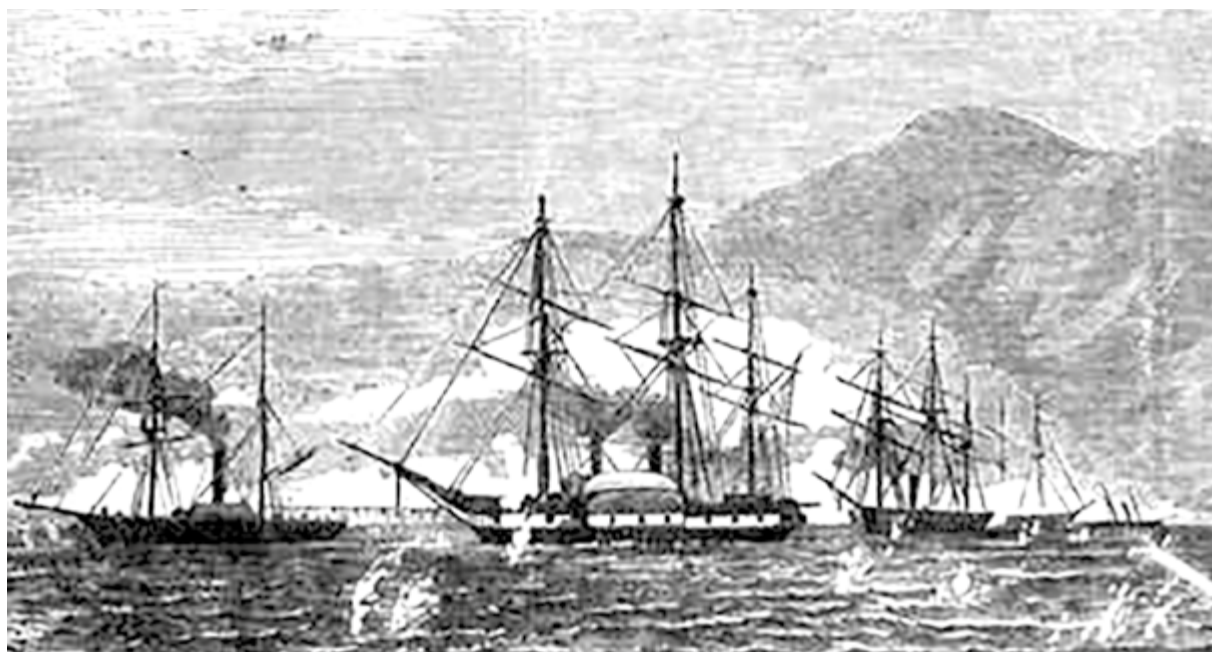
28 февраля 1855 г. вице-адмирал Серебряков поставил в известность Донского атамана Хомутова о том, что неприятельские пароходы истребили артиллерийским огнем пост на Бугазской переправе и Джеметейское укрепление, центральная башня которого была разрушена артобстрелом с неприятельских пароходов еще 31 октября 1854 г. Днем и ночью неприятель осматривал берега между Анапой и Бугазом, видимо, намереваясь высаживать десант (ГАКК. Ф. 260. оп. 1. д. 2637, л. 699–700; д. 2125 а, л. 27–28) (рис. 10.3). Серебряков 1 марта того же года донес о прибытии неприятельской эскадры к укреплению Новороссийска и о бомбардировке города.

26 февраля (10 марта) 1855 г. в 8 часов утра в Цемесскую бухту с моря, по выражению коменданта крепости полковника Масловича, «стремительно вошел французский двухмачтовый колесный пароход (авизо «Фультон»)». Сначала с русских батарей были даны два сигнальных холостых выстрела, чтобы остановить корабль. Но он, невзирая на сигнал, почти вплотную приблизился к берегу. Тогда по нему с главной приморской батареи был открыт огонь на поражение. Получив несколько попаданий, пароход спешно ретировался из бухты (Покровский М. Военные действия у Новороссийска и на Таманском полуострове во время Крымской войны 1853–1855 гг. // Кубань, 1949, № 7, с. 151). Это была разведывательная акция, которая по плану английского командования должна была завершиться высадкой десанта.

28 февраля (12 марта) вражеская эскадра из пяти кораблей (английские «Леопард», «Хайфлайер», канонерки «Своллоу» и «Вайпер», французский aviso «Фультон») вошла в Цемесскую бухту (рис. 2). Построившись в боевую линию на удалении в 1,5 тысячи саженей (3,2 км) от приморской батареи Новороссийска, они открыли оружейный огонь по городу. Русские орудия пока не отвечали, поскольку они могли стрелять на удаление не более 2,1 км. Фактически английские морские орудия стали беспрепятственно уничтожать городские строения. Утром 1 (13) марта командиры кораблей, полагая русскую батарею уничтоженной, подошли к берегу на картечный выстрел. В этот момент долго молчавшие десять устаревших орудий крепости открыли огонь по неприятельским кораблям. Вражеские корабли, получив повреждения, вынуждены были отойти. Бомбардировка крепости продолжалась и ночью, хотя на некоторых кораблях эскадры «слышался стук топоров и горели огни [скорее всего, производились срочные ремонтные работы]». М. Покровский, основываясь на архивах управлений Черноморской береговой линии и Войскового дежурства Черноморского казачьего войска,

утверждал: «Понеся большие потери в личном составе команд и получив серьезные повреждения кораблей, командование эскадры попыталось привлечь на штурм Новороссийска горцев», не зная об изменении их настроений. Для переговоров англичане неоднократно посылали [к противоположному берегу бухты] шлюпки с парламентариями [к горцам]. Нужного результата [от них англичане] они так и не добились». Поэтому 3 марта, «окончив исправление своих сильно пострадавших кораблей, эскадра вышла в море, причем один из паровых фрегатов, у которого русские снаряды разрушили машинное отделение, потерял способность двигаться и был взят на буксир» (Покровский, с. 153).

Фактическое поражение английской эскадры под Новороссийском явилось неожиданностью для командования интервенционистской армии, полагавшей, что «одной паровой батарее будет достаточно для завладения Новороссийском». Генерал Дебу доносил вице-адмиралу Серебрякову: «Неприятель... не мог заставить замолчать своими 67-ю орудиями огромных калибров наши 18-ти и 12-фунтовые пушки и три мортиры против него державшиеся...»

Архив Юрия Артюхина

Рис. 2. Обстрел Новороссийского укрепления неприятельскими кораблями. Две английские канонерки располагаются в правой удаленной части неприятельского порядка.

Как писалось в английских газетах, прорыв эскадры канонерок в Азовское море произошел без серьезного сопротивления. Между тем штурман шхуны «Аргонавт» подпоручик Витвицкий опубликовал свои воспоминания о бое с английской паровой лодкой «Snake» (змея), имевшей большое превосходство и в мощности машины, и в артиллерийском вооружении. «Аргонавт» был вооружен двумя 18-фунтовыми карронадами и на баке две 3-фунтовые пушки, а «Snake» двумя ланкастерскими пушками и четырьмя орудиями калибра 24 фунта.

Шхуна «Аргонавт» прибыла в Керчь, вероятно, 11 мая и ошвартовалась у городского пирса. «За несколько минут до 8 часов [утра 12 мая] показалась на горизонте, по направлению Керченского пролива, какая-то темная масса... Через час... мы ясно увидели мачты и трубы многочисленного неприятельского флота, шедшего по направлению к Керченскому проливу. В это же время на пароходе "Молодец", на коем имел свой флаг отрядный начальник контр-адмирал Вульф, подали сигналы: "Пароходам развести пары и всему отряду приготовиться к бою" (Витвицкий. Воспоминание о шхуне «Аргонавт» // Морской сборник. 1857. Т. XXVIII. № 3. С. 22-25). Командир «Аргонавта» получил распоряжение идти к Керчь-Еникальскому карантину. По прибытии на шхуну начали грузить документацию штаба Черноморской береговой линии, керченских присутственных мест и их чиновников. Около полудня со стороны Павловского мыса моряки услышали сильную канонаду, открытую с неприятельских кораблей по Павловской и Ак-Бурунской батареям. По сведениям Витвицкого, батареи стреляли по неприятельским пароходам около получаса, но потом командиры приказали взорвать орудия и пороховые погреба, поскольку в километре от них неприятелем был высажен десант. В этих обстоятельствах шхуна вынуждена была идти как можно скорее на присоединение к отряду контр-адмирала Вульфа, уже находившегося неподалеку от мыса Фонарь. Судя по официальному извещению генерал-адъютанта князя Горчакова, на борту «Аргонавта» находился начальник штаба Черноморской береговой линии генерал Дебу (Северная пчела (СП), № 112 от 25.05. 1855, с. 579).

«Едва успели отойти с небольшим полмили, как показалась от мыса Ак-Бурун английская паровая лодка "Snake", которая, уже миновав линию затопленных судов [заграждение, устроенное между островом Тузла и мысом

Ак-Бурун], шла полным ходом на пересечение нашего курса; за нею пять других пароходов, находившихся еще по ту сторону упомянутой преграды, с осторожностью отыскивали проход на фарватер» (Витвицкий. Воспоминание..., с. 27). В этом месте текста Витвицкий поместил примечание: «Должно полагать, что оставшие пять неприятельских пароходов, попав на подводные фугасы, взрывы коих были видны нам, оставались некоторое время в нерешимости идти вперед».

Через некоторое время «Snake», выйдя в центр Керченской бухты, развернувшись «левым бортом к нам, открыла огонь залпами из всех орудий этого борта. Некоторые ядра далеко не достигали до шхуны; другие же со свистом пронеслись между мачтами, не причинив нам никакого вреда. Отвечать из наших орудий с такой дальней дистанции значило бы даром тратить порох и снаряды... Мысль, что «Snake», пользуясь своим преимуществом, может не подпустить нас на более близкую дистанцию, делала эти минуты бездействия невыразимо тяжелыми. После нескольких залпов "Snake" взяла прежний курс, по коему легко было угадать, что ее цель — отрезать нас от Еникале. Нет сомнения, что, имея преимущество в ходу перед шхуной [которая буксировала шаланды с документами], неприятельская лодка и успела бы в этом, если бы на ней действовали иначе. Лодка "Snake", не имея на баке погонных орудий, непрерывно останавливала машину и приводила к нам бортом, чтобы бить нас залпами, и этим-то замедлявшим ее ход действием давала нам возможность сравняться с ней в ходе.

Около 3¼ часа пополудни, сблизившись с неприятельскою лодкой на расстояние около 600 саженей (примерно 1200 м), открыли мы огонь из наших двух пушко-карронад... когда я увидел, что первым залпом сбили бушприт... то от восторга вскрикнул: славное начало!.. В это время командир шхуны [капитан-лейтенант Серебряков 2-й], опасаясь быть отрезанным, приказал для ускорения хода "обрубить бакштов шаланды"...

Расстояние между шхуной и лодкой «Snake», которая не переставала палить в нас залпами, быстро уменьшалось. Этому сближению мы сами способствовали, потому что во избежание Еникальской отмели [позже ее именовали Херсонской банкой], вынуждены были спуститься на несколько румбов вправо. Через это мы так сблизились с неприятельскою лодкой, что могли уже открыть огонь из

баковых орудий и с уверенностью ими действовать...

Около 4½ часа с Еникольских батарей и приблизившегося парохода "Боец" [самого надежного во флотилии Отдельного Кавказского корпуса винтовой буксирный пароход, вооруженный семью орудиями, в т. ч. 68-фунтовой бомбической пушкой и двумя 68-фунтовыми обычными пушками] открыли огонь по преследующей нас лодке "Snake", на помощь коей уже подошли пять пароходов французских и английских. С этого времени сражение приняло больший размер, и неприятельский огонь сосредоточился наиболее на береговых батареях и на пароходе «Боец»; мы же, миновав Еникольскую отмель, продолжали действовать из орудий до тех пор, пока не подошли к пароходу «Молодец» (Там же, с. 30-31).

События в Керченском проливе разбирал ростовский исследователь В. М. Дубровин на основе анализа европейских публикаций XIX в. По его данным, на перехват «Аргонавта» и других русских пароходов французское командование направило винтовой четырехпушечный шлюп «Мегера», паровой колесный авизо «Фултон», а английский контр-адмирал Э. Лайонс — канонерки «Рекрут» и «Везер» (Дубровин В. Керченские ключи Ростова-на-Дону // *Militari Крым*, № 17. 2010. С. 6—8). Однако эти данные несколько отличаются от сведений, опубликованных в июне 1855 г. французской газетой «Patrie». Репортер, участвовавший в этом походе, писал: «Мы остановились, чтобы окончить все приготовления и около 8 часов утра направились к берегу [у корня Камыш-Бурунской косы]. Французская эскадра, построенная в два ряда, составляла правый фланг, английская, имея во главе пароход "Фултон", левый. В 10 часов мы бросили якорь на расстоянии трех миль от места, назначенного для высадки. В 11 часов было назначено каждому кораблю его якорное место, и вскоре увидели мы, что "Фултон" и английские канонерские лодки находятся уже в маленькой Камышовой бухте [репортер, видимо, так назвал небольшую бухту у оконечности Камыш-Бурунской косы, заросшую камышом] и направляются к бывшему [старому] Карантину» (СП, № 123 от 7.06.1855, с. 641).

«Рекрут» и «Везер» решили обойти Херсонскую банку и, прижимаясь к западному берегу косы Чушка, выйти на перехват русских пароходов. В этот момент канонерка "Снейк" получила удар двумя крупнокалиберными ядрами в борт. Трюм канонерки стал заливаться водой. Вдобавок

третье ядро повредило паровую машину. Судно потеряло ход» (Дубровин, 2010, с. 5). Командиры канонерок не знали, что ближе к оконечности косы Чушка русские установили береговую батарею из семи орудий. Они были замаскированы и не видны с моря (позже батарея на картах именовалась «Крупинина»). Как только канонерки приблизились, орудия открыли по ним беглый огонь. Корпуса канонерок были изготовлены из тонкого листового железа, дабы не увеличивать осадку, поэтому их командиры предпочли не испытывать судьбу и повернули на обратный курс.

По показаниям русских пленных, захваченных английскими канонерками на купеческих судах, стоявших в Керченском проливе, в корпусе «Snake» зияло до десятка пробоин, полученных как от парохода «Боец» и шхуны «Аргонавт», так и от Еникольской и Чушкинской батарей.

В. М. Дубровин в подтверждение именно такого развития событий привел воспоминания французского историка барона Базанкура, наблюдавшего бой в Керченском проливе с борта линкора «Монтебелло»: «До захода солнца борьба продолжалась, с обеих сторон горячая и упрямая». Осечка замысла с «Рекрутом» и «Везером», расправа русских пароходов со «Снейком» на виду у всей эскадры достаточно впечатлили остальных. «Дуэль двух контр-адмиралов сэр Лайонс безусловно проиграл, а Мак-Киллоп, командир «Снейка», награда не дождался и от должности командира канонерки был отрешен» (Дубровин. Там же. С. 8).

Через час после выхода «Аргонавта» из Керченской бухты, пароходы «Молодец», «Боец» и «Колхида» взяли курс на Бердянск (СП, № 112, от 25.05.1855, с. 579). Пароход «Бердянск», имея малый ход, не мог уйти от неприятеля, перерезавшего ему выход в пролив. Поэтому капитан-лейтенант Свешников намеренно посадил пароход на мель и сжег судно с казенными суммами и имуществом. По этой же причине был сожжен пароход «Донец». Из-за неисправности машины вынуждены были поджечь и пароход «Могучий». Между тем шесть (у других авторов три) казачьих баркасов, присланных из Ростова для обеспечения защиты преграды через Керченский пролив, не тратили время на согласование с начальством и на парусах и веслах дошли до Геническа, укрыв лодки в северной части Сиваша. (Дубровин Н. Ф. Восточная война 1853—1856 годов. СПб. 1878. С. 459—460).

Из материалов Н. Ф. Дубровина следует, что гибель пароходов «Донец» и «Бердянск» лежит на совести керчьеникальского градоначальника полковника Антоновича. Он начал эвакуацию казенного имущества и архивов в последний момент. Судя по всему, градоначальника больше волновала эвакуация собственного скарба. К этому предположению подводят материалы, опубликованные в газете «Северная пчела»: «Один из английских крейсеров [скорее шлюпов] в конце мая 1855 г. захватил русское судно, на котором находилась карета керченского градоначальника. Командир английского корабля отправил градоначальнику письмо, в котором в вежливых выражениях объяснил, что готов возвратить карету. Это предложение было принято, и бот крейсера с каретой вошел в Керченскую бухту, производя промеры на своем пути. Так англичане установили, что можно довольно близко подходить к берегу. Газета констатировала «... карета губернатора проложила «колею» для английского флота» (СП № 131 от 16.06.1855, с. 681).

13 мая 1855 г. в 11 часов на рейд Бердянска Н. П. Вульф привел пароходы «Молодец», «Боец», «Колхида» и шхуну «Аргонавт». По его приказу корабли подожгли, а затем спешно затопили (РГВИА Ф. 846, оп. 16, д. 5737. Л. 280–281). Как свидетельствуют документы, азовские казаки, подходя на баркасах к затопленным судам, «брали вещи» с кораблей. За несколько недель они вывезли в Петровскую крепость до 200 пудов меди и железа и завладели некоторыми судовыми принадлежностями, а англичане умудрились поднять со дна 68 фунтовую бомбическую пушку. Наконец, вместо того чтобы топить русские пароходы, можно было попытаться их использовать в качестве брандеров для уничтожения в темное время суток хотя бы каких-то кораблей интервентов. Да и топить пушки и боеприпасы было преступно, поскольку в полутора-двух десятках километров на северо-восток располагалась Петровская станица с небольшой крепостицей, защищаемая казаками Азовского казачьего войска. Казаки не отказались бы от усиления обороны морскими пушками с достаточным количеством боеприпасов.

Согласно устоявшимся в исторической науке представлениям, контр-адмирал вынужден был уничтожить корабли, так как в устье Дона они войти не могли из-за большой осадки, а других естественных убежищ не было. На чем основывается такое утверждение, непонятно.

Нет сомнения, что, получив приказание обеспечивать морские операции в Керченском проливе и на юге Азовского моря, адмирал не озаботился поиском возможных способов спасения керченских кораблей, которые были еще вполне дееспособны. В частности, не осуществили сбор сведений о глубинах прибрежных акваторий, в которых, при неблагоприятном развитии событий, можно было бы их укрыть. Так, сведения, сообщенные Н. Филипповым в 1856 г., позволяют утверждать, что убежищем мог стать Курчанский лиман, находившийся между внутренней дельтой Кубани (у подножия огромного грязевого вулкана Миска, на склонах которого в последующие годы располагалась станица Темрюк) и морским берегом Темрюкского залива: «До последней войны никто не подозревал, что Темрюкский [Курчанский] лиман может быть судоходным, но неприятель открыл нам это в 1855 г. Пароходы его входили в лиман, подходили почти к самому Темрюку [в описываемый период жилая зона располагалась на левом берегу русла Кубани] и бомбардировали это селение. Сотня казаков, отстреливаясь из-за курганов на берегу, не допустила неприятеля сделать высадку».

Контр-адмирал Вульф в общем был неплохим морским офицером, успешно продвигавшимся по службе. Даже участвовал в десантах против горцев. Но, видимо, ему, как многим другим остзейским немцам, не были присущи изобретательность, психологическая устойчивость и находчивость в тяжелейших боевых ситуациях.

Как знать, командуй керченскими кораблями кто-нибудь из отчаянных и предприимчивых русских капитанов, возможно, пароходы, затопленные Н. П. Вульфом, смогли бы нанести урон неприятелю. Тем более что существовала возможность использования подводных мин, вместо того чтобы их топить в проливе, а на борту у парохода находилось несколько десятков пудов пороха.

Примерами отваги русских моряков могут служить успешные бои брига «Александр» с французскими кораблями 17 декабря 1806 г., брига «Меркурий» с двумя турецкими кораблями 14 мая 1829 г., минного катера «Шутка» с турецким пароходом в 1877 г., парохода «Веста» с турецким пароходом «Фетхи-Буленд» 11 июля 1877 г., потопление турецкого парохода «Интибах» 14 января 1878 г. катерами парохода «Великий князь Константин». ■

О сколько нам
открытий
чуждых

Готовятся
просвещенья
дух...

А. С. Пушкин

РОДИНОВЕДЕНИЕ

Архив Олега Матвеева

ОЛЕГ МАТВЕЕВ

Родился в 1965 году в Стерлитамаке. Доктор исторических наук, профессор Кубанского государственного университета. Автор многих фундаментальных работ по казачеству и истории народов Северного Кавказа. Живёт в Краснодаре.

С детства нам памятен образ «честного контрабандиста» Янко из таинственной лермонтовской повести «Тамань». Человек, по описанию Печорина, «среднего роста, в татарской бараньей шапке», который «не боится ни моря, ни ветров, ни тумана, ни береговых сторожей», ему «везде дорога, где только ветер дует и море шумит».

Лермонтоведы В. А. Захаров и Л. И. Прокопенко считали, что прототипом Янко для М. Ю. Лермонтова стал офицер Азовского казачьего войска Яков Барахович. Л. И. Прокопенко рассуждал следующим образом: Янко — казак в татарской шапке, Яков Барахович — тоже казак. Янко — контрабандист, Барахович — в прошлом тоже контрабандист. Имена у них похожие. Если выяснится, считал Л. И. Прокопенко, что начало службы Бараховича относится к концу сентября 1837-го, когда Лермонтов в Тамани стал свидетелем таинственного происшествия с контрабандистами, можно говорить о Бараховиче как прототипе Янко. Следовало найти формулярный список, который дал бы возможность установить начало службы Бараховича в Азовской казачьей флотилии. Однако «поиски в архивах Новочеркасска, Москвы, Тбилиси», по словам исследователей, «ничего утешительного не принесли [1].

Мне удалось разыскать в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) формулярный список войскового старшины Я. Н. Бараховича, датированный 7 апреля 1843 г. Из него следует, что Яков Никифорович Барахович родился в 1807 г., происходил «из казаков Азовского войска», в чин хорунжего был произведен 17 июля 1838 г., уже в декабре этого года пожалован сотником, в 1841 г. сталесаулом, а в ноябре 1842 г. — войсковым старшиной. Имел ордена св. Владимира 4-й степени с бантом, св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», св. Станислава 2-й степени, «и оно же Императорскою короною украшенный» [2]. Я. Н. Барахович «поступил в сформированную по Высочайшему повелению 10 команд Азовского

ЛЕРМОНТОВСКИЙ ЯНКО И ЕСАУЛ ЯКОВ БАРАХОВИЧ: КОММЕНТАРИЙ ИСТОРИКА

казачьего войска, назначенных для прибрежного крейсерства у Восточного берега Черного моря 26 апреля 1837 г.» [3]. Таким образом, к восточным берегам Черного моря офицер прибыл только в октябре 1837 г., причем находился в Абхазии (Сухум, укрепление Бомборы, Гагры). Поэтому в сентябре 1837 г. Я. Н. Барахович, тогда еще малоизвестный зауряд-хорунжий, не мог видиться с М. Ю. Лермонтовым.

В. А. Захаров предположил, что Лермонтов мог только слышать о подвигах Бараховича на черноморском побережье от своего друга князя Г. Г. Гагарина, который написал портрет казачьего офицера, хранящийся в Русском музее в Санкт-Петербурге. На этом портрете подпись князя Гагарина: «Есаул Барахович, выходец из Турции теперь служит в Азовском казачьем войске». Ниже сделана приписка: «Откусил нос и бороду у контрабандиста у укрепления Навагинского» [4]. Под рисунком стоит странная дата: 13 апреля 1837 г. В свете этого В. А. Захаров развивает следующие аргументы:

1. Смелые, необыкновенные поступки Бараховича, так же, как и «слава» о его контрабандистском прошлом, были «притчей во языцех» у кавказских офицеров, по крайней мере, об этом знал друг Лермонтова князь Г. Г. Гагарин, написавший портрет есаула Бараховича.

2. Как бывший контрабандист, Барахович отлично знал все уловки, хитрости «рыцарей наживы», их излюбленные места, расположение и устройство тайников. Поэтому и добился выда-

ющихся результатов в борьбе с контрабандной торговлей и сделал блестящую офицерскую карьеру.

3. Архивные разыскания позволили установить В. А. Захарову, что Барахович занимался тайной контрабандой будучи уже офицером Азовского войска.

4. Во время пребывания Лермонтова в Тамани Барахович находился на противоположном берегу в Керчи.

5. Почему слепой мальчик в повести шел к пристани? Там находился домик, принадлежавший Азовской казачьей флотилии. Значит, Янко не беспокоился о встрече с азовцами. Следовательно, по мысли В. А. Захарова, азовский казак Барахович мог стать прототипом Янко в повести М. Ю. Лермонтова «Тамань» [5].

Представляется, что обнаруженный в РГВИА архивный документ опровергает эту заманчивую версию. Из формулярного списка точно известно, что на службу Я. Н. Барахович в баркасные команды Азовского войска поступил только 26 апреля 1837 г. и находился в это время на Екатеринославщине [6]. Есаулом он стал только 3 июня 1841 г. Поэтому Гагарин мог видеть есаула Бараховича не раньше июня 1841 г., когда азовский офицер уже прославился своей борьбой с черкесскими пиратами и турецкими контрабандистами. В это время Г. Г. Гагарин был действительно прикомандирован к комиссии под начальством барона П. В. Гана, занимавшейся введением нового гражданского устройства в

Закавказье, и мог побывать на черноморском побережье [7].

Но о своей встрече с Бараховичем художник не мог рассказать Лермонтову: 15 июля 1841 г. поэт был убит на дуэли. К тому же повесть «Тамань» была начата Лермонтовым в октябре 1837 г., а в печати появилась в 1839 г. По-видимому, в образе Янко были задействованы какие-то иные, скорее всего художественные решения.

Реальный Яков Барахович предстает в источниках, во-первых, как блестящий организатор борьбы с контрабандой и черкесским пиратством, морских десантов на побережье. В записке лейтенанта Черноморского флота Н. Н. Сущева, написанной после 1847 г., отмечалось: «Замечательное лицо этого города (Геленджика. — О. М.) и достойно прославленное своими удалыми ночными вылазками на черкес — есть начальник азовских казаков подполковник Барахович. С необыкновенным счастьем и ловкостью он выходил несколько раз в море на казачьих баркасах за контрабандными судами и всегда возвращался с призами» [8].

Азовцы Я. Н. Бараховича вместе с солдатами Отдельного Кавказского корпуса и моряками провели немало стремительных и успешных десантов против горцев. Об одной из таких операций 12 сентября 1842 г. вблизи форта Вельяминовского, в ходе которой были захвачены черкесские батареи и турецкое судно, рассказал сам офицер: «При вылазке моей с десантом на берег отряд разделился на три части и двинулся в обход к трем батареям судна; а между тем как Азовские ладьи под командою своих офицеров заняли позицию против самого устья. Лай собак, оберегавших бивуак неприятеля, обнаружил ему движение нашего отряда, но сонные турки и черкесы, не ожидая нападения с тыла, открыли сильный огонь ядрами и картечью по нашим ладьям. Еще неприятель едва успел сделать четыре залпа из своих батарей, как охотники наши открыли батальонный огонь, с быстротою молнии перебежали шанцы, ударили на батареи и судно; неприятель, пораженный

быстротою и нечаянностью нападения с тыла, был совершенно рассеян, а мы, овладев их орудиями, обратили их в собственную свою защиту» [9].

Команды азовских баркасов в 1840—1850-е гг. лишь наполовину состояли из казаков: к каждой лодке прикомандировывались по 16 солдат черноморских линейных батальонов для службы в качестве гребцов [10]. При создании Рионской гребной флотилии азовские казачьи команды пополнялись матросами и «наемными русскими людьми» [11]. Поэтому успехи Я. Н. Бараховича были связаны не только с казачьими мореходными традициями бывших запорожцев, но и с взаимодействием с кавказскими войсками и Черноморским флотом, опорой на черноморские прибрежные форты, включенностью в единую систему борьбы Российской империи с контрабандной торговлей невольниками и оружием.

Влице черкесских корсаров азовцы Я. Н. Бараховича встретили весьма серьезного противника. Специально занимавшийся вопросом видный адыговед А. Ю. Чирг отмечает высокий уровень военно-морской культуры и искусства абордажного боя прибрежных адыгов [12].

Действия казачьих баркасов практически свели на нет черкесское пиратство. Последний морской бой описал в своих воспоминаниях Г. И. Филипсон: «Однажды, отправясь на своем баркасе из укр. Навагинского в укр. Святого Духа провожать проходивший оттуда баркас, Барахович увидал против устья реки Вардане черкесскую галеру, отдалившуюся от берега и шедшую, как оказалось, на разбой в Абхазию. Барахович успел стать между берегом и галерою и решился ее атаковать. На галере было человек 40 горцев; у Бараховича на двух баркасах было 32 казака, но на носу каждого баркаса было по одному 3-х ф. фальконету. Во время перестрелки казаки заметили другую галеру, шедшую от берега на помощь атакованной. Барахович решился идти на абордаж. Вероятно, последние пушечные выстрелы были удачны на близком

расстоянии: у горцев было несколько убитых и раненых, которые стесняли действия других. Галера была взята и потоплена, 21 горец взят в плен. Это сделано так быстро, что другая галера не успела еще подойти и, видя гибель своих товарищей, вернулась к берегу. Казаки ее преследовали пушечными выстрелами, но не догнали. Это было последнее появление черкесских галер в море. Они были во всех устьях главных рек и сгнили без употребления» [13].

Правда, характеристика генерала Г. И. Филиппсона приоткрывает другую сторону портрета предводителя азовцев: «Это был хитрый хохол, умевший лгать без зазрения совести, а подчас разыгрывать роль простака и шута. Я сказал несколько слов о характере этого человека, потому что, начав свою карьеру казаком из беглых запорожцев, он в несколько лет дошел до чина полковника, имел много орденов

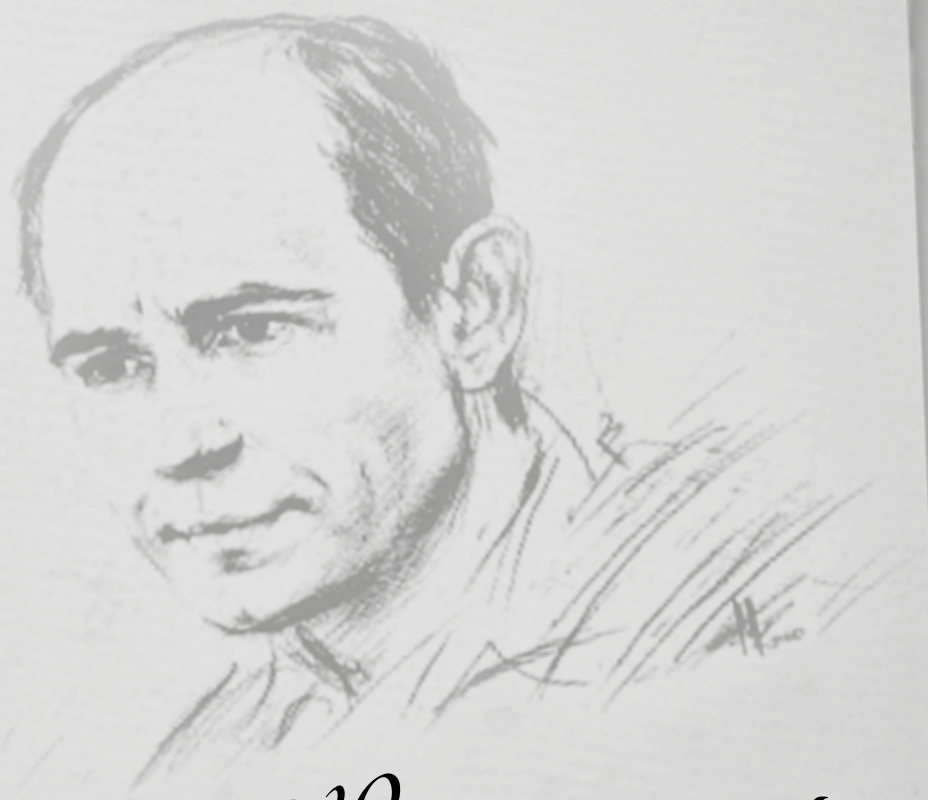
(портрет его по сие время в Эрмитаже) и, наконец, умер в своем войске под судом за ябеды и фальшивые доносы» [14]. Видимо, отвага и военно-морское искусство офицера-пограничника, успешно командовавшего азовскими флотилиями, сочетались в нем с распространенными, увы, человеческими пороками, на которые обратил внимание пытливый мемуарист.

Судьба покрывшего свое имя легендами азовского офицера, вероятно, могла бы заинтересовать автора «Героя нашего времени», для которого «история души человеческой, хотя бы самой мелкой души», была «едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа». Однако приключения Якова Никифоровича — это, как сказал бы классик, «совсем другая история», которая во всей полноте развернулась после трагической гибели второго поэта России. ■

Примечания:

1. Захаров В. А. Кто был Янко? (О прототипах героев М. Ю. Лермонтова) // Сборник Русского исторического общества. Т. 1 / Под ред. И. А. Настенко. — М.: Русская панорама, 1999. — С. 183–184.
2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 405. — Оп. 6. — Д. 4910. — Л. 3–3 об.
3. Там же. — Л. 4.
4. Захаров В. А. Указ. соч. — С. 186.
5. Там же. — С. 186–187.
6. РГВИА. — Ф. 405. — Оп. 6. — Д. 4910. — Л. 4.
7. Ткаченко Д. С., Колосовская Т. А. «Мы на Кавказе воевали не для того, чтобы разбить неприятеля и уйти...» Социокультурная деятельность Кавказской армии (по воспоминаниям и исследованиям современников). — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. — С. 242–243.
8. М. П. Лазарев. Документы. Т. II / Под ред. полковника А. А. Санарова. — М.: Воениздат, 1955. — С. 616.
9. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). — Ф. 260. — Оп. 1. — Д. 352. — Л. 3–3 об.
10. ГАКК. — Ф. 260. — Оп. 1. — Д. 159. — Л. 11 об.
11. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. — Тифлис, 1888. — Т. XI. — № 850. — С. 937.
12. Чирг А. Ю. Черкесский флот в Кавказской войне // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Материалы Всесоюзной научно-практической конференции 24–26 октября 1990 г. — Нальчик: Эльбрус, 1994. — С. 157.
13. Филиппсон Г. И. Воспоминания. 1837–1847 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2000. — С. 198–199.
14. Там же. — С. 198.

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА

Николаю
Рудцову - 90!

Огромное число актуальных, ж
В своих статьях: положение
ства страны, народное здоровье
охран, международные про
государстве... Много критик
дет Меньшикова в адрес соф
его истории, Русской правосл
справедливо отметил М. Б. С
«Кремль»: Это тот случай

Архив Дмитрия Ковальчука

ДМИТРИЙ КОВАЛЬЧУК

Родился в 1970 году в городе Армавире Краснодарского края. Кандидат филологических наук, доцент, декан филологического факультета АГПУ.

Публиковался в журнале «Родная Кубань» и других СМИ. Живёт в городе Новокубанске.

НИКОЛАЙ РУБЦОВ: ПУТЬ СКВОЗЬ ВЕКА

1. РУБЦОВ И ВЕЧНОСТЬ...

Всего лишь две строки ставшего не просто программным, хрестоматийным стихотворения Н. М. Рубцова.

*Я буду скакать по холмам задремавшей Отчизны,
Неведомый сын удивительных вольных племен...*

Дальше можно делать паузу в чтении, ибо уже в них — целая вселенная, заключающая и духовные основы русской литературы, и на несколько часов лекцию о лево-либерально-западнических взглядах, которым противостоит многовековой спор о России и русском народе, и рассуждения о целостности русского человека и его особой роли в истории. Сомневаетесь? Тогда вперед, к существу смыслов и толкований.

На одном из заседаний кружка любителей русской литературы, проводимых в Армавирском государственном педагогическом университете под руководством профессора Ю. М. Павлова, мы, довольно разнородная публика (в основном студенты с вкраплениями школьных учителей, выпускников разных лет, представителей церковного прихода Свято-Троицкого собора, просто горожан, прослышавших об интересных дебатах о русской литературе), рассматривали очередную тему. Трудно передать удивление, когда половина присутствующих для контраста с рассматриваемым автором взяла одно и то же стихотворение Е. Евтушенко. Удивление вызвал факт разного названия произведения в сборниках разных лет.

В 1974 году оно вышло без названия. В сборниках начала 1980-х публиковалось «К женщине», «Одной знакомой», а в 1996 году, видимо, «прозревший» Е. Евтушенко дал произведению наименова-

ние «России». Для меня одинаково безнравственно-кошунственно отсутствие роста души поэта, адресовавшего стихотворение, хоть возлюбленной, хоть матери-России. Даже время не заставило автора безобразных строк ни устыдиться, ни пересмотреть собственные взгляды и ошибки.

*А, собственно, кто ты такая,
С какою такою судьбой,
Что падаешь, водку лакая,
А все же гордишься собой?
А, собственно, кто ты такая,
Когда, как последняя мразь,
Пластмассою клипсов сверкая,
Играть в самородок взялась?
А, собственно, кто ты такая,
Сомнительной славы раба,
По трусости рты затыкая
Последним, кто верит в тебя?
<...>*

Если остановиться на том, что истинным является последнее название, адресованное России, то надо признать, что в короткой поэтической формуле поэт собрал все мифы и варианты любых подходов к оплеванию России: Русь-раба, пьющий русский мужик, сомнительный самородок (народ-богоносец), подделка, трусливый народ России и т. д.

Н. М. Рубцов в этом вопросе смыкается с А. С. Пушкиным, который по одной только походке крестьянина делал вывод о том, что русский мужик никогда не был рабом. Поэтому-то лирический герой Рубцова мыслит себя как минимум наследником «вольных племен». Но почему же «неведомый»? А потому, что это высшее проявление русского национального идеала — кротости, основанной на скромности, примеров которой не счесть на Руси. Поясню.

В русской истории есть масса образцов героического самопожертвования ее верных сынов, которые остались безвестными. Вот один из них. Конец 1591 года. Хан Казы-Гирей, не знавший до того ни одного поражения, пошел на Москву. Царь Федор Иоаннович развернул лагерь и походную церковь на диком поле. Совершив крестный ход вокруг Москвы с иконой Донской Божьей Матери, он всю ночь молился перед образом (списком той самой иконы, которой святой преподобный Сергей Радонежский благословлял князя Дмитрия Ивановича (Донского) на Куликовскую битву в 1380 году, укрепив боевой дух русского войска и предсказав победу).

Ночью русские переодели ратника в купеческое одеяние, в котором он проскакал мимо стана татар. Короткая погоня, и «купец» дает показания о том, что к русским подошло большое подкрепление и на рассвете они пойдут в наступление. Утром, скончавшись под пытками, безымянный герой подтвердил, что у русских подкрепление, а оно велико очень.

На рассвете разоженные костры, демонстративное перестроение русских войск и поддержка пушек Даниловского монастыря привели к панике в стане татар, а затем и к бегству воинов Казы-Гирея.

Знал ли безымянный герой, что умрет? Несомненно. Понимал ли, что имя его останется безвестным? Скорее всего, да. Осознавал он и тот факт, что пытки, которым его подвергнут, будут нечеловечески страшными. Герой выполнил свой долг воина, гражданина... А сколько еще таких героев в нашей истории? Об их подвигах мы порой ничего не знаем. Они входили в бессмертие духовное не ради славы.

Кстати, из 10 строф стихотворения «Я буду скакать по холмам задремавшей Отчизны...», описывающих мирную великую Россию, показательна последняя, в которой появляется немотивированный всем строем произведения образ воина:

*И только, страдая, израненный бывший десантник
Расскажет в бреду удивленной старухе своей,
Что ночью промчался какой-то*

таинственный всадник,

Неведомый отрок, и скрылся в тумане полей.

Всегда ли такие поэтические формулы Н. М. Руб-

цова становились стопроцентным попаданием? У зрелого автора — да.

Безусловная вера Н. М. Рубцова в Россию приводила к тому, что во многих поэтических формулах он выступал как предвидец, провозвестник грядущих событий. В «Видениях на холме» поэт «увидит наяву картины грозного раздора»: исторические события прошлого («Тупой башмак скуластого Батыея»). Они соседствуют с картинами нового времени:

*Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы.*

Дальнейшие видения будущего заставляют задуматься о точностях поэтических формулировок, через полвека вдруг оказавшихся пророческими:

*Они несут на флагах черный крест,
Они крестами небо закрестили,
И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов*

в окрестностях

России.

Авторская разбивка последнего стиха «лесенкой» только увеличивает пророческое восприятие поэтической формулы поэта, приводя к размышлениям о современных событиях, связанных с СВО... И ведь действительно, не на западных границах, а в окрестностях России.

Но как лирический герой не в силах вынести картин собственного видения и резко отнимает ладони от глаз в «Видениях на холме», так и в стихотворении «Старая дорога» он верит в светлое будущее России:

*И оттого в любви своей не каюсь,
Душа, как лист, звенит, перекликаясь
Со всей звенящей солнечной листвою,
Перекликаясь с теми, кто прошел,
Перекликаясь с теми, кто проходит...
Здесь русский дух в веках произошел,
И ничего на ней не происходит.
И этот дух пройдет через века!*

В стихотворении «Ночь на Родине» лирический герой любит картины окрестной природы, умиляясь способности принимать мирную жизнь как данность изначальную:

*И тихо так, как будто никогда
Природа здесь не знала потрясений!
Вернулся я — былое не вернется!
Ну что же? Пусть хоть это остается,
Продлится пусть хотя бы этот миг.
Как тут не вспомнить есенинское восприятие
возвращения на Родину:*

*И некому мне шляпой поклониться,
Ни в чьих глазах не нахожу приют...
<...>*

*Пуškai меня сегодня не поют,
Я пел, когда был край мой болен...*

В стихотворении Н. М. Рубцова «Давай, земля...» есть трогательные строки признания в любви к родной земле и определения творческого предназначения поэта:

*И я кланусь
Любою клятвой мира,
Что буду славить эти небеса,
Когда моя
Медлительная лира
Легко поднимет паруса!*

Признание С. А. Есенина в любви к своей земле не менее лирично:

*Но и тогда,
Когда на всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть,
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названием кратким «Русь».*

Совпадения словесные часто переходят в совпадения чувств, ощущений...

Приходится признать, что лучше самого поэта не скажешь о том, что питает его лирику. В стихотворении «О чем шумят друзья мои, поэты...» сам Н. М. Рубцов признается:

*...Негромкие есенинские песни
Так громко в сердце
Бьются и звучат!*

2.

РУБЦОВ И ПРАВОСЛАВИЕ

В отличие от широко разрекламированных поэтов-шестидесятников, часто называемых представителями эстрадной поэзии, А. Вознесенского, Е. Евтушенко и других, творческое наследие Н. М. Рубцова и близких ему поэтов (В. Соколова, А. Передреева, Ю. Кузнецова) вошло в историю русской литературы под наименованием «тихая лирика». По сравнению с вычурными, громогласными, нарочито необыкновенными творениями Евтушенко и Вознесенского, поэзия Н. М. Рубцова действительно кажется тихой. Однако эта «тихость» особого свойства. На это указывал в 1976 году В. В. Кожин, принципиально не соглашавшийся с таким определением. По его мнению, во-первых, этому противостояла манера исполнения Рубцовым своих произведений, когда «поэт сопровождал чтение как бы дирижерскими движениями рук, поднимая их все выше по мере повышения голоса». Во-вторых, в лирике Н. М. Рубцова большее, чем у других поэтов, количество восклицательных знаков — показателей эмоционального напряжения, подъема. «Какая уж тут "тихая лирика", о которой так бездумно говорится в целом ряде критических статей о поэзии Рубцова».

Более того, еще в 1974 году В. В. Кожин недвусмысленно заявил, что только часть творческого наследия поэта может быть отнесена к «тихой лирике». А «большинство его произведений никак не укладывается в это понятие. В них нет "тишины" и какой-либо умиротворенности...»

Однако поэзия Н. М. Рубцова принципиально отличается от стихотворных опытов Евтушенко и Вознесенского своей органичностью, если можно так выразиться, «неискусственностью». Речь идет об отсутствии той очевидной сложности, которая, по словам В. Кожина, «бросается в глаза каждому. Нет в ней (в поэзии Н. М. Рубцова. — Д. К.) ни изощренных метафор, ни причудливых образных ассоциаций, ни необычных словосочетаний...», так характерных для А. Вознесенского.

В полной мере почувствовать разницу между указанными поэтами можно, лишь сопоставив их стихотворения.

Наиболее удачным объектом сравнения, по нашему мнению, могут быть те произведения, в которых реакция лирического героя будет наиболее ярко выражена либо в большей или меньшей степени предсказуема. Для любого духовно здорового человека смерть близкого или знакомого — одно из самых страшных событий, вызывающих душевные мучения. Стихотворения на тему смерти есть у обоих поэтов. «Реквием оптимистический» А. Вознесенского посвящен смерти близкого и дорогого как самому автору, так и его лирическому герою, человека — В. Высоцкому. Правда, финал произведения свидетельствует о том, что смерть была клинической. В среднем по объему стихотворении мы находим в буквальном смысле этого слова нагромождение образов. Однако они не выражают чувства скорби от потери. Лирический герой замкнут на собственных переживаниях. Его беспокоят внешние раздражители: неудобство одежды, посторонние запахи и т. п.

*А над губой росли усы
Пустой утехой.
Резинкой врезались трусы,
Разит аптекой...*

Пытаясь передать чувство боли и скорби, Вознесенский создает образ: «Стояли полные глаза, как два стакана». Образ не просто слабо соотнесен с реальной жизнью, но и вызывает немало вопросов. Если это два стакана, традиционно накрываемые ломтиком хлеба за поминальным столом в память об усопшем, то кого же поминают, ведь герой в финале стихотворения выходит из состояния клинической смерти. Если это стаканы со спиртным, то уж, конечно, пьяные слезы кое-чем отличаются от слез, вызванных потерей, болью, состраданием.

Исследователи и литературоведы, размышляя об этой стороне творчества поэта, отмечали, что многие стихотворения Вознесенского искусственны, «по сути дела представляют собой своего рода "ребусы", разгадав которые мы получаем весьма плоский элементарный смысл». Более того, «мир Вознесенского насквозь конструктивен, его метафоры смонтированы». Именно поэтому данный образ, как, впрочем, и другие, оказывается неубедителен, а порой совершенно не к месту. Так, раз-

мышляя о смерти близкого по духу В. Высоцкого, поэт пишет, обращаясь к усопшему:

*Спи, шансонье Всея Руси,
ответый.
Ушел твой ангел в небеси
обедать.*

Подобное видение свидетельствует о полном отрыве автора от основ православного сознания и народных представлений о жизни, смерти, Боге. Если в приведенной цитате Вознесенский сводит воедино принципиально несопоставимые (ангел, уходящий на обед) либо чуждые, разные по качеству (французское явление «шансонье» и русское понятие «Всея Руси») явления, то во второй части стихотворения поэт выступает как явный и активный богоборец. Врач-реаниматолог представлен как Бог:

*А в «склифосовке» филиал
Евангелия,
И Воскрешающий сказал...*

*А гитара В. Высоцкого — как пара нимбов:
Один — для Матери — большой, золотенький,
Другой — для мальчика — меньшей...*

Финал стихотворения столь же безбожно-кошунственен и свидетельствует о полном непонимании (или неприятии) Православия:

*Высоцкий воскрес!
Воистину воскрес!*

Иной тип отношения к окружающему миру, реакции на драматические события в жизни человека даны в стихотворении Н. М. Рубцова «Идет процессия», повествующем о смерти незнакомого лирическому герою человека. Какая разница в чувствах и интонациях!

*Он в ласках мира, в бурях века
Достойно дожил до седин.
И вот... Хоронят человека...
— Снимите шапку, гражданин!*

Для лирического героя нет сомнения в том, что, дожив до седин, любой человек не может не быть достойным, мудрым, почтенным. Совершенно по-иному он переживает уход из жизни, пускай и незнакомого человека. Психологически точно передаются переживания лирического героя, изменение привычного хода времени, его томительно-печального замедления:

Идет процессия за гробом.

Долга дорога в полверсты...

<...>

И длится, длится поневоле

Тяжелых мыслей череда...

Долгое время разговор о лирике Н. М. Рубцова сдерживался по цензурным соображениям. Особенно это становится понятным в контексте размышлений об одной из сторон творчества поэта, о которой до недавнего времени не принято было говорить: Рубцов и православие. Мы не погрешим против истины, если скажем, что в своем творчестве Н. М. Рубцов выступает как верующий, православный человек. Подтверждение тому мы находим как в творческом наследии поэта, так и в воспоминаниях о поэте его знакомых, друзей. Одно из ценных свидетельств, прямо указывающее на сознательное отношение поэта к вере, принадлежит М. Шаповалову: «Два раза только я видел Рубцова с книгой в руках. Поэтому и помню: книгами этими были Библия и Пушкин».

Примечательно также, что в полученной незадолго до смерти квартире у Рубцова стоял стол с иконами. В момент гибели стол опрокинулся, и одна из икон — «это был образ Николая Чудотворца — раскололась пополам». Наиболее важным свидетельством для нас является собственноручно написанное завещание поэта, в котором он желает покоем в Прилуцком монастыре: «Там, где похоронен Батюшков».

Вместе с тем даже сегодня эта проблема либо обходится стороной многими исследователями, либо ставится и решается двойственно. Н. Коняев отмечает, что «вопрос о том, был ли Рубцов православным человеком, выходит за пределы его биографии (! — Д. К.), он принципиально важен для понимания эпохи, в которой жил Рубцов. С одной стороны, вся система образов в поэзии Рубцова ориентирована на Православие и вне Православия не осуществляется... Но, с другой, — в воспоминаниях о поэте практически отсутствуют даже намеки на воцерковленность Николая Рубцова или хотя бы попытку воцерковиться, предпринятую им. Нет подтверждений, был ли поэт вообще крещен».

При этом Коняев ставит под сомнение воспоминания Астафьева о том, как Рубцов посещал службу

в православном храме. По мнению исследователя, «...путь к православию, пролегающий не через церковь, а через русскую классическую поэзию, в общем типичен для литераторов, начинавших свой путь в конце шестидесятых годов». Поэтому Коняев предлагает «говорить не о воцерковленности Рубцова, а о постижении им православия через язык, через культуру».

Многие исследователи отмечают, что наиболее часто встречающимися в творчестве Н. М. Рубцова являются эпитеты «грустный» и «светлый». В. Кожин считает, что стихия света — есть выражение сути поэзии Рубцова и она «обозначает душевное состояние столь же естественно, как и состояние мира». Делая точные и глубокие наблюдения над состоянием света, соотношением и взаимоотношениями света и тьмы в лирике поэта, Кожин тем не менее не идет дальше в своих рассуждениях. В одной из статей он констатировал тот факт, что Рубцов «стал подлинно народным поэтом лишь тогда, когда вперед выдвинулось нечто более серьезное, уравновешенное и ответственное». Мы убеждены, что этим серьезным и ответственным была православная вера поэта.

Кстати, в православной философии представление о свете напрямую связано с представлением о Боге и божественной сущности явлений и предметов. Откуда грусть в лирике поэта? Понятно — тяжелый жизненный путь, трудная судьба Родины, раскрестьяненная Русь. А светлый, свет — это от веры.

«В святой обители природы...» действует лирический герой поэта. Неудивительно, что если у многих поэтов природа выступает как фон, на котором разворачивается действие, то у Н. М. Рубцова она полноценный художественный образ, имеющий святое для поэта значение и выступающий как символ Руси.

Подтверждение мы находим в стихотворении «Левитан (по мотивам картины «Вечерний звон»)», где соотносятся образные ряды храма (Руси) и луга (русской природы):

Над колокольчиковым лугом

Собор звонит в колокола...

Я слышу звон и колокольный,

*И колокольчиковый звон.
Твои луга звонят не глуше
Колоколов твоей Руси.*

Если использовать такую соотнесенность в качестве ключа к пониманию и толкованию других стихотворений поэта, то мы получим довольно целостную и законченную картину. При таком подходе яснее становится глубинный смысл строчек стихотворения «В глуши»:

*Когда душе моей
Сойдет успокоенье
С высоких, после гроз,
Немеркнущих небес...*

Небеса в данном случае — гораздо шире того, что мы видим над своей головой. Поэт сам указывает на это, подводя читателя к необходимому выводу:

*Земная веет святость,
И полная река
Несет небесный свет.*

Такая соотнесенность проходит через все творчество Н. М. Рубцова, открыто выражаясь во многих стихотворениях:

*А возле ветхой сказочной часовни
Стоит береза старая, как Русь...
(«Осенние этюды»)
Звонит, смеется как младенец.
И смотрит солнышку в след.
И меж домов, берез, полениц
Горит, струясь, небесный свет.
<...>*

*Как человек Богоподобный
Внушает в гибельной борьбе
Пусть не ужас допотопный,
Но поклонение к себе!..
(«Природа»)*

Природа и человек выступают как единое целое, взаимообусловленное и божественное по своей сути. Неудивительно желание лирического героя объединиться, слиться с природой, став листиком, дождем, чтобы получить право

*...сказать: — Я был в лесу листом!
...сказать: — Я был в лесу дождем!
Поверьте мне: я чист душою...
(«Доволен я буквально всем»)*

Глубоко символичное значение имеют образы церковей, соборов, храмов. Человек в поэтической системе Н. М. Рубцова вписан в контекст истории тысячелетней Руси. И это объединение происходит в том числе через образ храма:

*Как сон столетий, Божий храм...
(«Душа хранит»)*

Мы можем утверждать, что лирический герой Н. М. Рубцова воплощает в себе русский национальный тип, который основан на православном представлении об идеале. В поэтическом наследии поэта выражены коренные черты русского национального сознания: соборность, державность и открытость, реализующиеся через трагизм, глубинный лиризм, идею служения и самопожертвования. Особенно ясно это отражено в образной системе стихотворения «Разбойник Ляля. Лесная сказка». Любовь воскрешает атамана, разбойника Лялю, который загубил немало людских душ. Раскаиваясь, он открыто заявляет возлюбленной княжне о дальнейшем пути:

*Мы уйдем из этого станова,
Чтобы честно жить, как христиане,
Наслаждаясь миром и любовью.*

Не желая продолжения разбоя и убийств, герой вступает в переговоры со своим алчным слугой Бархоткой и погибает в неравной схватке. Поэт дает национальное понимание поступков кающегося грешника, характерное для русской классической литературы, прежде всего XIX века. В таком подходе он прямо противоположен трактовке сходного сюжета у Н. А. Некрасова, который показывает ситуацию, когда прощение раскаявшемуся разбойнику дается через убийство себе подобного («Сказание о двух великих грешниках» из поэмы «Кому на Руси жить хорошо»).

Для Рубцова такой вариант разрешения крови по совести, пусть и во имя высших побуждений, неприемлем. Более того, стремясь довести ситуацию до высшей точки нравственного звучания, поэт создает образ старухи Шалухи, слуги Ляли, которая ощущает личную ответственность за искупление грехов хозяина. Рассказывая о жизни и смерти атамана, она так пытается предостеречь людей от совершения подобных поступков.

*Так, скорбя, и ходит богомолка,
К людям всем испытывая жалость.
Да уж чует сердце, что недолго
Ей брести с молитвами осталось.*

Глубоко символично, что героиня умирает на могиле хозяина. Автор указывает на то, что такие действия Шалухи освящены свыше:

Вдаль гонима волею верховной...

К сожалению, для многих творчество Н. М. Рубцова осталось непонятым и непринятым, в том числе и потому, что поэт выступил и как православный, русский человек. Например, когда молодой и еще неизвестный поэт отдал подборку своих стихотворений в журнал «Юность», Е. Евтушенко, курировавший отдел поэзии, прочитав произведения, с видом метра важно промолвил: «Ну, кое-что тут отобрать можно...» По свидетельству Ф. Ф. Кузнецова, «видно было, что душу Евтушенко стихи Рубцова совершенно не тронули» (Подробнее об этом см. Ф. Кузнецов., газета «Завтра» № 51, 1995 год, журнал «Наш современник» № 1, 2, 1996). И дело даже не в разнице творческой манеры.

Неприятие вызывало и принципиально иное видение мира, человека, вселенной. Художественное пространство и время в произведениях автора широко, порой безгранично, направлено в вечность. Ничто не могло заставить Н. М. Рубцова озлобиться. Строки из стихотворения «До конца» стали не только творческим кредо, но и принципом всей жизни автора, как, впрочем, любого порядочного человека.

*Я клянусь,
Душа моя чиста.
Пусть она останется чиста
До конца,
До смертного креста!*

Однако позиция лирического героя шире. Он не только отвечает за свою совесть, но и утверждает богоподобность человека и его ответственность за совесть и поступки окружающих («Природа»). Эта мысль особо подчеркивается в стихотворении «На озере»:

*Очарованием смелым
Сделай меж белых своих лебедей
Черного лебедя — белым.*

Рубцов не только не отделяет свою судьбу от общей судьбы народа, но и испытывает боль из-за утраты некоторыми лучшими черт национального характера: сострадания, взаимопомощи («Неизвестный»). Известно, что понять другого человека можно, только принимая его радости и скорби как собственные. Таков лирический герой стихотворения. Он видит состояние неизвестного, который «шел против снега во мраке бездомный, голодный, больной». Оценка, данная одной из тех, кто не пустил прохожего на ночлег, сурова: «Тупая какая-то бабка».

О чем бы ни писал Н. М. Рубцов: о Родине, природе, любви, детях, — всюду проявление в лирическом герое коренных национальных черт. ■

Архив Юрия Максина

ЮРИЙ МАКСИН

Родился в деревне Плосково
Вологодской области в 1954 году.
Окончил МГПИ имени В. И. Ленина.
Член Союза писателей и Союза
журналистов России.
Публиковался в журналах «Москва»,
«Наш современник» и других СМИ.
Живёт в городе Устюжне
Вологодской области.

СУДЬБА ЛЮБИТЬ И БЫТЬ УБИТЫМ: К 55-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ГИБЕЛИ Н. М. РУБЦОВА

*«Он жил вне быта,
только русским словом...»*

В. Костров

Одно из произведений автора второго века нашей эры Апулея называется «Апология, или Речь в защиту самого себя от обвинения в магии». В то время занятия магией с преступными целями запрещались под страхом смертной казни. Апулей на суде сумел с помощью озвученных фактов блестяще доказать свою невиновность.

О его апологии, речи в защиту самого себя, вспомнилось после прочтения книги Людмилы Дербиной «Все вещало нам грозную драму...» (Вельск, 2001 г., тираж 2000 экз.). Это книга воспоминаний о Рубцове, написанная женщиной, которую поэт любил и которая виновна в его гибели. По сути своей книга Дербиной тоже апология, где лейтмотивом сквозь весь текст, нарастая к окончанию, проходит тема судьбы, рока — неизбежности «грозной драмы».

Так что же такое — рок, судьба?..

Приведу верное, на мой взгляд, суждение философа, поэта, публициста и критика Владимира Соловьева (1853—1900) из статьи «Судьба Пушкина». Цитата обширная, но она стоит того, чтобы привести ее полностью: «Есть нечто, называемое судьбой, — предмет хотя не материальный, но тем не менее вполне действительный. Я разумею пока под судьбою тот факт, что ход и исход нашей жизни зависят от чего-то, кроме нас самих, от какой-то преодолевающей необходимости, которой мы волей-неволей должны подчиниться. Как факт, это бесспорно; суще-

ствование судьбы в этом смысле признается всеми мыслящими людьми, независимо от различия взглядов и степеней образования. Слишком очевидно, что власть человека, хотя бы самого упорного и энергичного, над ходом и исходом его жизни имеет очень тесные пределы. Но вместе с тем легко усмотреть, что власть судьбы над человеком при всей своей несокрушимой извне силе обусловлена, однако, изнутри деятельным и личным соучастием самого человека».

И еще одна цитата: «...есть люди и события, на которых действие судьбы особенно явно и ощутительно; их прямо и называют роковыми...»

Здесь именно тот случай.

Девятнадцатого января исполнилось пятьдесят пять лет со дня гибели Николая Рубцова.

Рубцов сейчас самый издаваемый поэт в России, стал национальным достоянием в русской поэзии. И это дает основание сказать: в его судьбе все неслучайно.

Еще задолго до знакомства с гениальным лириком в стихотворении «Ревность» Людмилой Дербиной были написаны строки:

*Когда-нибудь в пылу азарта
Взовьюсь я ведьмой из трубы
И перепутаю все карты
Твоей блистательной судьбы!*

Строки оказались пророческими, как и строка Рубцова: «Я умру в крещенские морозы...»

Если бы эти пророчества были написаны другими людьми, не связанными между собой произошедшей трагедией, то бессмысленно было бы усматривать здесь судьбоносную связь,

но строки написаны двумя поэтами, чьи жизненные пути свели их вместе. А поэтам дается пророческая интуиция.

Как бы ни относиться к Дербиной, но поэтический талант ее признавал сам Рубцов. Достаточно прочитать его рецензию на рукопись книги стихов Людмилы Дербиной «Крушина». В книге воспоминаний текст рецензии приведен полностью. Ограничусь лишь двумя абзацами:

«То, что стихи Людмилы Дербиной талантливы, вряд ли у кого может вызвать сомнение. Если не сразу, то постепенно, но все равно ее стихи глубоко впечатляют, завладевают сердцем и запоминаются. Пусть запоминаются не всегда построчно, но в целом еще как один чистый и взволнованный голос русской лирической поэзии. Здесь мы имеем дело с поэзией живой и ясной...

...В целом же рукопись Людмилы Дербиной под названием «Крушина», предназначенная для издания в нашем Северо-Западном издательстве, заслуживает, без преувеличения, высокой и благодарной оценки в смысле свежести, оригинальности, силы поэзии, и такие стихи надо читать и печатать как можно больше и доброджелательнее».

Рубцов, как известно, судил о творчестве коллег по цеху строго, но справедливо, не занижая планки, а здесь заметно и благородство его души в отношении к таланту автора.

Этот отзыв практически открывал Дербиной путь в литературу. Но «путь в литературу», совсем другой и спустя длительный срок, ей открыла книга воспоминаний о Рубцове (все же помог Николай Михайлович).

Но, как ни вспоминай, все равно получается магический ритуал вокруг да около трагедии. «Легких и дешевых расчетов с совестью не бывает», — я снова процитировал Соловьева. От судьбы, как говорится, не уйдешь.

Хочу воздать должное художнику, оформившему обложку книги Л. Дербиной «Все вешало нам грозную драму...». Осознанно или интуитивно он отразил в оформлении обложки суть этой

книги. На черном фоне — белыми буквами имя автора; на белом фоне — черными буквами «Воспоминания о Рубцове». Обеление и очернение. На это нельзя не обратить внимания. Художник правильно понял замысел книги воспоминаний, а разделял ли он позицию автора, бог весть.

Кстати, портрет Рубцова на обложке на фоне зимней Вологды — замечательный. Скупыми средствами художнику удалось передать его беззащитность перед «роком событий» и связь с силами высшими, наделившими своего избранника неповторимым поэтическим даром.

Читая «Воспоминания о Рубцове» Людмилы Дербиной, приходишь к выводу, что написаны они умным, весьма расчетливым человеком с целью доказать, прежде всего самой себе, неизбежность рокового поступка, обелить себя в своих глазах и в глазах читателей. К тому же становится легче, когда изливаешь все наблевшее на бумаге.

В книге, помимо воспоминаний, публиковавшихся ранее в столичных изданиях, помещено также мнение специалистов в области судебной медицины, датированное две тысячи первым годом. Они, на основе проведенного исследования копии приговора по уголовному делу и других документов, связанных с убийством Николая Рубцова, взяли на себя труд предположить, что смерти от механической асфиксии не было; поэт мог умереть от возникшей в результате борьбы «острой сердечной недостаточности».

Возникает вопрос: а что же тогда делали налитые яростью пальцы на горле поэта? И было ли все «в пылу азарта» именно так, как изложила Дербина? Одна маленькая деталь, и карточный домик выстроенных мнений специалистов неминуемо обрушится.

Но, как ложь, повторенная многократно, становится «правдой», не будучи ею, так и мнения-предположения, тиражируемые средствами массовой информации, делают свое неблагоприятное дело. Неблаговидное потому, что уж очень кому-то хочется очернить образ поэта.

«Вот и в моей жизни после страшных лет травли, оскорблений появился какой-то проблеск, надежда на то, что в смерти Николая Рубцова я виновата только косвенно», — так пишет в своей книге Дербина.

И надо сказать, нашлись те, кого она смогла убедить в своей всего лишь «косвенной» виновности, возможно, и художника, коль скоро обложку книги, как правило, согласовывают с автором.

При чтении книги Дербиной вспомнилась давно осевшая в памяти фраза, что часто из двух влюбленных любит по-настоящему один, а второй лишь позволяет себя любить. Здесь именно тот случай, и понятно, кто есть кто. Даже в последние мгновения жизни поэт успел сказать: «Люда, прости! Люда, я люблю тебя! Люда, я тебя люблю!» Ответного признания и прощения не последовало. Вместо него пальцы Дербиной «теребили», как она пишет, горло поэта. «Теребили» и довершили то, что подспудно сидело в мозгах.

«Если он смог прокричать три фразы подряд, значит, его настоящее твердое ребристое дыхательное горло было свободным. Я только оцарапала над ним кожу. Сейчас я думаю, что в потасовке ему стало плохо с сердцем, и он испугался, что может умереть. Потому и закричал, чтобы остановить меня» (Дербина).

Что тут скажешь? Апология Дербиной в собственных глазах состоялась.

Любящий человек так не напишет. Любящий человек и жил бы без попыток оправдать себя, с осознанием своей вины, раз уж так все получилось, не искал бы способов от нее избавиться, называя вину косвенной и заглушая голос недремлющей совести.

Не секрет, что поэтов любить тяжело, они непредсказуемы, у них есть степень свободы, называемая поэзией, поступиться которой поэты не в силах.

И редкая из женщин понимает, что покуситься на степень свободы того, кто «слышит печальные звуки, которых не слышит никто...»

— все равно что лишить певца голоса, художника — зрения, пианиста-виртуоза — пальцев. Но тут другой случай. Избранница Рубцова в силу присущего и ей поэтического дара прекрасно понимала значение поэзии в жизни поэтов, тем более того, с кем на полтора роковых года связала ее судьба, пославшая их друг другу.

Среди множества страниц в качестве доказательства, что все вешало им «грозную драму», описывающих темные стороны жизни с Рубцовым, в книге есть и несколько светлых страниц, где поэт доверяет любимой женщине свое сокровенное. Не знал, не мог предвидеть Николай Михайлович, что каждое неосторожно сказанное, грубое слово надежно осядет в ее памяти и будет служить контрастом ко всем этим добрым светлым страницам.

В книге воспоминаний о Рубцове есть стихотворение, в котором и отразилась, как в зеркале, мысль, заключенная в осевшей в памяти фразе: часто из двух влюбленных любит по-настоящему один, а второй лишь позволяет себя любить:

*Верхушки деревьев и небо
В твоём отразились окне...
Ты был на Земле или не был?
Иль жутко пригрезился мне?
Так значит, навечно разлука?
Так значит, ни разу теперь
Не вздрогну от легкого стука,
Не кинусь распахивать дверь?
Целую меня и дождинки
Смешно отирая с бровей,
Не скажешь: «Промокли ботинки», —
Не скинешь их тут, у дверей.
Какая тоска неотвратно
Гнала тебя в слякоть и тьму,
Мне было тогда непонятно,
Я это позднее пойму.
Какая враждебная сила
Бросала ко мне на порог?
Ты видел: тебя не любила,
Не видеть ты это не мог.
Не видеть не мог, как мгновенно*

*Гасил моей радости всплеск
В глазах твоих столь непременный,
Хмельной неестественный блеск.
И сразу с ревнивою силой
Ты жег меня тысячью жал:
«Все знаю! Ты мне изменила!
Он где?! Притаился, сбежал?!»
Тарелки, стаканы, кастрюли
Летели в меня напрямик
Не то чтоб со скоростью пули,
Но все ж долетали за миг.
Потом после всех перебранок
Сидел тяжело над столом,
Как грустная птица-подранок
С простреленным насмерть крылом.
В душе моей жалость кричала,
Но, спрятавшись в сумрак угла,
Я тупо, упрямо молчала
(Я тоже подранок была).
Хотелось не выдать страданье,
Подняться, уйти, убраться.
Но чудилось, будто рыданье,
И голос твой: «Люда, прости!»
Прощала и все ж не простила!
(Ужель моя суть не светла?)
За то, что тебя не любила,
Но жить без тебя не могла,
За то, что мы оба страдальцы
(Теперь уж прости не прости),
Слепые безумные пальцы
На певческом горле свести
Рванулась...*

Как говорится: ни убавить, ни прибавить.
Да, не любила.

Поэту свойственно чувствовать фальшь, отсюда и ревность Рубцова.

Нелюбовь имеет свойство накапливаться и, дойдя до известного предела, в минуты роковые завершается преступлением. Любящий человек в такой ситуации беззащитен.

Рубцов был убит любимой женщиной.

Двасильных характера — мужской и женский — под стать друг другу.

Поэт — это слишком открытая система, в ко-

торую входят токи не только земные, но и небесные. Перенапряжение душевных сил диктует подчас неадекватное поведение. В эти неадекватные минуты «меж детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он». А люди, вовлеченные, всосанные в воронку событий, связанных с гибелью гениальной личности, навсегда остаются в этой «воронке»; и виновники гибели не в силах выбраться из нее, обелить себя, как бы им этого ни хотелось...

В статье «Судьба Пушкина» Владимир Соловьев делает вывод, что, завершись дуэль Пушкина и Дантеса иначе — смертью противника поэта, это было бы для Пушкина жизненной катастрофой: «Не мог бы он с такою тяжестью на душе по-прежнему привольно подниматься на вершины вдохновения для "звуков сладких и молитв"; не мог бы он с кровью нечистой человеческой жертвы на руках приносить священную жертву светлостному божееству поэзии; для нарушителя нравственного закона нельзя уже было чувствовать себя царем толпою и для невольника страсти — свободным пророческим глаголом жечь сердца людей. При той высоте духа, которая была ему доступна и которую так явно открыли его последние мгновения, легких и дешевых расчетов с совестью не бывает...

...Пушкин после катастрофы жил бы только для дела личного душеспасения, а не для прежнего служения чистой поэзии».

Дело личного душеспасения досталось Дербинной, а могло достаться Рубцову, завершись их «дуэль» иначе.

И как тут снова не согласиться с Владимиром Соловьевым: «Судьба вообще не есть простая стихия, она разлагается на два элемента: высшее добро и высший разум, и присущая ей необходимость есть преодолевающая сила разумно-нравственного порядка, независимо от нас по существу, но воплощающегося в нашей жизни только через нашу собственную волю. А если так, то я думаю, что темное слово "судьба" лучше нам будет заменить ясным и

определенным выражением — провидение Божие».

Деяния судьбы в случае с Рубцовым и Дербиной достаточно убедительно показали, что все произошло по ее высшей воле. Каждому досталось свое: Рубцову — всенародная слава национального поэта, его убийце — тюремный срок и долгие и нелегкие расчеты с совестью.

Судьба не признает вольного, «панибратского» с собой обращения.

Ее бесполезно использовать в качестве чье-го бы то ни было апологета, у нее свои, нет, не законы, а недоступные человеческому пониманию и подчинению предвидения...

На мой взгляд, самое беспристрастное описание жизни гениального лирика сделано его первым биографом — вологодским писателем Вячеславом Белковым (1952–2006): «Только факты, документы, воспоминания. Ничего лишнего».

Закljučая свою книгу «Жизнь Рубцова», он сделал неизбежный вывод: «Многие очевидцы отмечают, что в последние недели и месяцы жизни Рубцов выглядел больным, "безмерно уставшим человеком". У него были страхи и печальные предчувствия. Он часто думал о смерти, говорил о ней в стихах и с друзьями. Все больше и больше накапливалась сакральная, судьбоносная энергия этих слов. И, наконец, такая нависла тяжесть, что слова не могли не воплотиться...»

И неслучайно, даже символично, именно Вячеславу Белкову выпало в Троицын день 1991

года увидеть Людмилу Дербину (об этом есть упоминание и в ее книге) у могилы Рубцова и зафиксировать впечатление от этой встречи: «...Она стояла истово, как будто молилась или повторяла про себя стихи. Почему-то подумалось: "Наверное, библиотечка или учительница, или сама до таких лет стихи пишет..."»

День был теплый, ветерок слегка трогал стоявшую рядом березу. На могиле поэта, как всегда, — цветы, конфеты, печенье...

Уходя, я постарался пройти так, чтобы увидеть лицо этой женщины. Увидел. Лицо как лицо. И она тоже взглянула на меня, искоса, внимательно.

И только тут я вдруг подумал, что это именно она...»

Гибель большого поэта с течением времени начинает ощущаться как общенациональная трагедия. Так произошло и происходит с Николаем Рубцовым. Вот уж действительно, «большое видится на расстоянии», как сказал его гениальный предшественник Сергей Есенин.

И в этом тоже видна рука судьбы или рука Бога, когда она, как скульптор, отсекает все лишнее и миру является совершенное произведение искусства или очищенный от наслоений быта образ отмеченного Божьим даром человека, успевшего, несмотря на краткость земного бытия, осуществить свое предназначение. ■

8 января 2026 г.

Эту статью я посвящаю Вячеславу Белкову, без него Вологда для меня неполная.

Архив Софьи Аль-Боши

СОФЬЯ АЛЬ-БОШИ

Родилась в 2003 году
в Иркутске.

Магистрант факультета
журналистики Кубанского
государственного университета.

Публиковалась в «Завтра»,
«Российском писателе»,
«Родной Кубани» и других СМИ.
Живёт в Краснодаре.

АРАБСКИЙ МИР В ВОСПРИЯТИИ ДИНЫ РУБИНОЙ

Дина Рубина — израильская писательница, чьи книги заполнили российские книжные магазины, а тексты используются для проведения «Тотального диктанта». Это тот самый посланник, вкладывающий в головы читателей русофобские, арабофобские и человеконенавистнические идеи. Сегодня она является одной из фавориток издательств. Или была ей?

В середине лета 2025 года интернет взорвался от новости, что любимый писатель либеральных и либерально-государственных СМИ «вдруг» оказался нацистом. 20 июля телеканал «Дождь» (признан иноагентом) опубликовал интервью с Диной Рубиной, в котором, помимо прочего, затрагивалась и тема палестино-израильского конфликта. Видимо, беседа с такой «интересной» личностью рисковала остаться незамеченной, поэтому было решено устроить целое цирковое представление.

Само видео, опубликованное на YouTube, прошло мимо прессы, хотя и там есть на что обратить внимание. Ажиотаж же был вызван публикацией от 22 июля, которая появилась на Facebook* на странице Михаила Козырева**, бравшего интервью у Дины Рубиной. Пост включает в себе расшифровку «самого сложного фрагмента разговора... про принцип “они все такие”». Текст из оригинального видео содержит фразы, которые не вошли в эфир, но стали поводом для возмущений читателей: «Израиль имеет право на самозащиту. Он имеет право растворить их всех в соляной кислоте. Он имеет право расчистить Газу и превратить ее просто в парковку. Вот на что имеет право Израиль. Потому что там нет мирных жителей, нет!» [1].

Данные слова взбудоражили общественность, и на писательницу хлынула волна негатива. Через

несколько дней в той же социальной сети появился ответ Рубиной, где она обвинила ведущего в искажении фактов: «...он слепил из разных моих слов и фраз некий грязный довесок, который вдгонку разместил у себя на фейсбуке*. <...> Это даже не подлог, это просто ловкое манипулирование подставными смыслами, оброненным словом, помещенным в острый контекст. Если это все для вас слишком мудрено, то вот более простое название: подлость. Подлость и манипуляция» [7].

Интересно, что, если все же верить тексту на странице соплеменника Дины Рубиной Михаила Козырева**, то она позиционировала себя как человек, не боящийся хейта: «Я очень хочу, чтобы уничтожили всех. Возможно, я кого-то шокирую. Я даже думаю, большинство народа я шокирую. Пусть» [1]. Однако после отмены выступлений в ее родном Ташкенте и Алматы автору все же пришлось отказаться от своего «пусть» и объясниться. Но ее способ свалить все на подлые махинации со стороны телеканала выглядит смешным.

Тем не менее позже Козырев** принес публичные извинения: «Я совершил ошибку, опубликовав полную расшифровку сказанного Диной Рубиной о Секторе Газа в нашем интервью. <> Приношу свои извинения Дине Ильиничне и телеканалу «Дождь», который таким образом подставил» [2]. Как можно заметить, ведущий не признает «подлога» и «манипуляции», а лишь кается в раскрытии правды. А также во избежание негатива в свой адрес пытается отречься от высказываний писательницы: «Я считаю пагубным обобщение “все они такие” по отношению к любому народу. <...> ...даже война не оправдывает тезис “всех их надо уничтожить” по отношению к врагам. <...> Понимая причины, по

которым люди приходят к этим убеждениям, я сам отказываюсь идти этой дорогой» [2]. Однако боюсь, Михаил**, эти слова не совсем сходятся с тем, что вы говорили в беседе с Диной Рубиной. Потому что, предполагая, будто Израиль имеет право на так называемую «самозащиту», вы автоматически становитесь тем, кто поддерживает геноцид, устроенный в Секторе Газа.

Рассматривая данный конфликт, вдумчивый читатель понимает, что игра с «выкладыванием вдогонку острых фраз» является не чем иным, как способом обратить внимание, создать информационный бум и поднять просмотры. Как говорится, черный пиар в любом случае пиар.

Возвращаясь к Дине Рубиной, даже если мы предположим, что текст на странице Козырева** — это «слепленный грязный довесок», утверждение о нацистском отношении к арабам все еще останется верным. Ведь в самом интервью, нужно отметить, согласованном вместе с интервьюируемой, присутствует лейтмотив «уничтожить всех»: «...их надо, конечно, безусловно, выселить, куда-нибудь убрать, что-то с ними надо сделать» [9]. Также нужно отметить, что у Дины Рубиной присутствуют проблемы с соотношением прошлого и настоящего, иначе, почему в разговоре о Палестине постоянно появляются гитлеровская Германия и концентрационные лагеря, объяснить трудно. Говоря о жителях Газы, она рассказывает о том, как «из кожи профессоров и музыкантов в концлагере делали кошельки и абажуры», и преподносит это как одно из оправданий зверств, устроенных израильской властью [9].

Однако такую оплошность можно понять, ведь, как уже выяснено, у толпы, поддерживающей израильское правительство, присутствуют историко-логические пробелы. Для данного пласта людей конфликт между Палестиной и Израилем начался только 7 октября 2023-го. Но мы не станем останавливаться на столь понятных и очевидных для здравомыслящего человека вещах.

Затронем тему этического отношения Дины Рубиной к смерти. После слов о кошельках и абажурах израильтянка говорит: «Одно дело вышел солдат — "па-бах!", и жертва упала. И совсем дру-

гое, когда человеческое существо преступает Божьи законы существования» [9]. Любопытно, что само убийство не является в восприятии писательницы «переступанием Божьих законов существования». Но, предположим, речь идет о противостоянии «гуманной гибели» и жестоком кровопролитии. Тогда возникает закономерный вопрос: разорванные тела детей и скелеты, обтянутые кожей, не являются «переступанием Божьих законов существования»? Или данная мера оправдана?

Слова Дины Рубиной о «подлоге» не имеют никакой ценности и значения, так как свою неприязнь по отношению к арабам она высказала задолго до выхода видеоролика на телеканале «Дождь»***. В интервью для радиостанции «Лучшее радио, Израиль» она, называя себя «кровожадной библейской старухой», признается, что с энтузиазмом ждет новых жертв со стороны палестинцев: «Я с горячностью, я с вдохновением слежу. Я подсчитываю, скольких мы убили» [5]. Только душевнобольной человек может с такой страстью говорить об убийствах.

Рубина не признает Палестину как таковую, иронизируя над лозунгом сопротивления: «... Палестина свободна от хрен знает чего до хрен знает чего» [3]. Дина Ильинична сознательно либо из-за недостатка знаний опускает тот факт, что земля, на которой она проживает в данный момент, никогда не была необитаемой. Города существовали до еврейского переселения, и даже Моисей привел своих людей далеко не на пустырь. Стоить напомнить и об исторических снимках с прибытием евреев в Палестину. Кадры корабля с большим плакатом «Немцы истребили наши семьи, вы не убивайте нашу последнюю надежду» можно легко найти на просторах интернета. Однако, как уже упоминалось ранее, некоторым людям свойственно искажать факты и Дина Рубина, очевидно, также страдает этим недугом.

Например, в рассказе «Белый осел в ожидании Спасителя» автор утверждает, что арабы появились на «обетованной» земле уже после прихода туда немцев вместе с еврейским населением: «А между тем (после немецко-еврейского заселения в XVIII

веке — С. А.) на новые виноградники, поля и апельсиновые плантации в поисках работы потянулись с дальних окраин империи нищие арабские кланы...» [4, с. 3]. Введем небольшую историческую справку: Арабский халифат образуется в 632 году, земли Шама (территория нынешних Сирии, Иордании, Ливана и Палестины) присоединяются к империи в это же время. В период Праведного, Омейядского и Аббасидского халифата Левант являлся частью арабского мира. Даже после развала единого центра в середине XIII века территория Палестины осталась у Мамлюков — арабской династии. И вплоть до разгрома султаната и захвата Османской империей территорий близ Средиземного моря, а после разделения турецкой державы на этих землях жили представители семитской этноязыковой группы, в частности арабы. Возможно, Дина Рубина думает, что люди на протяжении больше 10 веков обходили этот клочок плодородной и пригодной для сельского хозяйства земли. И только после миграции евреев из Евразии поняли, что у них находится под боком. Фантастика, не иначе.

В этом же произведении во второй главе при посещении русского женского монастыря можно увидеть «яркую» характеристику арабских домов: «Они строят свои дома прямо под нашими стенами, надвинулись отовсюду, как рать окающая. <...> Их и домами не назовешь. Ставят их быстро, за ночь возводят фундамент и стены, а закончить постройку можно через много лет. Главное — место занять. <...> ...большая арабская семья, невеста откуда явившись, понастроила... своих мазанок, сразу все обжила, как только они могут...» [4, с. 11–13]. В этих строчках ощущается вся неприязнь к людям, проживающим внутри описываемых домов. «Чужой», «безобразный», «бандит» — ключевые слова, через которые характеризуются Диной Рубиной арабы.

Такую же неприязнь она испытывает даже к детям, в которых видит опасность: «Мы углубились... осторожно огибая и переступая через... детей, как всегда в таких местах чутко ощущая границы собственного настороженного тела» [4, с. 9]. Видимо, для автора дети, «играющие, ползающие, сидящие

на земле», представляются местными головоре-зами, что их близость заставляет тело приходить в боевую готовность. Все, что связано с арабами, для автора является угрозой: «...профессия гида вырабатывает привычку к будничным передвижениям по самым опасным местам. Так я совсем не боялась, когда жила в одном из поселений в Самарии и трижды в неделю ездила на работу в Тель-Авив по дороге, рассекающей несколько больших арабских сел» [6, с. 19].

Для Дины Рубиной арабы — это помеха. И мечеть, «придавившая мечту евреев о возрожденном Храме», и замурованные мусульманами Золотые ворота, через которые должен войти Спаситель. Да и кладбище их там не к месту находится. Они, впрочем, все не к месту.

Однако самый невежественный и ужасающий момент в этом произведении — это описание азана, призыва к молитве: «...в уши ударил гнусавый рык, леденящий внутренности, и мне две-три секунды потребовались для того, чтоб опознать в нем обычную песнь муэдзина... он звучал грозным боевым кличем. Оставалось только гадать, как выносят эту слуховую пытку, предназначенную неверным, сами жители арабских деревень, как не становятся заиками их спящие младенцы? Минуты три неистовый звуковой смерч расширял воронку утробного воя, вспухал вокруг нас осязаемой стеною» [4, с. 17]. Только ограниченный и недалекий человек мог написать такие скверные слова в отношении священного для мусульманина явления. Тут же мы видим, что Дина Рубина совсем ничего не знает о религии людей, проживающих по соседству с ней. Азан — это напоминание о Боге, и предназначен он не для «неверных», а как раз-таки для верующих людей.

Чтобы полностью убедиться в отношении израильской писательницы к арабскому миру, обратимся к другим ее произведениям. Ярким примером восприятия арабов является небольшая зарисовка «Картинка с натуры», опубликованная в «Литературной газете», прошу обратить внимание, в 2007 году. В этом тексте четверо пожилых арабов показываются как «мускульно хищно напряженные» налетчики, зашедшие в «почтенный ресторан

«Наполеон»» с целью устроить скандал. И только автор своим «израильским глазом, постоянно фиксирующим боковым зрением опасность», смог определить национальность вошедших господ. А ведут они себя громко, «потрясая в воздухе сжатыми кулаками, как в плохих индийских и арабских фильмах..., где изнурительно долго плачут, жалобно поют, обильно потеют и неумоимо танцуют» [5]. Прокомментировать данное «нечто» хочется словами Ольги Эль-Джеши из письма для редакции, отправленное после выхода в печать текста: «Судя по рассказу “Картинка с натуры”, “убежать от своего душевного здоровья” ей (Дине Рубиной. — С. А.) наконец-то удалось» [10].

Повесть «Туман» — очередная характерная арабофобская история. По сюжету главный герой Аркадий расследует убийство 35-летней девушки, совершенное ее родным братом Салахом за «осквернение семейной чести». В тексте арабы представлены восточными варварами, способными убить члена собственной семьи и относящимися к женщинам хуже, чем к скоту: «Ты ж сам говорил, что таких дел тьма-тьмушая — они своих баб, как мух, давят, режут и жгут!» [6, с. 3]. Арабский Восток воспринимается как «средневековье», отсталый от цивилизации мир, не способный к прогрессу: «...ничего не меняется в этих деревнях с их вековым укладом... <...> Покончила девушка с собой или ей помогли родственники <...> никто из полутора тысяч живущих в деревне мужчин и женщин не посочувствует жертве...» [6, с. 8]. Автор создает картину противостояния: Аркадий — истинный израильтянин, человек образованный с двумя высшими образования, тот, кто может дать отпор беззаконию. И Салах — араб и мусульманин, а значит, нелюдь.

В интервью «Дождю» Дина Рубина говорит, что в Секторе Газа нет мирного населения. Утверждает, будто жители с «молоком матери» принимают ненависть к евреям. Однако произведения Дины Ильичны написаны в начале XXI века, до 7 октября, от которого все защитники Израиля ведут отчет. Возникает вопрос: с чем же сама Дина Рубина принимала такую огромную концентрацию арабофобии?

Возвратимся к вопросу, заданному мной в начале статьи, — является ли Дина Рубина все еще желанным автором в российских издательствах? Ответ — да. После скандала с интервью Духовное управление мусульман России обратилось в правоохранительные органы с просьбой «дать правовую оценку ее высказываниям» о палестинцах Сектора Газа. В этом же письме отмечается, что российский книжный рынок является основным источником доходов писательницы и организация мусульман призывает издательства прекратить сотрудничество с Диной Рубиной. Ответ не заставил себя долго ждать. Главный партнер израильской писательницы «Эксмо» высказался по данному вопросу и полностью поддержал ее: «Данный инцидент вызван непрофессионализмом и недобросовестностью со стороны конкретного СМИ и его представителя. Издательство "Эксмо" намерено поддержать Дину Рубину в защите репутации и установлении справедливости. Мы солидарны с высказыванием автора относительно поступка Михаила Козырева, в котором, в частности, говорится: "Он слепил из разных моих слов и фраз некий грязный довесок"» [8]. Появляется подозрение, что работники печатного дома, перед тем как начать издавать книги Дины Рубиной, совсем не читали их. Другое объяснение тому, как они не заметили «нацистский довесок» писательницы, найти трудно.

Но мы не станем отчаиваться, ведь, как сказала Дина Рубина в интервью для «Лучшего радио, Израиль»: «Зло должно быть наказано» [3]. С этим утверждением я соглашусь. Несмотря на все ухищрения сторонников фашистской риторики Израиля, мир знает правду. И зло обязательно будет наказано. А Палестина станет свободной от реки до моря!

P. S. Данная статья была написана в сентябре 2025 года. Прошло уже более шести месяцев, но ситуация на книжном рынке не изменилась. Войдя в магазин (сетевой, как «Читай-город», или локальную книжную лавку), вы легко сможете найти книги Дины Рубиной. Такие интернет-площадки, как «Литрес», «Лабиринт», «Яндекс Книги», «Mybook»,

«LiveLib» и другие, с радостью знакомят читателей с ее произведениями и предлагают аудиоформаты. «Эксмо», слепо придерживаясь своей позиции, продолжает публиковать данного автора, не видя в ее текстах ничего «предосудительного».

Тем временем желания Дины Рубиной исполняются с каждым днем. «Спасательный» план Дональда Трампа, который должен был принести мир на Ближний Восток, лишь развязал руки Израилю, и тот, не теряя времени, превращает Палестину в «парковку». Сегодня в список погибших в Секторе Газа внесены почти 70 тысяч палестинцев, 20 тысяч из которых — дети. Однако еще в сентябре 2025 года ООН докладывала, что реальная цифра погибших превышает официальные данные (тогда число составляло более 63 тысяч) в 10 раз и достигает отметку в более чем 600 тысяч.

А еще есть Западный берег реки Иордан, где израильские поселенцы нападают на местных жителей и активно оккупируют целые деревни, выселяя хозяев и уничтожая их имущество, где оскверняют и поджигают мечети.

«Всех их надо уничтожить» — такова политика Дины Рубиной и Израиля. Пока писательница продвигает геноцид арабов в литературном мире, Нетаньяху руководит этим процессом на земле. Они идут бок о бок: в его руках оружие, в ее — перо. Однако несмотря на то, что издательства предлагают такие человеконенавистнические книги, российский читатель не обязан участвовать в этом преступлении. А Роскомнадзору стоит уже обратить внимание на эту израильскую писательницу, чьи идеи близки к фашистским. ■

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ:

1. Козырев, М. Самый сложный фрагмент моего разговора с Диной Рубиной... // Публикация на Facebook. URL: <https://www.facebook.com/watch/?v=714998234633175&rdid=vKWbheYHfYXmHAXe> (дата обращения: 19.09.2025).
2. Козырев, М. Я совершил ошибку, опубликовав полную расшифровку... // Публикация на Facebook. URL: <https://www.facebook.com/misha.kozyrev/posts/pfbid02EGfJUYNn9ipncu3foJnWP1YzwADNjhlgij9k5n3MU3cgfpu9UYgJ6nvg9a2C4R1yl> (дата обращения: 19.09.2025).
3. Лучшее радио. Израиль. Дина Рубина: История вытрезит ноги о западную цивилизацию URL: <https://m.ok.ru/video/7303887196428> (дата обращения: 20.09.2025).
4. Рубина, Д. Белый осёл в ожидании Спасителя : роман. — М.: Эксмо, 2014.
5. Рубина, Д. Картинка с натуры // Литературная газета. — 2008. — № 2
6. Рубина, Д. Туман : роман. — М.: Эксмо, 2020.
7. Рубина, Д. Публикация на Facebook URL: <https://www.facebook.com/rubinadina/posts/pfbid02cKQKApCzGWc12RH3RmgujF9HMDsU7s3PX8hSH9rshXy8NbArX3L4cfYMR2wuFSk1> (дата обращения: 19.09.2025).
8. ТАСС. "Эксмо" продолжит издавать книги Рубиной после ее высказываний о населении Газы. URL: <https://tass.ru/kultura/24672603> (дата обращения: 20.09.2025).
9. Телеканал «Дождь» // «Мы имеем дело с абсолютным злом». Дина Рубина о логике войны, шпионах Моссада и любви к героям книг. URL: <https://youtu.be/sJai0cem3jQ> (дата обращения: 17.09.2025).
10. Эль-Джеши, О. Письмо. «Радостно-душевное здоровье» Дины Рубиной // Литературная газета. — 2008. — № 10.

* Фейсбук признан экстремистской организацией и запрещен в России.

** Признан в РФ иноагентом.

*** Признан в РФ иноагентом и нежелательной организацией.

Архив Дарины Игнатенко

ДАРИНА ИГНАТЕНКО

Родилась в 2005 году в городе Приморско-Ахтарске. Студентка 3-го курса факультета журналистики КубГУ. Публиковалась в журнале «Родная Кубань», «Завтра» и других СМИ. Живёт в Краснодаре.

Архив Виктории Горайновой

ВИКТОРИЯ ГОРЯЙНОВА

Родилась в 2005 году в городе Тимашевске. Студентка 3-го курса факультета журналистики КубГУ. Публиковалась в журнале «Родная Кубань», «Завтра» и других СМИ. Живёт в Краснодаре.

ФИЛЬМ «ПРЕДАТЕЛЬСТВО» А. МЕДВЕДЕВА: О НЕЛЮДЯХ БЕЗ ЧУВСТВА РОДИНЫ

На заседании Национального антитеррористического комитета Федерального оперативного штаба 9 декабря 2025 года директор ФСБ Александр Бортников заявил: «Скоординированными действиями силовых структур в текущем году предотвращено 374 террористических преступления, в том числе 273 теракта...» [5].

Только с начала 2026 года силами ФСБ в России было предотвращено восемь терактов, разрабатываемых спецслужбами Украины. СБУ вербуют как иностранных граждан Средней и Центральной Азии, так и наших соотечественников. 12 января в Пермском крае задержали гражданина России, планирующего подорвать железнодорожный мост [19], 14 января в Санкт-Петербурге задержали гражданку России, которая собиралась убить сотрудника ОПК [3], 17 января в Хабаровском крае и Кабардино-Балкарской республике — теракты против представителей органов власти и силовиков [17], 20 января ликвидировали мужчину, причастного к подготовке теракта против военного в Ставрополе [15], 21 января задержали мигрантов из Центральной Азии, собиравшихся напасть на отдел полиции в Уфе [16], 27 января предотвращен теракт на железной дороге в Свердловской области, подготавливаемый гражданами РФ [18], 29 января ФСБ уничтожила боевиков, готовивших подрыв ж/д в Дагестане [2], 3 февраля задержали иностранца, который должен был взорвать объекты энергетики в Подмоскowie [14].

В некоторых случаях завербованными оказы-

ваются обманутые мошенниками люди, которые, чтобы вернуть свои деньги, готовы на все, но в большинстве своем на теракт соглашаются ради «легких» денег.

1 февраля 2026 года на платформе «Смотрим» состоялась премьера документального фильма Андрея Медведева «Предательство» «о гражданах страны, осужденных за террористическую и экстремистскую деятельность, о тех, кто предал родных, близких, Родину... Съемки прошли в исправительных учреждениях, тюрьмах разных регионов» [1], — сказано в описании фильма. Медведев вел беседу с теми, кто поджигал релейные шкафы на железных дорогах, вертолет, кто посредством теракта убил несколько десятков людей. И тут может возникнуть вопрос: «Зачем давать слово убийцам и террористам?» На наш взгляд, ответ простой — важно не то, что им слово дают, а то, как и кто это слово им дает. Главное, что хотят сказать этим фильмом. После просмотра только у защитников «всего живого» может появиться сострадание к этим «материальным скотам» (Н. В. Гоголь) и беспринципным «темщикам», которым «ни горячо, ни холодно от того, что будет у нас чуть больше территории или будет чуть меньше» [1], ведь их интересует только наличие круглой суммы в кармане.

Почему же так важно, кто дает это слово? Согласитесь, «предатель», «предательство» — слова громкие, которые уже показывают четкую позицию Медведева. Но если бы этот фильм снимал

Дудь* (Минюстом России признан иноагентом), то настроение, эмоциональный окрас, посыл кардинально отличались бы от того, что хочет донести до зрителя режиссер фильма. Или же возьмем К. Собчак. В 2021 году она взяла интервью у скопинского маньяка и вела с ним чересчур милую беседу, а в конце 2025 года на ее канале вышло интервью с Евгенией Хасис, отсидевшей 16 лет за участие в двойном убийстве адвоката Маркелова и журналистки Бабуровой. Хасис вышла из тюрьмы только 25 ноября, а 2 декабря проходили съемки, 8 декабря видео с ней было загружено в сеть. Тут лишь бы актуальность громкой темы не потерять, а на моральные принципы наплевать. И здесь мы делаем акцент не на самой Хасис, которая раскаивается в содеянном, а на вступительной речи Ксении Анатольевны: «О сегодняшнем выпуске будут говорить много, будут говорить по-разному, он вызовет очень противоречивую реакцию, поэтому я хочу четко с самого начала обозначить свою позицию... На этом канале мы исследуем и будем исследовать, в том числе, психологию зла, и я не считаю, что журналисты не должны этого делать... Во всем мире есть практика говорить даже с террористами и маньяками... Я до сих пор считаю интервью со скопинским маньяком одной из лучших моих работ...» [13]. Получается, Собчак исследует психологию зла, а не занимается «хайпом на горе» (комментарий Платона Беседина к интервью со скопинским маньяком).

И все же кто тот человек, который дал слово террористам? Андрей Медведев — журналист ВГТРК, заместитель генерального директора по радиовещанию. С сентября 2024 года — председатель комиссии по культуре и массовым коммуникациям Московской городской Думы. В декабре 2025 года президент Владимир Путин присвоил Медведеву звание заслуженного журналиста России.

За все годы своей работы Андрей Андреевич не раз снимал в тюрьмах осужденных террористов, но лишь сейчас (видимо, поняв, что нужно показать проблемы духовно-нравственных ценностей молодежи) решил создать фильм о предателях. «Когда мы снимали фильм “Предательство”, то

я снова вспомнил те, давние интервью. В фильме есть два совершенно поразительных персонажа, которые любого из моих собеседников прежних лет легко по уровню цинизма переплюнут. Впрочем, тоже сочувствия не вызывают никакого» [6], — сказал Медведев еще до премьеры.

И что же руководило предателями, когда они соглашались на такие преступления? Все просто. Легкие и быстрые деньги. И без просмотра фильма любой здравомыслящий человек поймет, что умом почти все террористы не отличаются. Глупые, психически нездоровые существа, способные выполнить любое задание вражеской стороны за любые деньги. Да, можем сказать, что некоторые террористы далеко не глупые (Трепова* (внесена в РФ в перечень террористов), например, хорошо сдала ЕГЭ, самостоятельно поступила в вуз). Но то, что их отличает, — явно нездоровая психика. Чего только стоят рассуждения одного из поджигателей вертолета: «Рассчитывали, если поймают, то сядем на три года, максимум на четыре. В принципе, это не критично в нашем возрасте» [1]. Размышления в целом вполне характерны для преступников. Удивительного мало. Так же, как и мысли о переезде в Европу, основанные на том, что «люди говорят, что там хорошо» и «в России ничего лишнего репостнуть в соцсетях нельзя» [1]. Один из террористов сказал: «Это такая Родина, где сажают за просто так» [1].

В фильме была приведена статистика за 2019 год, согласно которой в России за год за высказывания в социальных сетях было арестовано 400 человек, в то время как в Великобритании — 3300 [1]. Также в фильме озвучили цифры на 2023 год, где Россия оказалась на шестом месте в списке по количеству арестов за комментарии в интернете (400). На первом месте снова «свободная» Великобритания, в которой было арестовано в 24 раза больше людей (12183). На третьем месте — Германия (3500 арестов) [1]. Но, вполне вероятно, интеллектуальные и духовные деграданты, живущие мечтой о переезде в «свободную» Европу, вряд ли будут интересоваться реальными фактами.

Надо ли говорить, что раскаяния ни у одного

террориста, показанного в фильме, не было абсолютно. Медведев не ошибся в своем высказывании, «по цинизму переплюнули». Например, Дарья Трепова* (внесена в РФ в перечень террористов), осужденная за теракт, в котором погиб военкор Владлен Татарский, говорит следующее: «Было очень интересно во всем этом участвовать»; «очень неприятно быть использованной» [1]. Раскаяния нет, есть лишь бесконечная забота о собственном, насквозь прогнившем внутреннем мире.

Но о каком раскаянии может идти речь, если они не считают себя виноватыми: «Я не предатель. Я считаю, что несправедливое наказание. Я ничего плохого не сделала. Просто вызвала такси ребятам, не зная о том, куда они направляются» [9], — сказала одна из поджигателей вертолета. Но это не удивительно. Террористы трактуют понятие «предатель» как человека, который сдал своих: «Я даже не знаю, например, если бы я пошел с одним подельником сжечь этот вертолет, а этот подельник сжег бы со мной вертолет, на следующий день бы позвонил и сдал бы меня. Вот это предатель» [9].

Вернемся к тому, как режиссер эмоционально показал проблему предательства. Вспомним еще об одном «документальном фильме» — «20 дней в Мариуполе» украинского режиссера Мстислава Чернова, получившего «Оскар» в 2024 году. Заново поднимать тему получения «Оскара» из-за всемирной жалости к «жертве агрессивной России» мы не будем. Но сравнить подачу этих двух кардинально разных фильмов все же стоит. В «20 днях...» все построено на псевдофактах, подставных актерах и давлении на жалость зрителя посредством лжекадров и звукового сопровождения, которое нагнетает обстановку. Люди без критического мышления, которые не разбираются в ситуации, после просмотра фильма слепо поверят всему увиденному и пойдут везде кричать, что Россия — террорист и агрессор. Еще раз обратим ваше внимание на слова «лжекадры» и «псевдофакты».

В «Предательстве» все наоборот. Настоящие террористы, а не актеры, реальные кадры задер-

жания предателей, видеонарезки их «подвигов» и живые истории ради того, чтобы предостеречь соотечественников, привлечь внимание к проблеме. Как мы уже и говорили, у зрителя не должно появиться чувство жалости, сострадания и подобных проявлений милосердия к террористам. Да, «герои» говорили о своих планах на будущее, что выйдут на свободу ближе к 40 годам, хотя сейчас им чуть меньше или больше двадцати. Фильм заканчивается видеорядом счастливой молодежи (которая смеется, гуляет, занимается спортом, учится), фразой: «Это могли быть лучшие годы их жизни» [1]. И это сделано, чтобы каждый задумался о последствиях своих действий и даже не допускал мысли о предательстве. Все начинается с мысли.

А они, как и духовно-нравственные ценности, формируются в первую очередь в семье, где родители должны объяснять, что хорошо, а что плохо, что нужно любить свою Родину. Сейчас этот фундамент ребенку помогают заложить в школе на «Разговорах о важном». Поэтому фильм обязателен к просмотру на этих уроках. Однако есть маленькое «но». Когда мы зашли на платформу «Смотрим» 4 февраля около трех часов дня, «Предательство» имело возрастное ограничение 18+. Андрей Медведев прокомментировал это в тот же день: «Пишут мне разные люди, в том числе педагоги, работники сферы образования, и задают вопрос. Почему у фильма "Предательство" категория 18+ и как же его показывать в школах? Не первый раз слышу про 18+ и не понимаю, откуда эта информация. У фильма рейтинг 12+. На нашей платформе "Смотрим" он именно в такой категории. Это сделано специально, как раз для того, чтобы фильм можно было в школах посмотреть, с детьми обсудить, поговорить» [8]. И правда, вечером того же дня на этой платформе фильм уже имел метку 12+. Этот непонятный момент решили...

Конечно, не только семья и школа формируют души и умы подрастающего поколения, но и медийное пространство. Важно сказать, кто этим медийным пространством руководит — люди,

разрушающие государство на протяжении более тридцати лет. Полковник службы внешней разведки РФ в отставке А. Безруков в этом фильме скажет: «Эти люди были сформированы ситуацией конца 90-х, когда все говорили: "Все плохо, надо валить отсюда, а там... там хорошо". Этот ребенок вырос. У него нет патриотической связи с нашей страной. Когда у ребенка заложено позитивное мнение о своей стране, потом, когда вырастет, он увидит негатив. Но эта информация упадет на позитивную базу, на эмоциональную привязанность к стране, которая была выстроена» [1]. Естественно, когда на протяжении стольких лет в СМИ говорят о том, что Россия и все русское — плохо, а все западное — хорошо, то в неокрепших умах сформируются соответствующие стереотипы.

К сожалению, и сейчас за пультом управления медийным пространством стоят те же люди из 90-х, либералы, ставшие «патриотами». И даже если они выпускают в эфир качественный контент, то в самое неподходящее время. На платформе «Смотрим» фильм вышел 1 февраля в 14.00, а на канале «Россия 1» — в 23.00. Согласитесь, самое время для высоких охватов. Поздно вечером в воскресенье всем же «хочется» смотреть «документалку».

Нужно сказать и о генеральном директоре ВГТРК — Олеге Добродееве. Он также является членом Академии российского телевидения, Национальной академии кинематографических искусств и наук России. Входит в состав попечительского совета Государственной Третьяковской галереи. Примечательно, что он работал над политической программой «Итоги» совместно с Евгением Киселевым* (признан иностранным агентом). Заняв пост гендиректора ВГТРК, сменил Швыдкого, о «культурном уровне» и «патриотизме» которого уже наслышаны многие.

В 2012 году, получая Государственную премию России в области литературы и искусства, Олег Добродеев отметил заслуги Бориса Ельцина как первого президента РФ, который в сложный для страны период одобрил создание телеканала «Культура». Добродеев выразил благодарность за

то, что в те сложные времена удалось уговорить Ельцина создать этот проект [4]. А кем же были созданы эти «сложные» времена? Не создателями ли «Культуры»?

Обратимся к еще более ранней истории и поймем, что именно Добродеев и обеспечивал «информационную поддержку» Ельцина на выборах 1996 года. Добродеев в то время возглавлял информационную службу НТВ и работал на стороне владельца телеканала Владимира Гусинского, который поддерживал Ельцина. С того момента можно и начинать отсчет — телевидение стало полностью подконтрольно либералам.

Ввиду сомнительного прошлого директора ВГТРК становится понятно, почему «Предательство» не показали в прайм-тайм.

Необходимо привести мысли выдающихся личностей современности и СМИ о фильме «Предательство». Например, Евгений Поддубный назвал фильм Медведева «прививкой, потому что лечит инфантилизм, глупость, безответственность» [10]. И это так, но главное, чтобы эта «прививка» дошла до молодежи, ведь, учитывая время показа и слабое желание большинства молодежи смотреть документальные фильмы длительно — более 10 минут, вероятность пропустить ее достаточно высока. И мы не шутим, говоря про длительность. Медведев в своем телеграм-канале выставил ролик, в котором все самое главное из фильма сокращено до двух минут. Цитата под видео: «Зная, что 99 процентов современного подрастающего поколения выросло на коротких вертикальных видео и не способно внимательно отсмотреть более часа документального фильма, мы не поленились и сжали его до сути, способной гарантированно зацепиться за мозг зумеров» [7].

И также важен отзыв другого военного корреспондента — Романа Сапонькова. Он назвал «Предательство» фильмом про войну украинских спецслужб против детей и выступил с важным призывом: «Обращайте внимание на своих детей. Не будьте мясом чужой войны» [12]. Также Сапоньков отметил: «Жесткое наказание абсолютно оправдано. Люди без принципов и убеждений по-

нимают только так» [12]. А может быть, и так не понимают. Ведь, как уже говорилось, кроме жалости к самим себе никаких чувств у террористов не было. Хотя каждый из них должен знать, что за подобное преступление наказание может быть (должно быть) намного серьезнее.

А вот публицист Андрей Рудалев назвал фильм Медведева «кондовым» [11], имея в виду то, что «Предательство» никак не подействует на молодое поколение. Как он выразился: «Собственно, главный посыл: всех ловят, а дальше — большой срок. Но ведь это не закрывает всего спектра подходов, по которым работают с "расходниками"... падет режим — амнистия и ты — герой в новой и

светлой стране. Надо только чуть потерпеть, ты уже все сделал...» [11]. Но разве террористы были показаны как «герои»? Их собственные ощущения и чувства ограничиваются одним — все они в тюремном заключении. Яркими фрагментами были как раз-таки кадры возможной счастливой жизни молодежи. Но пропаганды «падения режима» и «героизма» террористов после него в фильме точно не было.

Если бы основные СМИ России возглавляли не люди из 90-х, а подлинные патриоты и профессионалы, как Андрей Медведев, то, думаю, предателей в нашей стране было бы на порядок меньше. ■

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ:

1. «Предательство». Документальный фильм // Смотрим. — 01.02.2026 — URL: <https://smotrim.ru/video/3074413>.
2. В Дагестане ликвидировали двух боевиков, готовивших теракты // «РИА Новости». — 29.01.2026. — URL: <https://ria.ru/20260129/dagestan-2070913480.html>.
3. В Петербурге предотвратили покушение на сотрудника предприятия ОПК // «РИА Новости». — 14.01.2026. — URL: <https://ria.ru/20260114/pokushenie-2067739087.html>.
4. Гендиректор ВГТРК отметил заслуги Ельцина в создании канала "Культура" // «РИА Новости». — 12.06.2012. — URL: <https://ria.ru/20120612/671529325.html>.
5. Директор ФСБ России провел совместное заседание НАК и ФОШ по итогам работы в 2025 году // НАК. — 09.12.2025. — URL: <https://nac.gov.ru/view/3d7c0fa5-b63c-44c4-b6fd-6e75b43339b0>.
6. Медведев А. // Телеграм-канал. — 01.02.2026. — URL: <https://t.me/MedvedevVesti/24398>.
7. Медведев А. // Телеграм-канал. — 03.02.2026. — URL: <https://t.me/MedvedevVesti/24433>.
8. Медведев А. «Не первый раз слышу про 18+ и не понимаю, откуда эта информация» // Телеграм. — 04.02.2026. — URL: <https://t.me/MedvedevVesti/24449>.
9. Осужденные за поджог вертолета не считают свое наказание справедливым // Смотрим. — 01.02.2026. — URL: <https://smotrim.ru/article/4896923>.
10. Поддубный Е. // Телеграм. — 02.02.2026. — URL: <https://t.me/epodubny/26244>.
11. Рудалев А. // Телеграм-канал. — 02.02.2026. — URL: https://t.me/rudalev_andrej/6170.
12. Сапоньков Р. // Телеграм-канал. — 02.02.2026. — URL: <https://t.me/RSaponkov/12817>.
13. Собчак К., «ЕВГЕНИЙ ХАСИС: первое интервью на свободе. Убийство, 16 лет за решеткой, раскаяние, планы на жизнь» // ВК Видео / Осторожно: Собчак. — 08.12.2025. — URL: https://vkvideo.ru/video-212451998_456241844?t=1m5s.
14. ФСБ задержала иностранца, готовившего теракт в Подмоскovie // «РИА Новости». — 03.02.2026. — URL: <https://ria.ru/20260203/terakt-2071862748.html>.
15. ФСБ показала ликвидацию мужчины, причастного в подготовке теракта // «РИА Новости». — 20.01.2026. — URL: <https://ria.ru/20260120/video-2068963351.html>.
16. ФСБ предотвратила теракт в отделе полиции в Уфе // «РИА Новости». — 21.01.2026. — URL: <https://ria.ru/20260121/fsb-2069233233.html>.
17. ФСБ предотвратила теракты в Хабаровском крае и КБР // «РИА Новости». — 17.01.2026. — URL: <https://ria.ru/20260117/fsb-2068478512.html>.
18. ФСБ рассказала о подозреваемых в подготовке теракта в Свердловской области // «РИА Новости». — 27.01.2026. — URL: <https://ria.ru/20260127/terakt-2070481226.html>.
19. ФСБ сорвала теракт на железнодорожном мосту в Пермском крае // «РИА Новости». — 12.01.2026. — URL: <https://ria.ru/20260112/fsb-2067317070.html>.

*Юрий Дудь (Минюстом России признан иностранным агентом).

** Дарья Трепова (внесена в РФ в перечень террористов).

*** Евгений Киселев (Минюстом России признан иностранным агентом).

АНДРЕЙ НЕЙЖМАК

Родился в 2003 году в Ростове-на-Дону.
Студент 4-го курса журфака
КубГУ. Публиковался в журналах
«Москва», «Наш современник»,
«Родная Кубань» и других СМИ.
Член Союза журналистов России.
Победитель Всероссийского конкурса
«Проводники культуры»
в секции «Журналистика».
Живёт в Краснодаре.

КАЗАЧЬЯ ЯВЬ. О РОМАНЕ А. МОЖАЕВА «ЗА ЧЕРТОЙ»

*За чертой: роман / Александр Можаяев. —
М.: Вече, 2025. — 352с. — (За ленточкой).*

*«У них свое, а у нас свое!
Мы как были Войском Донским,
так и остались им, и этого из нас не
вытравить!
Под себя народ не переделают...»*

«За чертой» А. Можаяев

По сложившейся давно в литературе традиции важные исторические катаклизмы фиксировались в эпосе. Писатель погружает героев в крепкие «силки» времени и ищет ответы на вопросы, которые люди стараются разгадать от столетия к столетию. В последние годы эпос оскудел: уж слишком быстро меняется мир; люди определяют себя не по веку, не по эпохе. От этого мы знаем о разделении на millennia-лов, зумеров...

Александр Николаевич Можаяев говорит современной торопливости свое твердое «нет». В романе «За чертой» он не гонится за будущим, а вспоминает прошлое, анализирует настоящее. Все это неслучайно: на него повлияли и любовь к классической школе, и знакомство с Шолоховым, и даже некая его опека, и жизнь у юго-западного «кордона» России вдали от мегаполисов. «За чертой» в первую очередь повествует о событиях, происходивших на границе Ростовской области и Украины в 2014–2015 годах.

Следует сказать, что сам Можаяев родился в Луганске, а жил в Ростовской области, в родовом хуторе Можаяевка. Его отец, известный скульптор Николай Васильевич Можаяев, долгое время работал именно в Луганске. Вся семья имеет явную связь с Донбассом. Для Александра Николаевича жители России и восточной Украины являются духовными братьями: «Большая часть Луганской области — историческая территория Войска Донского, да и сам Луганск на три четверти заселен бежавшими от рассказывания и раскулачивания казаками. Так что и по духу, и по культуре, и по языку мы один народ». Писателю не надо ничего выдумывать. Он сам являлся участником «Русской весны» в Донбассе в 2014–2015 годах, ставших началом сегодняшних военных событий.

Можаяев-повествователь никуда не торопится. Чтобы рассказать о настоящем, он пишет о прошлом; «достает» из собственного казачьего сундука истории друзей, родственников, соседей, свои воспоминания; описывает жизнь, когда никакой «черты» между двумя братскими народами не было.

Главный герой Александр — рассудительный и честный человек, которого по статусу называют Атаманом. Он обычный житель хутора, как и его друзья (Жека, Кудин, Кубанец, Бармалей, Людмила и Натаха). Герои растут вместе: ко-

лядуют, устраивают хоккейные баталии, позже — застолья с потешными стишками, с песнями о тяжелой судьбе. Молодые люди плясали на самобытных донских свадьбах: не обходилось без гармонии, «горилки» и драк. В общем, привычный донской быт, который не изменялся веками, не считая некоторого технического прогресса. Повзрослев, друзья Атамана уезжают из родных мест, некоторые герои — в будущую «независимую» Украину (как, например, Бармалей с Людмилой или Носач).

Когда неведомая «черта» в 91-м году стала реальной, герои продолжают «ездить из России в Россию» для повседневной работы или личных нужд. Однако с «той» стороны ситуация начинает явно нагреваться. «Прокляти козаки... Засилы москаляки по всем кабинетам. Ничого, выкорчуемо... Гиляк на усах хвате. Чисто буде...» — произносит начальник погранзаставы, «западенец» Блажеенок. Атаман вполне логично задается вопросом: «Куда ни глянь, лежат под крестами одни и те же фамилии что на моем, что на этом берегу. Лобовы, Черенковы, Токмачевы, Власовы... Здесь можно отыскать и мою фамилию... Все казаки одного и того же десятого полка. Что же должно было случиться, чтобы на одной-единой земле войска Донского, среди родных могил, я стал здесь чужим, в страхе озираюсь по сторонам и боюсь пришлого народа, который объявил эту землю своей?..» «Черту» проводят явно не там. Доказательство этому — события, произошедшие 20 лет спустя.

В 2014 году в Донбассе складывается народное движение против украинизации, а точнее — против европеизации. Местные жители встали против майдана. Самим справиться тяжело. Россия только что вернула Крым и надеялась на мир в Восточной Украине. А он все не наступал. Тогда к границе с Луганском потекли добровольцы. Пройти через границу невозможно: «блажеенки» расстреляют на месте. В этой ситуации может помочь лишь человек, который ходил здеш-

ними тропами с детства, — Атаман. Главный герой становится проводником по фронтовому Стиксу: «Я, конечно, тоже боюсь так же, как и они. Боюсь пули снайпера, боюсь просмотреть ловко замаскированную растяжку, боюсь не учуять засады... <...> внушил себе, что меня не так-то легко застать врасплох, ведь я знаю здесь каждое дерево, каждый куст, каждую былинку, я различаю шорохи, я чую опасность, как зверь...». И далее в романе: «Я знаю, охота на меня открыта давно. За меня и за парней, идущих за мной, украинский олигарх Коломойский обещает большие деньги. Охотников подзаработать по-легкому много. Иной раз они идут за мной по пятам; по-звериному я слышу за много верст их спешащие шаги, слышу их тяжелое прерывистое дыхание. Осознание этого сродни паранойе. Я жду этого выстрела, а его все нет... Господь для чего-то все еще сохраняет меня. Может, лишь для этих вот строк...»

Связь Атамана с природой Донбасса автор подчеркнул особо. В степи невозможно спрятаться, каждый шаг на виду, и потому выживание требует не силы, а чутья и терпения. Образ проводника соотносится с фигурой степного волка или орла: Александр не столько вступает в бой, сколько обзревает пространство, читает его знаки, выбирает путь, уводя за собой других. В таких сценах герой видится мифологическим персонажем. Паранойя, о которой говорит Атаман, оказывается не медицинским диагнозом, а формой повышенного внимания к миру, необходимой для выживания. Отсюда выстраивается особый тип героя — не окопного солдата и не идеологического борца, а человека степи, для которого война становится продолжением древнего конфликта за территорию, память и право быть хозяином своей земли.

Образ проводника стал одним из ключевых в романе. Атаман сопровождает добровольцев в Донбасс — небольшой регион северной части Ростовской области «проводит» большую Россию к

малой. И это происходит в случае Можаява почти произвольно. Автор не пишет, почему Атаман начал заниматься переправкой бойцов. Можаяв, только к середине текста подошедший непосредственно к описанию событий 14–15 годов, заставляет читателей ответить на этот вопрос самому. Как быть, когда ты живешь в «российском» хуторе, а твои родители и друзья — в Луганске? Что делать, если самозванцы лишают народ независимости? Чем ответить на удары украинской власти по своему населению? Эти и иные вопросы разбросаны по всему роману.

Никакой черты для Можаява никогда и не было. Жители Украины — его друзья. Гуляли вместе, работали вместе. Что ж, и воевать пришлось вместе.

Основной сюжет Можаяв «подпирает» вставными эпизодами, которые формируют единый историко-культурный пласт текста. Жизнь главного героя невозможно представить без воспоминаний о бабушке, которая рассказывала о довоенном СССР, о дядьке Сашке Последнем Герое, выжившем после крушения атомной подлодки К-19. Повествование дополняют почти легендарные сказы о казаках. Можаяв чуток к судьбе России, его герои не могли бы участвовать в эпохальных событиях, будучи оторванными от истории страны и своего народа.

«За чертой» — аккуратно выстроенное и лично пережитое произведение, автор которого старается показать читателю проблему русского человека в первой четверти XXI века в масштабе один к одному. Этот фактор роднит произведение Можаява с одним из лучших романов предыдущего столетия — «Тихим Доном». Я говорю в первую очередь не о привязке к месту действия и похожему бытописанию, а о смысловых узлах текстов. Нельзя упрекнуть Можаява в подражании Шолохову.

Следует заметить бережное отношение Александра Николаевича к романной традиции. Он извлекает общую суть: русскому человеку вто-

рой век подряд приходится участвовать в Гражданской войне, которая определяет его геополитическое положение. Представьте судьбу России при красных и при белых; при украинском Донбассе и при русском.

На первом плане — судьбы людей: переправы Атамана с добровольцами, «Санта-Барбара» Кудина и Натахи, история любви Людки Зынченко и Бармалея. Первые «шаги» в донбасских событиях сделал именно народ — люди, знающие цену труда и все тяготы жизни вне столиц.

«Тихий Дон» и «За чертой» похожи отношением к врагу. Вспомните сцену первого убийства Григория Мелехова: «Муть свинцом налила темя. Григорий слез с коня и замотал головой <...> Лица ... слились в глазах Григория в студенистое, глиняного цвета пятно. Он бросил поводья и, сам, не зная для чего, подошел к зарубленному им австрийскому солдату. Тот лежал там же, у игривой тесьмы решетчатой ограды, вытянув грязную коричневую ладонь, как за подаванием. Григорий глянул ему в лицо. Оно показалось ему маленьким, чуть ли не детским, несмотря на вислые усы и измученный — страданием ли, прежним ли безрадостным житьем, — покривленный суровый рот <...> Григорий глянул на его белую, покрытую пылью кокарду и, спотыкаясь, пошел к коню. Путано-тяжел был шаг его, будто нес за плечами непосильную кладь; гнусь и недоумение комкали душу. Он взял в руки стремя и долго не мог поднять затаившую желевшую ногу».

А теперь прочитайте строки Можаява после смерти украинского боевика: «И чего я его жалею?.. Не подоспели б Ежи-Ужи, они бы со своими отмороженными друзьями и меня б с Жекой доби́ли, и автобусы расстреляли б...» — ожесточая себя, думал я, но в памяти почему-то стояли лишь его жалкие всхлипы: «Мамочка, мамонько...». Оба фрагмента художественно сближаются прежде всего сочувственным взглядом на врага, который в момент смерти перестает быть

абстрактным «противником» и становится простым человеком. Итог один: сострадание русского человека оказывается сильнее идеологии. «Нам сейчас только и осталось поделиться на русаков, хохлов, казаков да евреев... Тут у нас, в Донбассе, сто национальностей корни пустили, а ты предлагаешь всех разделить?..» — говорит один из наиболее дидактичных героев произведения Носач о консолидации донбасского народа.

Следует сравнить роман «За чертой» с современными произведениями этой же тематики. Для четкого обозначения деталей возьмем одну из последних книг Алексея Алексеевича Шорохова «Бранная слава», о которой я уже писал. Тексты Можая и Шорохова сходны прежде всего тем, что оба автора осмысливают современную войну как часть большого исторического процесса и ставят в центр не идеологию и не батальные сцены, а судьбу конкретного человека, его нравственный выбор, способность к состраданию и любви. Война в произведениях обоих авторов показана трагически: враг не превращается в абстрактное зло, а остается человеком, а человеческое чувство — жалость, память, верность — оказывается сильнее политических лозунгов.

При этом различия между прозаиками принципиальны. Можая тяготеет к эпическому способу мышления: он медленно разворачивает сюжет, опираясь на историческую память, казачий быт, связь поколений и земли, показывая войну как продолжение давнего, почти мифологического конфликта; его герой — проводник, человек степи. Шорохов же в книге «Бранная слава» сознательно выбирает фрагментарную форму — рассказы, повести, дневниковые записи — и сосредоточивается на внутреннем состоянии человека, прошедшего фронт: его героя интересует не столько историческая длительность войны, сколько ее экзистенциальное воздействие, перелом сознания, разрыв с прежней жизнью и поиск смысла через любовь, веру и ответственность. Таким образом, Можая выступает как

эпик памяти и земли, а Шорохов — как летописец войны, показывающий нравственное очищение человека в эпоху СВО.

Особенности художественного мышления Можая можно понять по названию романа: оно многозначно и работает сразу в нескольких смысловых планах. Прежде всего «черта» — это реальная государственная граница, проведенная в 1991 году между Россией и Украиной, которая в романе показана как искусственная и исторически ложная: она разрезала единое культурное, родовое и духовное пространство Донбасса и Донской земли. Жизнь «за чертой» здесь — это существование людей, которые внезапно оказались чужими на земле собственных предков. Одновременно «черта» имеет исторический смысл: это рубеж эпох, переход от советского мира к постсоветскому, а далее — русскому; от относительной цельности к распаду; от общего прошлого к конфликту, который в 2022 году перешел в открытую фазу войны.

Есть у «черты» и нравственное измерение: герои оказываются за пределом привычной мирной жизни, за чертой, где человек вынужден делать предельный выбор — помогать, рисковать, брать на себя ответственность или отступить. В этом смысле «за чертой» — это пространство испытания совести и человеческого достоинства. Кроме того, «черта» у Можая имеет экзистенциальное значение: это граница между жизнью и смертью, страхом и мужеством, человеком мирного быта и человеком войны. Переходя ее, герой становится иным, даже если внешне остается тем же хуторянином: «...Где этот противник, где спасительная черта, где я?.. <...> Вон там вдали черная стена тополей и прибрежных верб. А за ними спасительная черта. Нужно только дойти до нее <...> Когда-то в далеком детстве мне было так же страшно входить в пугающий своими скрипами и вздохами ночной лес — всюду мне мерещились демоны и неведомая лесная нечисть

<...> Нынешняя нечисть, сторожащая меня у черты, много страшней — крестом и молитвой ее не возьмешь. <...> Вот он и склон, внизу лед, река. Теперь меня никому уже не взять! Даже мертвый я успею достигнуть своей черты! <...> Вот она, где-то здесь! Сейчас сделаю шаг, переступлю ее, и уже никакие демоны не посмеют ко мне прикоснуться <...> Я начинаю угадывать это место, исстари зовется оно Малашкиной ямой <...> Когда-то, играя на этом месте в хоккей, мы, запарившись, поочередно подползали к ней и пили из нее деркульскую воду <...> Мне почудилось, что даже сейчас я слышу их (болельщиков. — Прим. А. Н.) крики: «Ку-дин-Ку-дин! Же-ка-Же-ка! Са-ня!». <...> Засмеявшись

от счастья и необъяснимой радости, припадая на ногу, я иду к своему берегу. Вот и мой дом».

Название романа фиксирует сразу несколько уровней смысла: географический, исторический, нравственный и философский, подчеркивая, что для автора никакой подлинной черты между людьми не существовало, но именно ее насильственное проведение и стало источником трагедии.

Несомненно, «За чертой» — уникальный для современной литературы роман. В России продолжает рождаться большой эпос. Надеюсь, что о событиях после 2015 года донской казак и русский писатель Александр Николаевич Можаяев напишет тоже. Дух воина и умение сострадать ему в этом точно помогут, даст Бог. ■

Бойцы ополчения Донбасса.

КУБАНЬ В ФОТООБЪЕКТИВЕ

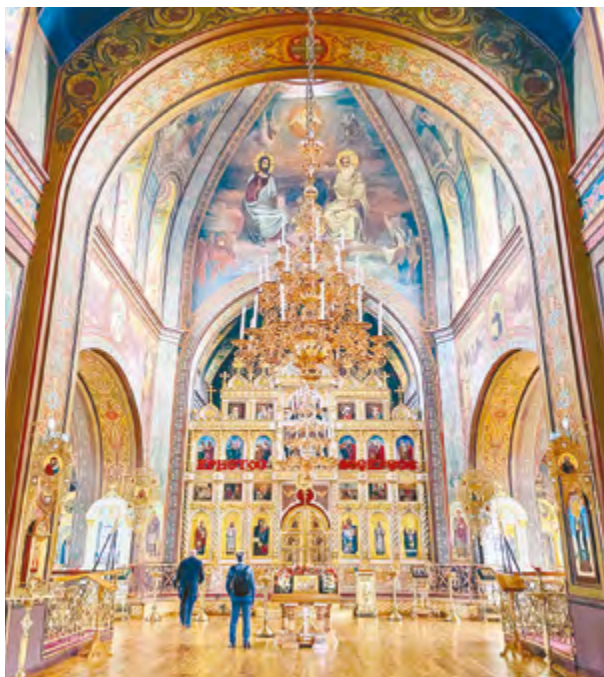

ПЕЙЗАЖИ ГОЛУБОЙ БУХТЫ. Геленджик. Осень 2025. Фото Арины Котовой.

ЗАСНЕЖЕННЫЕ ГОРЫ. Краснодарский край. Зима 2026 г. Фото Елизаветы Бaeвой.

СВЯТО-ТРОИЦКИЙ СОБОР.
Краснодар. Зима 2026 г. Фото Динара Бурангулова.

СВЯТО-ТРОИЦКИЙ СОБОР.
Краснодар. Зима 2026 г. Фото Динара Бурангулова.

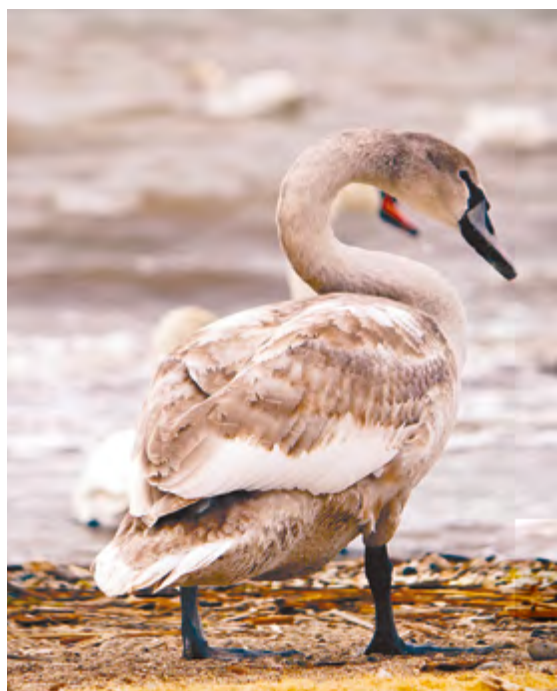
МУЗЕЙ ИМЕНИ Е. Д. ФЕЛИЦЫНА.
Краснодар. Весна 2025 г. Фото Динара Бурангулова.

МОРСКОЙ ПОРТ.
Сочи. Зима 2025 г. Фото Арины Котовой.

ЛЕБЕДИ. Приморско-Ахтарск. Зима 2026 г. Фото Дарины Игнатенко.

ПОКА КРЫЛЬЯ НЕ ПОБЕЛЕЛИ.
Приморско-Ахтарск. Зима 2026 г. Фото Дарины Игнатенко.

ЧАЙКА.
Приморско-Ахтарск. Зима 2026 г. Фото Дарины Игнатенко.